

ISSN 2587-7046

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 3 (13), 2017 г.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии.

Ранее журнал выходил под названием «**Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Социально-гуманитарные науки**».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуж. деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., доктор социологических наук, профессор (г. Киев)

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Ильин М.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)

Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Согомонян В.Э., доктор политических наук, профессор (г. Ереван)

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)

Ярецкий Ю.Л., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Delwyn L. Harnisch, Professor&Fulbright Scholar University of Nebraska
Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosofy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ» (ВОРОНЕЖ, 27 ОКТЯБРЯ 2017г.)

Бочарова И.М. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (РЕВОЛЮЦИЯ, КОММУНИЗМ, ВЛАСТЬ).....	6
Бухтоярова И.М., Савчук А.Д. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.....	10
Жбанкова Е.В. ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХОРЕОГРАФИЯ.....	16
Зверков Е.А. РОЛЬ, МЕСТО И ФУНКЦИИ СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 г. (ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ).....	23
Kirchanov M. V. RUSSIAN SOVIET REVOLUTIONARY CLASSICS BETWEEN STALINISM AND IDEALISM OF POLITICAL UTOPIAS.....	30
Kirchanov M. V. CHUVASH NATIONAL UTOPIA INSPIRED BY THE REVOLUTION: BETWEEN NATIONALISM AND COMMUNISM.....	41
Киселев Е.Ю. РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ВОРОНЕЖЕ.....	50
Коршунова С.А. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА – СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ (ОПЫТ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА).....	60
Кукоба В.Д. РОЛЬ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА.....	64
Меганов С.А. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА.....	69
Никитин А.П. ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ В ИЗУЧЕНИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА).....	76
Прядкина И.М. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	83
Радугин А. А., Радугина О. А. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ НОВОГО ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	89
Свиридов И.С. ВОПРОС О РЕФОРМЕ СЕЛЬСКОГО ПРИХОДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА.....	94
Ченская Т.В. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 20-х – НАЧ.30-х гг. XX в.....	102
Щукин Д.В. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ПРОСТРАНСТВЕ МОДЫ И КУХНИ.....	109

ИСТОРИЯ

Болдырева И.И. ПОЧИТАНИЕ СВЯТОЙ ЭТЕЛЬТРИТЫ ИЛИЙСКОЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ.....	115
---	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Бадалова Е.В. Высокосова К.А. КИБЕРТЕРРОРИЗМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	120
Погорельский А.В. ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	130

CONTENTS

MATERIALS OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE “THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: CAUSES AND CONSEQUENCES”(VORONEZH, OCTOBER 27, 2017)

Bocharova I. M. RUSSIAN REVOLUTION IN RUSSIAN PHILOSOPHY (REVOLUTION, COMMUNISM, AUTHORITY).....	6
Bukhtoyarova I. M., Savchuk A.D. THE REVOLUTION OF 1917 AND THE JEWISH QUESTION.....	10
Zhbankova E.V. OCTOBER 1917 AND PUBLIC CHOREOGRAPHY.....	16
Zverkov E.A. THE ROLE, PLACE AND FUNCTIONS OF VORONEZH SOVIET OF WORKERS’S SOLDIER’ AND PEASANTS’ DEPUTIES IN 1917 IN THE SYSTEM OF PUBLIC RELATIONS.....	23
Kirchanov M. V. RUSSIAN SOVIET REVOLUTIONARY CLASSICS BETWEEN STALINISM AND IDEALISM OF POLITICAL UTOPIAS.....	30
Kirchanov M. V. CHUVASH NATIONAL UTOPIA INSPIRED BY THE REVOLUTION: BETWEEN NATIONALISM AND COMMUNISM.....	41
Kiseliov E.U. REVOLUTIONS OF 1917 IN VORONEZH.....	50
Korshunova S.A. OCTOBER REVOLUTION OF 1917 – RANDOMITY OR REGULARITY? (EXPERIENCE OF SYNERGETIC ANALYSIS).....	60
Kukoba V. D. THE ROLE OF THE SHOCK TROOPS OF THE RUSSIAN ARMY IN THE EVENTS OF 1917.....	64
Meganov S. A. THE FORMATION OF THE SOVIET POLITICAL SYSTEM IN RUSSIA DURING THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917.....	69
Nikitin A. P. THE CONSEQUENCES OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA TO STUDY THE FINANCIAL SYSTEM AND FINANCIAL POLICY OF THE GOLDEN HORDE (FIRST HALF OF XX CENTURY).....	76
Pryadkina I.M. THE GREAT OCTOBER REVOLUTION OF 1917: SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS.....	83
Radugin A. A., Radugina O. A. THE GREAT OCTOBER REVOLUTION AS A PROJECT TO CREATE A NEW TYPE OF CIVILIZATION.....	89
Sviridov I.S. THE QUESTION OF THE REFORM OF THE RURAL PARISH IN THE RUSSIAN EMPIRE BEGINNING OF THE XX CENTURY.....	94
Chenskaya T. V. RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND THE CRISIS OF THE PEASANT IDENTITY OF THE 20-th - EARLY 30-th. YEARS.....	102
Shchukin D.V. DAILY REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN THE SPACE OF FASHION AND FOOD.....	109

HISTORY

Boldyreva I.I. THE VENERATION O SAINT AETHELTHRYTH OF ELY IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND.....	115
---	-----

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Badalova E.V., Vysokosova K.A. CYBER TERRORISM: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT AND PROBLEMS OF COUNTERACTION.....120

Pogorelsky A.V. EASTERN DIRECTION OF THE FOREIGN POLICY OF THE EUROPEAN UNION AT THE PRESENT STAGE..... 130

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКАЯ
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ» (ВОРОНЕЖ, 27
ОКТАБРЯ 2017 г.)**

УДК 130.121

*Воронежский государственный технический
университет
Кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
И. М. Бочарова.
Россия, г. Воронеж, тел. 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@mail.ru*

*Voronezh State Technical
University
PhD in Philosophy,
Associate Professor of Philosophy, Sociology and History
Chair I. M. Bocharova.
Russia, Voronezh, tel. 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@mail.ru*

И. М. Бочарова

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
(РЕВОЛЮЦИЯ, КОММУНИЗМ, ВЛАСТЬ)**

В статье с философской точки зрения исследуются причины, которые привели к Октябрьской революции в России. Среди этих причин можно назвать слабую экономику страны, многочисленные феодальные пережитки, новые формы капиталистической эксплуатации, а также войну, в которой участвовала Россия. Также рассматривается необычный характер русской революции, так как она произошла в своеобразных условиях, в нарушении марксистской теории пролетарской социалистической революции.

Ключевые слова: Октябрьская революция, монархия, коммунизм, большевики, диктатура пролетариата.

I. M. Bocharova

**RUSSIAN REVOLUTION IN RUSSIAN PHILOSOPHY
(REVOLUTION, COMMUNISM, AUTHORITY)**

In the article the causes that led to the October Revolution in Russia are being investigated from a philosophical point of view. Among these reasons can be called a weak economy of the country, numerous feudal vestiges, new forms of capitalist exploitation, as well as a war in which Russia participated. The unusual character of the Russian revolution is also considered, since it occurred in peculiar conditions, in violation of the Marxist theory of the proletarian socialist revolution.

Key words: October revolution, monarchy, communism, Bolsheviks, dictatorship of the proletariat.

Октябрьская революция была подготовлена не только экономической слабостью страны, а многочисленными феодальными пережитками (монархическая власть и феодальная собственность на землю), новыми формами капиталистической эксплуатации, но также войной, в которой участвовала Россия. Государство подтачивалось господствующей частью российского общества и подталкивалось к неминуемым изменениям. Революция готовилась также теми социальными слоями, которые не замечали глобальных проблем и не хотели заботиться о собственном народе, который время от времени напоминает о себе в нашей истории кровавыми бунтами С. Разина, Е. Пугачева. Исторический опыт свидетельствует, что все крестьянские войны и восстания заканчивались поражением (во Франции, Германии, Чехии, Болгарии, Китае и др.).

Особенности социальной структуры России в начале XX века означали, что «революция в России возможна была только как аграрная» [1. С. 111]. Она опиралась на «недовольство крестьян и на их ненависть к дворянам-помещикам и чиновникам» [1. С. 111]. Массовое число крестьян, одетых в годы войны в солдатские шинели и вооруженные было теперь готовы мстить за беспросветную нужду, голод, кошмары войны, за унижения и бесконечное бесправие. Народу были чужды цели политики тех, чей язык и нравы, культура отличались от культуры народного большинства. Только аграрная революция, которая есть не только революция социально-экономическая, но может быть прежде всего революция моральная и бытовая сделала возможной диктатуру пролетариата, вернее диктатуру идеи пролетариата [1. С. 111]. Эта диктатура пролетариата жестко прошла впоследствии по крестьянству, физически уничтожив наиболее успешных, старательных, трудолюбивых. Как мудро предвидел Ф. Достоевский, «революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного» [2. С. 271]. Тяжелейшая война и связанные с ней испытания и человеческие жертвы в значительной степени подготовили окончательно революционный бунт. Не случайно К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин придавали огромное значение войне «как самому благоприятному моменту для производства опыта коммунистической революции» [1. С. 112]. Но разложение императорской России началось давно [1. С. 113]. Ко времени революции императорская власть совершенно разложилась, дискредитировала себя и война завершила этот процесс. «Русская монархия рушилась в 1917 г. от того, что слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства» [3. С. 465]. В феврале 1917 года монархия пала, потому что ее уже никто не защищал и с Россией произошла страшная катастрофа [2. С. 250]. Революция стала потрясением для страны, «революция как тяжелые болезни несет всегда свои неустрашимые последствия» [4. С. 213]. С позиций религии революция, совершающая насилие и проливающая кровь есть грех. И русская революция с ее последствиями стала примером жесточайшего кровопролития и насилия, имела смертоносный и кровавый образ. Она коснулась не только императорской семьи, но и всего народа. Православный, но безвольный и бессильный монарх и православный народ, «мессия и богоносец», явили истории и миру кошмар и ужас кровавых событий. Последний русский царь – фигура трагическая, он расплатился за зло династии. Не менее трагична судьба всей царской семьи, в гибели которой проявилась дикая жестокость «народных комиссаров». Они подтвердили идею Нечаева, которую разделял Ленин: «Для революции все морально, что служит революции» [2. С. 256]. Революция еще раз подтвердила «горькость русской судьбы» [5. С. 227].

Характер русской революции определяют одни авторы, что она была преждевременной, другие считают ее запоздавшей. Но исторически сложилось так, что первая мировая война обострила до предела противоречия как между европейскими государствами, так и внутри них. На основании этого В. Ленин разработал теорию, что мир вступил в эпоху пролетарских революций, которые могут победить не во всех развитых странах, а в отдельной стране, например, в России. Революция успешно произошла в крестьянской стране, где была провозглашена рабоче-крестьянская республика. Первыми документами молодой республики поэтому стали не только «Декрет о мире», но и «Декрет о земле», который стал символом аграрной революции, сменившей феодальную собственность на землю новой собственностью.

В революции раскрылась все та же старая Россия, нечеловечески звериная, которую лишили бога [2. С. 256]. Н. Бердяев считал, что революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. В русском народе обнаружилась огромная витальная сила, которая раньше не давала возможности обнаружиться [1. С. 112]. Русский народ был всегда склонен к способности к бунту и мятежу, т.е. движениям, имеющим с революцией лишь внешнее сходство. «Всякий народ, – считал Н. Бердяев, в

любой момент своей истории живет в разные времена и века» [2. С. 251], но только русский народ в своей реальности совмещает XX век и позднее средневековье. Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории с их секуляризацией. «Пало старое священное русское царство» и вместо Третьего Рима Россия создала Третий Интернационал.

Влияние К. Маркса на коммунистические идеи гораздо более, по-видимому, прямое, но русская коммунистическая революция очень изумила бы К. Маркса, ибо совершенно противоречит его учению и даже опровергает его [6. С. 326]. Уже во второй половине XIX века марксистские идеи распространились в России, где социальные конфликты принимали новые формы. «Столкнулась Россия, ищущая социальной правды, с империей, искавшей силы» [1. С. 16].

К. Маркс, который не любил Россию и русских, с удивлением пишет, что у него появились последователи среди русских степных помещиков [1. С. 28]. Но писания К. Маркса и Ф. Энгельса играли в мышлении советских коммунистов такую же роль как Святое Писание для христиан [7. С. 328].

Большевики использовали сложившуюся ситуацию для установления своего господства. Ленин совершенно верно определяет диктатуру «как власть, опирающуюся не на закон, а на силу» [8. С. 172]. Большевики воспользовались недовольством крестьян, русскими традициями деспотического управления, народным гневом к своим мучителям. С другой стороны, народное искание правды, справедливости, способности к жертвенности, терпению и несению страданий, «русским мессианизмом всегда остающимся хотя бы в бессознательной форме русской верой в особые пути России» [1. С. 115].

В. Ленин совершил революцию «во имя Маркса», но не по Марксу [1. С. 88]. Коммунистическая революция в России произошла, минуя продолжительный период буржуазного развития и не дожидаясь таких же революций в Европе. Это был пример парадокса в марксистской теории, так как в России «Маркс был соединен со С. Разиным» [1. С. 88]. Коммунистическая революция в России характеризуется основными национальными чертами. Самодержавная монархия была заменена диктатурой тоталитарного марксизма с национальными особенностями.

Ленинизм стал вождизмом нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью [1. С. 86]. Новая идеология формировалась по принципу «Чья власть, того и вера». Этот лозунг М. Лютера в России означал, что революция для многих была сакральной философией и религией, требовавшей жертв. Но коммунистические идеи, которые для многих стали носить религиозный характер, сделали их антихристианскими, атеистами, антигуманистами.

Русский коммунизм деформировал русские идеи, русский мессианизм, искания правды, добра и справедливости.

Человеческая личность в новом обществе стала средством, а не целью. Деформация личности, дегуманизация, атеизация, отказ от глубоких истоков национальной культуры привели народ к примитивным деформированным ценностям.

Для коммунизма Царство Кесаря становится Царством Божиим [1. С. 125]. Русская революция бездарна и уродлива: ни песни, ни гимна, ни памятника, ни жеста даже красивого. Все ворованное, банальное, вульгарное. Лоскут красного кумача да Марсельеза, украденная у французов [9. С. 333]. Революционная мораль оказалась беспощадной к живому конкретному человеку. Индивидуальный человек рассматривается как кирпич, нужный для строительства коммунистического общества [1. С. 125].

Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая поднимется во весь рост после того, как падет самовластие [2. С. 256]. Революция не ставила цели воспитания уважения к человеку, к его достоинству, к его правам. Индивидуальное личное «Я» человека в светском обществе не стало иметь никакой абсолютной ценности, отрицая свободу воли, большинство считали, что «принадлежавшие к

верхам капиталистического строя или служащие защитой его – промышленники, помещики, купцы – по складу своей душевной жизни не способны быть членами коммунистического общества, поэтому они должны быть физически уничтожены» [7. С. 329]. Но победившая власть подвергла террору те социальные классы, то население, ради которого революция начиналась. Эта была еще одна национальная трагедия, потому что «революция утратила человечность» [1. С. 105]. Страшный опыт истории достаточно научил нас тому, что любовь к человечеству революционных утопистов вроде Робеспьера, Ленина, Дзержинского, ведет к величайшим разрушениям и отвратительным преступлениям [10. С. 212].

Большевистская революция приобрела «характер небывалого жестокого истребления всех лиц, подозреваемых во вражде к коммунизму и необычайной систематичности тоталитарного строя, подавляющего свободу во всех областях культуры» [7. С. 329]. Атеистический материализм марксизма дал «возможность стоять по ту сторону добра и зла, а это преимущество для профессионального революционера и политика» [8. С. 178]. Тот, кто считает «религию опиумом для народа», кто отрицает возвышенное и святое, для того не существует низменного и грешного [8. С. 220]. Духовность и нравственность становятся ненужными элементами морали.

Характер русской революции оказался необычным, так как произошла она в своеобразных условиях, в нарушении марксистской теории пролетарской социалистической революции. Но революция свидетельствовала о том, что не все определяется экономикой в такой стране как Россия. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа [1. С. 93].

Библиографический список

1. **Бердяев Н.** Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. – М., 1990. – 222 с.
2. **Бердяев Н.** Духи русской революции / Н. Бердяев // Вехи. Из глубины. – М., 1990. – 580 с.
3. **Струве П. Б.** Исторический смысл русской революции и национальные задачи. / П.Б. Струве. // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – 580 с.
4. **Аскольдов С. А.** Религиозный смысл русской революции. / С. А. Аскольдов // Вехи. Из глубин. – М., 1991. – 580 с.
5. **Бердяев Н.** Самопознание. / Н. Бердяев. – М., 1991. – 190 с.
6. **Бердяев Н.** Философия свободного духа. / Н. Бердяев. – М., 1994. – 480 с.
7. **Лосский Н.** Условия абсолютного добра. / Н. Лосский. – М., 1991. – 368 с.
8. **Вышеславцев Б. П.** Этика преображенного эроса. / Б.П. Вышеславцев. – М., 1994. – 368 с.
9. **Булгаков С.** На пиру богов / С. Булгаков // Вехи. Из глубин. – М., 1991. – 580 с.
10. **Лосский Н.** Бог и мировое зло. / Н. Лосский. – М., 1994. – 432 с.

УДК 94(47).084.2

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

И.М. Бухтоярова

Россия, г.Воронеж, тел. (473) 2447832;

e-mail: imb1985@yandex.ru

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Курсант 2 курса факультета авиационного оборудования

А.Д. Савчук

Россия, г. Воронеж,

e-mail: andrew080299@mail.ru

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin

Ph.D. in History, senior lecturer humanities and social and economic sciences chair

I.M. Bukhtoyarova,

Russia, Voronezh,

tel. (473) 2447832;

e-mail: imb1985@yandex.ru

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin

Cadet 2nd year

the faculty of aviation equipment

A.D. Savchuk

Russia, Voronezh,

e-mail: andrew080299@mail.ru

И.М. Бухтоярова, А.Д. Савчук

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Статья посвящена политическому кризису 1917 года. Показано отношение к евреям до и после революции, а также их роль в развитии событий. Отмечены положительные и отрицательные стороны национального вопроса в России в 1917 году.

Ключевые слова: революция, евреи, эмиграция, национальная политика большевиков

I. M. Bukhtoyarova, A.D. Savchuk

THE REVOLUTION OF 1917 AND THE JEWISH QUESTION

The article is devoted to the political crisis of 1917. Shows the treatment of Jews before and after the revolution, and their role in the development of events. Note positive and negative sides of the national question in Russia in 1917.

Key words: revolution, Jewry, emigration, the national policy of the Bolsheviks

В сравнительно узких хронологических рамках 1917 года в России произошли масштабные события, потрясшие, перевернувшие, кардинально изменившие историю нашего государства. Перемены произошли во всех сферах жизни страны и коснулись каждого. Неоднозначность революции и юбилейная дата событий заставляет нас вновь задуматься о крушении императорской России и неоправданности иллюзий социалистического строя.

Определенная часть представителей русского общества, не желая принять вариант развития страны в 1917 году, покидали Родину. По мере установления в ней власти большевиков, они были склонны считать, что революция привела к полному разложению государственных основ некогда великой державы.

Истоки данной позиции стоит искать в идеях, высказанных рядом деятелей российской эмиграции (прежде всего П.Б Струве, С.Л. Франка, В.А. Маклакова и др.), резко отрицательно оценивших победу революции в России и ее последствий [1;2].

Однако революция создала предпосылки для либерализации национальной политики. Все граждане России получали гражданские права и свободы, индивидуальные и национально-культурные права. 19 марта 1917 г. Временным Правительством было опубликовано постановление «Новые права граждан инородцев», в котором говорилось, в частности, о свободе передвижения и ликвидации оседлости, праве выбора профессии и праве организации школьных дисциплин на национальном языке. В сентябре появился пункт о самоопределении, а к октябрю число национальных партий выросло до 200.

Особенный интерес исследователей событий 1917 г. вызывает весьма неоднозначный еврейский вопрос и его значение в революции.

В процессе исторического развития евреев изгнали из большинства стран Западной Европы, и они массово осели в Польше. После разделов Речи Посполитой многочисленная еврейская община перешла «по наследству» к Российской империи. В России их подвергли ряду ограничений, вроде т.н. черты оседлости. На волне роста революционной активности в Российской империи рубежа XIX—XX вв. много представителей еврейской молодежи, которые «хотели перемен» и не желали жить в рамках иудейской традиции, дополнили ряды профессиональных революционеров.

Еврейство было самой многочисленной из диаспор (к 1917 году евреи составляли 1,1% населения России), рассеянных на всей территории, самой образованной и дисциплинированной группой населения. Эти два последних качества привлекали большевиков, делали его союзниками в становлении власти, что дало свои результаты: в первые послеоктябрьские месяцы именно евреи, заменив бойкотировавшее новую власть царское чиновничество, помогли большевикам восстановить хоть какой-то порядок в стране.

Для большевиков евреи оказались той группой населения, на примере которой можно было продемонстрировать, как советская власть борется с социальной несправедливостью, как самый забитый и бесправный народ может в одночасье стать свободным, способным самостоятельно решать свою судьбу, быстро добиться успехов в образовании, культуре и занять свое место в государственном строительстве.

Известный историк и философ Л.П. Карсавин разделил всех евреев на три большие группы. В первую входят те, кто ориентирован исключительно на национальную культуру. Вторая группа включает евреев, ассимилированных той или иной культурой страны, где они проживают и которую считают своей Родиной. И, наконец, третья группа – это интернационалисты, выступающие как нигилисты, они разрушают традиции национальной культуры [3, С. 2]. Вот последние и были революционерами!

Так, существует версия о том, что одной из движущих сил революции 1917 года выступили евреи. Их было так много среди профессиональных революционеров, что среди части патриотической общественности даже родился миф о «еврейской революции» в России. Говорят, евреи стали главными организаторами революции в России, убили царя и хотели уничтожить русский народ.

Существует версия о том, что большевизм как политическое течение был популярен в среде российских евреев, но это не более чем миф. По материалам переписи населения 1922 года в партии большевиков к 1917 году состояло лишь 985 евреев (4,2% от общего числа ее членов) и еще 1175 вступило в РКП(б) в течение года [3, С. 4].

Очень хорошо суть этого мифа выразил русский философ, богослов, один из виднейших представителей русской духовной культуры начала XX века Сергей Булгаков (1871-1944). Он писал об участии еврейства в Российской революции: «Чувство исторической правды заставляет признать, что количественная доля этого участия в личном составе правящего меньшинства ужасающа. Россия стала жертвой «комиссаров», которые

проникли во все поры и щупальцами своими охватили все отрасли жизни... Еврейская доля участия в русском большевизме — увы — непомерно и несоразмерно велика...» И далее: «Еврейство в своем низшем вырождении, хищничестве, властолюбии, самомнении и всяческом самоутверждении совершило... значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией и особенно над св. Русью, которое было попыткой её физического и духовного удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России...»[4, С. 56].

Надо ли это понимать как подтверждение версии «еврейской революции»? Нет. Во-первых, сказано о «низшем вырождении» еврейства, то есть об отщепенцах, не представляющих всей данной нации, действующих ей во вред (в этом смысле его замечание вполне относится и к нашему времени). Во-вторых, он писал в прошедшем времени, о попытке; следовательно, она так и не была в то время реализована. В-третьих, речь идет не о том, что эти люди совершили Октябрьскую революцию, а об их попытке использовать ее в своих целях.

Безусловно, в революции 1917 года евреи играли важную роль. Не из ненависти к русскому народу, а, главным образом, борясь за свои права. Во время Октябрьского переворота и на протяжении всей истории Советской России евреи находились на руководящих постах в руководящих органах. Четыре еврея стали сенаторами: М. Винавер, Г. Блюменфельд, О. Грузенберг и И. Гуревич [5, С. 3]. Городским головой Петрограда – еврей Г. Шрейдер, а Москвы – еврей О. Минор. В Киеве в 1917 году мы видим заместителем городского головы еврея – Гинсбурга. На ответственном посту управляющего делами Временного Правительства в 1917 году находился еврей А. Гальперин. Но не сенаторские кресла и высокие положения на государственной службе привлекали евреев, получивших все права. Следует отметить, что революционные карьеры делались не в министерствах, а на митингах и заседаниях советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, быстро фактически присвоивших себе власть и законодательную, и исполнительную. Туда и устремилось русское еврейство, со свойственной евреям энергией, настойчивостью и уверенностью, что они «все знают и все могут».

Неустойчивость Временного правительства, определившаяся с первых дней его существования, и его зависимость от самочинно возникших или оформившихся организаций чисто политических – революционных, предопределяла и ненадежность, и непрочность постов и положений на государственной службе. Его свержение было только началом революции. Последовала Гражданская война, показавшая, кто сильнее в жестокой борьбе за власть. Большевики победили только потому, что на их стороне была правда и значительная часть русских, а также представителей других национальностей.

Здесь будет уместно вспомнить, как отнеслось к партиям русское еврейство в целом. На конгрессе всех еврейских организаций, состоявшемся в первые месяцы революции, было вынесено решение на предстоящих выборах (всеобщих, прямых, равных и тайных) не голосовать за партии правее Народных социалистов. Таким образом, организованное русское еврейство отказало в поддержке партии «Народной Свободы», в составе которой, равно как и в центральных партийных органах, было много евреев, образованных и культурных, но не разделявших революционные идеи и не поддерживавших революционные методы во внутренней и внешней политике.

Таким образом, версия о том, что Октябрьскую революцию совершили евреи во имя своих частных интересов и вопреки воле русского народа так же нелепа, как приписывание Февральской революции масонам. Такое понимание движущих сил истории, грандиозных социальных переворотов не имеет ни религиозного, ни философского, ни научного обоснования.

В первые же недели и месяцы революции все находившиеся в ссылке и в эмиграции революционеры возвратились в Россию. Среди них – подавляющее большинство составляли

евреи, что видно из списков в русских газетах весны 1917 года. К моменту падения царского режима эмигранты революционеры были сконцентрированы в Соединенных Штатах Америки и в Швейцарии.

В США – в Нью-Йорке, где находились такие известные евреи-революционеры, как Бронштейн-Троцкий, Коген-Володарский, Радомысльский-Урицкий и многие другие [6, С. 15-16]. Они успешно вели пропаганду против русского правительства, внимательно следили за ходом войны и готовились к участию в назревавшей в России революции. Еще за год до революции, 14 февраля 1916 года, в Нью-Йорке состоялась закрытая конференция эмигрантов-революционеров, в которой приняло участие 62 человека, из них 50 были «ветераны революции 1905 г.», а остальные вновь принятые члены-сотрудники [6, С. 24].

Через год с небольшим из США отплыли два парохода с эмигрантами, возвращавшимися в Россию после февральского переворота. Подавляющее большинство пассажиров этих пароходов составляли евреи, в свое время бежавшие из России, что не трудно было установить, взглянув на списки пассажиров. Возвращались все, как «политические эмигранты», хотя между ними было немало дезертиров, бежавших из России, чтобы уклониться от воинской повинности. Теперь обстоятельства сделали этих дезертиров «жертвами царизма». И они, как победители ехали в Россию, чтобы принять участие в революции.

В Петроград, прибывших из США евреев было 265 человек, о чем свидетельствует в 1919 году перед комиссией сената США методистский священник, доктор Джордж А. Симонс, который был много лет настоятелем Методистской церкви в Петрограде [7, С. 109]. В записях (протоколах показаний), 439 и 469, 65-й сессии Сената США записано следующее: «среди агитаторов были сотни евреев из Даунтауна (нижней части) восточной окраины Нью-Йорка, а в 1818 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 настоящих русских и 371 евреев, причем 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка» [7, С. 182].

Проехав в опломбированных вагонах через территорию Германии, Швеции и Финляндии, евреи были торжественно встречены в Петрограде. И, хотя Временное Правительство и было отлично осведомлено, как о их политических установках, так и о способе их проникновения в Россию, газеты были полны приветственных статей. Печатались списки прибывших, из которых легко можно было установить племенной состав пассажиров пломбированных вагонов.

Евреи-революционеры очень быстро заняли ключевые позиции во всех конкурирующих и претендующих на власть партиях. Но в аппарат власти исполнительной – на государственную службу – они не стремились, предпочитая играть роль и влиять на судьбы России, пребывая вне правительства на положении депутатов, делегатов и лидеров в разных советах и комитетах, каковые, как уже упомянуто выше, в то время представляли собою второе правительство России.

Кроме того, с первых дней революции евреи охотно шли на службу в полицию. Здесь они почувствовали себя если не «властью», то, во всяком случае, органами власти и блюстителями «революционного порядка».

Летом 1917 года особую позицию заняли Бронштейн-Троцкий и Нахамкес-Стеклов. Заняв руководящие положения в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, эти два марксиста-меньшевики, к тому времени превратившиеся в большевиков, со свойственной их племени энергией, темпераментом и целеустремленностью, занялись разрушением правопорядка и хотя бы минимальной законности, которую хотело, но не могло сохранить Временное Правительство.

За Турецким был ореол бывшего вице-председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, который сумел провести решение о вооруженном восстании вопреки желанию председателя Хрусталева-Носаря. Нахамкес же с первых же дней революции выдвинулся в

первые ряды революционных деятелей и проявил исключительную, напористость и нахальство в своей политической деятельности.

Напряжённость вокруг революционной роли евреев росла, и в апреле 1918 «Совет народных комиссаров гор. Москвы и Московской области» опубликовал циркуляр «по вопросу об антисемитской погромной агитации». Виновниками антисемитизма там назывались православные священники. В.И. Ленин в 1918 г. наговорил на граммофон особую речь об антисемитизме: «большинство евреев – труженики и наши товарищи по борьбе за социализм», а неприязнь к ним могла возбуждать лишь «проклятая царская монархия». Двадцать седьмого июля 1918 (сразу за расстрелом царской семьи) СНК издал особый закон об антисемитизме, который был объявлен «опасностью для дела рабочей и крестьянской революции». Ленин собственноручно внёс в текст закона предписание всем Совдепам «принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения», ставя его агитаторов вне закона.

Из числа еврейских политических партий в бурной политической жизни первых же дней русской революции самое активное участие приняли евреи – члены «Бунда» (Всеобщего еврейского рабочего союза) [8, С. 211]. Это партия существовала с 1897 года в Литве, Польше и России. Ключевым в этой проблеме является противостояние двух тенденций в еврейской политической мысли – сионизма, исповедующего строительство национального еврейского дома в Палестине, и территориализма, допускающего национальную автономию вне ее. Обсуждая вопрос, как лучше обустроить еврейство, бундовцы откровенно занимали сторону территориалистов, ибо также предполагали создать еврейскую автономию, хотя и на принципах экстерриториальности.

Бунд в 1917 г. насчитывал 35 тысяч членов, а сионистские партии – около 300 тысяч. Уже одни эти цифры развенчивают переходящий из одного антисемитского издания в другой миф о совершенном большевиками Октябрьском перевороте как о «еврейском заговоре». И «бундовцы», и не состоящие в «Бунде» – в одинаковой мере и с одинаковой энергией – устремились в революционное движение и сочли для себя возможным и допустимым не только участвовать в политической жизни и партиях общероссийских, но и проникать в руководство этих нееврейских партий. Характерно, что даже евреи по происхождению и расе, для которых язык «идиш» был их родным языком и которые были убежденными марксистами. Бунд в 1920 г. раскололся на правых и левых. Правые стали эмигрировать, а левые в 1921 ликвидировали Бунд и вступили в большевицкую партию.

Проникновение в политические организации и партии шло следующим образом: они «делегировались» и как представители партий и организаций чисто еврейских, и от революционных партий и организаций общероссийских, в которых, если не большинство, то весьма значительную часть составляли евреи. Революционным настроениям способствовал ореол «угнетений и притеснений» при старом режиме, окружавший евреев и усиленно ими подчеркивавшийся, а также, врожденная евреям, напористость и энергия.

В результате, уже через несколько месяцев после февральской революции мы видим немало не только евреев, но и «бундовцев», занимающих ответственные положения председателей совдепов в областях и на фронте и весьма активно и авторитетно решающих вопросы, как чисто военные, так и вопросы одобрения или неодобрения тех или иных мероприятий Временного Правительства.

Евреи верили, что могут создать лучший, новый мир. Они обладали определенными знаниями (многие имели хорошее образование, были представителями интеллигенции), имели волю и харизму. Многие стали преступниками, прошли ссылки и тюрьмы, стали крайне жестокими, изворотливыми и хитрыми. Революция стала основой их жизни. Они перестали быть евреями в традиционном понимании этого слова. Не зря значительную часть революционеров еврейство не считало своими, они были предателями, которые отошли от иудейской традиции. Они были изгоями не только в России, как евреи, но и среди своих. При

этом они имели связи и родственников в еврейской общине не только в России, но и в мире. Среди представителей т.н. «золотой элиты» («финансового интернационала») было немало выходцев из еврейства. Они имели огромные политические и финансовые возможности. В частности, очевидно, что Л. Троцкий-Бронштейн и Я. Свердлов и ряд других видных революционеров-интернационалистов, были ставленниками хозяев Запада («золотой элиты») и выполняли задачу по уничтожению русского народа в топке «мировой революции».

Таким образом, активная часть еврейства выступила в качестве одной из движущих сил революции 1917 года. Но говорить о том, что в России произошла «еврейская революция», нет оснований, версия выглядит чрезмерно примитивной и далекой от реальности. Она обязана своим появлением либо узости мысли, либо непониманию сути крупных общественных переворотов, либо презрению к народным массам. Существовали как объективные, так и субъективные предпосылки революционных событий, среди которых: незавершенность революции 1905 года и неудачи в Первой мировой войне. Противоречия накопились не за одно десятилетие и национальный (включая еврейский) вопрос был только одной из проблем, стоявших перед Россией.

Библиографический список

1. **Струве Т.Б.** За свободу и величие России / Т.Б. Струве // Новый мир. – 1991. - № 4. – С. 213-232.
2. **Франк С.Л.** Из размышлений о русской революции / С.Л. Франк // Новый мир. – 1990. - № 4. – С. 67-79.
3. **Фролова А.А.** Современники событий 1917 года о смысле и значении Русской революции в истории Российского общества // <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1058->
4. **Булгаков С.Н.** Христианство и еврейский вопрос [Текст] / С.Н. Булгаков. – М.: УМСА-Press, 1991. – 170 с.
5. **Будник Г.А.** Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России [Текст] / Г.А. Будник // Вестник ИГЭУ. – 2008.– Вып. 1. – С. 1-4.
6. **Степун Ф.А.** Мысли о России / Ф.А. Степун // Новый мир. – 1991. - № 6. – С. 7-108.
7. **Аронсон Г.Я.** Россия в эпоху революции [Текст] / Г.Я. Аронсон. – Нью-Йорк, 1966. – 260 с.
8. **Суханов Н.Н.** Записки о революции. В 3 т. Т.1 / Н.Н. Суханов. – М.: Политиздат, 1991. – 383 с.

УДК 93

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Доктор исторических наук, профессор кафедры
региональных исследований факультета
иностранных языков и регионоведения
Е.В. Жбанкова
e-mail: evzbankova@mail.ru*

*Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
Doctor of History, Professor of the Chair of Regional
Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional
Studies
E.V. Zhbankova
e-mail: evzbankova@mail.ru*

Е.В. Жбанкова

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХОРЕОГРАФИЯ

Статья посвящена влиянию Революционных событий 1917 г. на развитие общественной хореографии. По мнению автора, молодое государство диктатуры пролетариата, строящее социализм, отказалось от ненужного балласта буржуазного прошлого в виде бала с его устоявшимся этикетом. Однако отношение к общественному танцу в целом было далеко не таким однозначным. Несмотря на то, что данная область общественной жизни считалась заведомо буржуазной, самые широкие народные массы стремились к коллективной хореографии.

Ключевые слова: революция, общественная хореография, государство диктатуры пролетариата, танец, пролетарская культура.

E.V. Zhbankova

OCTOBER 1917 AND PUBLIC CHOREOGRAPHY

The article is devoted to the influence of the Revolutionary events of 1917. on the development of public choreography. According to the author, the young state of the dictatorship of the proletariat, building socialism, abandoned the unnecessary ballast of the bourgeois past in the form of a ball with its established etiquette. However, the attitude to public dance in general was not so unambiguous. Despite the fact that this area of public life was considered to be bourgeois, the broadest masses sought collective choreography.

Key words: revolution, public choreography, state of the dictatorship of the proletariat, dance, proletarian culture.

Октябрь 1917 года кардинально изменил ситуацию в сфере общественного (салонного) танца. Молодое государство диктатуры пролетариата, строящее социализм отказалось от ненужного балласта буржуазного прошлого в виде бала с его устоявшимся этикетом. Фактически бальный танец был запрещен, как недостойное пролетариата развлечение и наиболее распространенная форма досуга высшего общества царской России. Негативное отношение к бальному танцу еще более усилилось в период Гражданской войны.

Однако отношение к общественному танцу в целом было далеко не таким однозначным даже в те труднейшие годы. Несмотря на то, что данная область общественной жизни считалась заведомо буржуазной, самые широкие народные массы (и пролетарские в том числе) стремились к коллективной хореографии. Этим в очередной раз подтверждался древний тезис о том, что гармоничное развитие человеческой личности без культуры тела невозможно, что именно в групповом танце лучше всего проявляется физическое и духовное развитие человека, а также его способность существовать в обществе себе подобных.

Радость от организованных и эстетически оформленных телодвижений испытывает любой человек, независимо от его происхождения и степени образованности.

В первые годы советской власти при формальном запрете классических бальных танцев и общем негативном отношении к «салону» начинается поиск новых форм общественного танца, который, по мысли людей, его изобретающих, должен соответствовать атмосфере эпохи строительства нового общества. Один из крупнейших специалистов в области танца тех лет А.А. Сидоров так высказывался о нем: «Мы считаем прежде всего чрезвычайно существенным затронуть самый вопрос о правомерности всего обследованного нами танца в условиях строимой нами революционной культуры. Горе кто забудет в какое время он живет!.. Из того, что в танце кто-либо не может и не хочет видеть всех особенностей художественной формы, не подобает делать выводов, что, например, танец – только «для услаждения гурманов»... В танце может быть достигнута всяческая любезная прошлому «тоска по идеалу» и искомые новые порывы к борьбе и победе. Нужен ли танец пролетарской России? Да, нужен, ответим мы со всею убежденностью, на которую мы только способны. Танец есть художественная организация физической культуры, против необходимости которой не возразит никто»[1,С.52].

Иными словами, общественный танец в новых условиях был также нужен, как и в прошлые времена, только с другими ценностными ориентирами. Если в периоды расцвета бальной культуры обучение салонным танцам в конечном счете сводилось к более гармоничному ощущению человеком своей индивидуальности в обществе, то теперь, общественный танец нужен был человеку как способ физического совершенствования, чтобы гармонически развитая человеческая личность стала достойным элементом общества.

Эти идеи были весьма созвучны с общими тенденциями формирования новой пролетарской культуры будущего, стремления создать грандиозное новое массовое агитационное искусство, неотъемлемой частью которого должен был стать общественный танец. А.В. Луначарский в качестве наркома просвещения неоднократно отмечал постоянное тяготение самых широких народных масс к хореографии[2,С.56]. Луначарский считал, что в первые послереволюционные годы искусство в целом должно преследовать в первую очередь агитационные цели, чтобы помочь сохранить власть в руках победившего пролетариата. Наиболее действенной и синтетической формой агитационного искусства он считал массовые праздники, в которых общественному танцу отводилась значительная роль. В перспективе, мечтая о культуре и искусстве будущего, он видел их непременно коллективными и синтетическими, где танец занимал бы по-прежнему важное место. «В результате коллективного творчества одинаково мыслящих сограждан и сохудожников возникнут дивные драмы, процессии, церемонии, выражающие ту или иную культурную тенденцию»[3,С.202].

Очень важными для понимания места общественного танца в деле строительства культуры социализма были идеи теоретиков Пролеткульта. А.А. Богданов – основатель теории «пролетарской культуры» - в статьях «Пролетариат и искусство», «О художественном наследстве», «Критика пролетарского искусства», написанных после 1917 года, основное внимание уделял обоснованию принципа коллективизма в искусстве. По его мнению, буржуазное искусство имело своим постоянным героем личность, ведущую борьбу за себя, воспитывало индивидуалистов. Ни того, ни другого пролетариату, по Богданову не нужно. Ему необходимо искусство «коллективистическое», которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства борцов и строителей, связанных общим идеалом. Художественный талант индивидуален, но творчество социально: исходит из коллектива, в него же и возвращается[4,С.120].

Одна из главных перспектив социалистического искусства будущего состояла в том, что художественным творчеством будут заниматься не только художники-профессионалы, а в обязательном порядке самые широкие народные массы. В обществе справедливости и

равных социальных возможностей все люди смогут (и должны) быть талантливы, всесторонне развиты для того, чтобы быть производителями не только материальных, но и духовных ценностей. Это одна из основных причин, по которой искусство социализма, иными словами, искусство пролетариата, называлось коллективным искусством.

Важнейшей стороной воспитания трудящихся масс и подготовки их к будущей осознанно творческой жизни было физическое воспитание. В социалистическом обществе граждане должны быть гармонично развиты, сочетать в себе «духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство». Система Пролеткульта, которая и была создана для решения всех вопросов формирования новой пролетарской коллективистской культуры, большое внимание, в частности, уделяла именно физическому воспитанию трудящихся. Проблема сосуществования культуры бытового танца как части общефизической подготовки была поэтому в компетенции Пролеткульта. Бальный танец для идеологов Пролеткульта являлся частью культуры прошлого. В данной статье мы не будем останавливаться на проблеме отношения Пролеткульта к культурному наследию. Напомним лишь некоторые решения I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, в которых утверждалась необходимость сохранения культуры прошлого, но с обязательным критическим переосмыслением. «Сокровища старого искусства не должны приниматься пассивно; тогда они воспитывали бы рабочий класс в духе культуры господствующих классов и тем самым в духе подчинения созданному ими строю жизни. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании»[5,С.32].

С этой точки зрения становится сомнительной нужность культуры бального танца пролетариату, так как, что было отмечено нами ранее, это есть наследие буржуазного общества. Однако опытом физического воспитания, содержащегося в методиках обучения салонным танцам, воспользоваться все же было бы рационально. Поэтому Пролеткульт, который с одной стороны, отрицал все старые «буржуазные» системы физической культуры[6,С.68], с другой стороны, стал считать общественный танец средством художественной физкультуры. Но руководители РКСМ и Высшего совета физической культуры в ряде дискуссий, посвященных танцу (термин «бальный» в 20-е годы не употреблялся), пришли к выводу, что для развития пролетариата гораздо более важными, чем танец, все же являются спортивные игры и развлечения. Поэтому в начале 20-х годов бытовой танец, как официальное времяпрепровождение – явление весьма редкое[7,С.5].

Несмотря на фактическое отсутствие общественного танца как формы досуга, в первые годы советской власти широкое развитие получает студийное движение в сфере современного танца. Идеи воспитания человека будущего как всесторонне развитой личности, которые увлекали руководителей государства, дали возможность существованию разного рода кружков и объединений, которые базировались на разного рода новейших теориях в области хореографии.

Одна из основных теорий, у которой в первые годы советской власти было очень много последователей – это школа А. Дункан. Идеи знаменитой «босоножки», заключавшиеся в хореографическом самовыражении личности, освобожденной от академических предрассудков, воплощенные в легком беге, прыжках, выразительных позах и жестах, были созвучны пафосу создания нового человека. Она говорила: «Если вы научите человека вполне владеть своим телом, если вы при этом будете упражнять его в выражении высоких чувств, сделаете так, что движения его глаз, головы, рук, туловища, ног будут выражать спокойствие, глубокую мысль, любовь, ласку, дружбу или гордый жест величавого отказа от чего-нибудь презренного, враждебного и т.д., то это отразится воспитывающе на самом его сознании, на его душе»[8,С.276]. Она также говорила, что человек, привыкший благородно двигаться, не только научается благородно чувствовать, но начинает с величайшим нетерпением сносить окружающее безобразие, устремляется к тому, чтобы

соответственно этим движениям одеваться, соответственно им устроить свое жилище, у него меняется отношение ко всем окружающим людям»[8,С.276].

Под влиянием идей А. Дункан в советской России возникают хореографические студии, в которых люди пытаются овладеть танцевальными основами, чаще всего не для профессиональной деятельности, а в силу своего личного интереса. В Москве подобных студий насчитывалось около пятнадцати, в том числе и школа приемной дочери Дункан, Ирмы.

Наиболее значительной среди студий, основу работы которых составляли идеи Дункан, была студия пластического танца «Гептахор». Название ее происходило от греческого «Hepta» – семь – по числу основателей коллектива и «choros» - пляска. Задача, которую ставил перед собой «Гептахор», выражалась в развитии музыкально-двигательного рефлекса, который есть у всех людей. В работе члены студии исходили из музыкального материала. Он диктовал движения, которые никогда специально не задавались руководителем. Фактически, танец был импровизационным. Чтобы эта импровизация имела право на существование, в студии значительное время уделяли тренировке тела, чтобы оно было пластичным, дыханию, чтобы танцующий смог выдержать длительное движение, музыке, чтобы научиться ее слушать, и живописи, чтобы развивалось художественное чувство.

Несколько иные задачи ставили перед собой основатели других студий пластического танца. Здесь за основу брался музыкальный и танцевальный ритм. В начале 20-х годов в среде деятелей художественного творчества различных направлений были весьма популярны идеи общей ритмизации жизни. Так например, практически бестселлером тех лет была книга «Работа и ритм» немецкого экономиста Карла Бюхера, изданная в России в 1899 г. и переизданная в 1923 г. В этой книге обосновывалось значение ритмической деятельности человека для эволюции любого вида трудовой деятельности на примерах древних трудовых песен разных народов мира. В советской России теории ритма попали на благодатную почву и становились обоснованием всеобщей идеи коллективизма. По мнению «ритмистов», ритм регулирует движения в работе и способствует ее продуктивности. Особенно это заметно в общественной работе, где движения одного работника связаны с целым коллективом. Здесь каждый сотрудник чувствует связующее значение ритма, становится частью целого и начинает осознавать, что, нарушая ритм движения в своей работе, он вредит общему делу. Этим сознанием воспитывается общественный инстинкт в человеке, чувство коллективизма. Условия прошлых веков, экономическая обстановка в разных странах вытеснили ритм из жизни и труда, подменив его индивидуализмом. В новых условиях советской России возможно возрождение ритма, восстановление его прежнего значения в жизни общества и стабилизирующей и развивающей коллективизм функции. Ритм и хореография связаны нераздельно, поэтому необходимо обучение этому ритму в хореографических студиях.

Студии свободного танца, основанные на системе обучения Ж. Далькроза, возникли в России еще до революции. Далькроз - композитор и создатель Института ритмической гимнастики в Хеллерау, близ Лейпцига. Ж. Далькроз в процессе своей работы с учениками консерватории открыл воспитательно-педагогическое значение ритма. Желая облегчить учащимся некоторые задания на уроках сольфеджио, он стал прибегать к движению; сначала просто к отбиванию такта, затем, когда встречались затруднения в исполнении музыкального ритма, он стал добиваться воплощения его в движении. Эти упражнения получили название «faire le pas». Постепенно эти занятия привели к появлению целой системы, воплотившейся позднее в создании Института. Теоретический смысл занятий по системе Далькроза сводился к воспитанию воли в ученике, что способствовало изучению собственного «я» и приближало к управлению им. Внимание и волю можно развить, тренируя четыре умения: услышать, понять, приказать своему телу, исполнить. Одновременно развивается слух, мышление, воля и моторная деятельность[9,С.11].

В 1913 г. Далькроз был в России, где возникла целая группа его последователей. Из частной школы в Петербурге в мае 1920 г. был основан Институт Ритма при подотделе единой трудовой школы ПГОНО после ходатайства перед наркомом просвещения Луначарским руководителей школы. Они продемонстрировали перед ним навыки учеников и объяснили теоретические положения системы. Луначарскому это показалось очень интересным и Институт был создан. Цель его существования заключалась в подготовке педагогов-ритмистов для советской школы. В институте преподавали пластику, шведскую гимнастику, методику ритмики, хоровое пение, сольфеджио, историю музыки, психологию, биомеханику, историю искусства и пр.

В 1922 г. в связи с сокращением учебных заведений в советской Республике Институт Ритма стал отделением в Институте Сценических Искусств, но его учебный план был сохранен и даже расширен политехнологическими предметами. Выпускники ритмического отделения направлялись в трудовые школы, детские дома, дошкольные учреждения, клубы, художественные школы, кружки для преподавания там ритмики и свободного танца, чтобы с большим размахом воспитывать человека будущего.

Еще одна система обучения свободному танцу в 20-х годах заслуживает внимания. Это, так называемый, тафиятренаж Н. Фореггера, режиссера, балетмейстера, художника. Тафиятренаж означает сочетание танцев и физических тренировок. Фореггер считал, что для современного человека необходима основательная физическая подготовка для развития мышц всего тела, чтобы оно было подвластно хозяину, а также нужна постоянная тренировка психофизиологических возможностей (волевых импульсов, рефлекторной возбудимости, функций контроля торможения и пр.). Все это мог дать любому человеку, а не только профессиональному танцовщику тафиятренаж. Фореггер говорил: «Современная эпоха – рабочая эпоха, каждый день, каждый час – новый бросок вперед, новый удар по отмирающему. Простота, точность, целесообразность – вот требования, предъявляемые к произведениям искусства. «Искусство для искусства» – фраза, забытая ныне. Музы стали производственницами и разошлись по профсоюзам, место их встречи не Олимп, а ВЦСПС, и созывает их не Аполлон, а Томский. Танец выполняет определенные функции, усиливает организующее начало в массах, дает навык в усвоении и овладении ритмом (массовые танцы), так необходимом во всех трудовых процессах. Можно сказать, что работа НОТа есть установление танцевального инстинкта в производстве (производит зарядку бодрости и активности)» [9, С.45].

В 1920-21 гг. курс тафиятренажа был введен в программу Московского Пролеткульта и Центральной Красноармейской студии (1-й Самодеятельный театр). В 1921-24 гг. в Москве существовала Мастерская Фореггера (Масфор), которая после пожара 1925 г. в здании Масфора на Арбате была переведена в Ленинград.

На фоне этой интенсивной деятельности по формированию новых форм общественного танца, подходящих для победившего пролетариата, бывшие салонные (бальные) танцы продолжали свое полулегальное существование в непролетарской среде. Особенно в советской России «затанцевали» с началом нэпа. В этот момент западные танцы, как и в прошлые времена, весьма активно стали внедряться в быт советских нэпманов.

20-е годы – это время фокстрота. Танец фокстрот впервые появился в Америке в 1912 г. Его сочинение приписывают американскому хореографу Вернону Кэстлю. Название танца происходит от словосочетания fox-trot – лисий шаг, так как основной шаг танца первоначально подражал лисьей походке. По другой версии этот танец был придуман Гарри Фоксом (и его фамилия осталась в названии) для выступления на шоу в Нью-Йорке. Как бы там ни было, фокстрот, появившейся в Европе после окончания Первой мировой войны, послужил основой для создания целого ряда бальных танцев, модных в 20-е годы: шимми, чарльстон, линди-хоп, black bottom, а также блюз, слоу-фокс, квик-степ, марш-фокс, блюз-

фокс и пр. Все эти танцы постепенно начинают исполняться и в СССР на вечеринках, в ресторанах, в кинотеатрах, на эстраде.

Пролетарская молодежь, несколько испуганная размахом политизации и физкультуризации начинает проявлять неподдельный интерес к буржуазным развлечениям, несмотря на строжайшее осуждение подобного времяпрепровождения. Этот факт становится невозможно игнорировать, и советские культработники пытаются понемногу внедрять танцевальные элементы в свои мероприятия. В середине 20-х годов после дискуссий, посвященных танцу, в периодической печати, а также после работы I Всероссийского совещания по художественной работе, проводимого Главполитпросветом, после II Всесоюзного культсовещания профсоюзов и Всесоюзного совещания комсомола по клубной работе, танец был официально допущен в практику работы культучреждений [7, С.6].

В этих учреждениях разрешалось разучивание и исполнение на мероприятиях тех танцев дореволюционной России, которые своими движениями «подходили» пролетариату и не допускались те танцы, которые были явно «буржуазными». Главным в деле общественной хореографии было создание новых советских массовых танцев. К исполнению были рекомендованы следующие (бывшие бальные) танцы: падепатинер, краковяк, венгерка, полька, кадриль, гиавата, вальс, мазурка, русская, казачок, лезгинка, коханочка, метелица, тарантелла, хав-тайм и матлот. Здесь не было ни одного модного современного западного танца, которые, конечно, подвергались строгому осуждению. М. Горький, к примеру, в знаменитом фельетоне 1928 г. «О музыке толстых» писал: «Это музыка для толстых... Это – эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от музыки Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше...

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обозленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверенькая дудочка, раздирая уши, крикает и гнусаво гудит саксофон. Раскачиваются жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног» [10, С.351].

В начале 1930-х годов ситуация в области общественного танца изменилась. Танцы вновь начинают называться бальными и выводятся из сферы общей физической культуры. Был значительно расширен репертуар бальных танцев. Вначале было разрешено исполнять дореволюционные отечественные бальные танцы, такие как падеграс, падекатр, падетруа и пр., затем были разрешены и современные зарубежные бальные танцы. К ним относились медленный вальс, танго, слоуфокс, квикстеп, марш-фокстрот, блюз, румба и др.

В памятке для инструкторов и затейников, составленной научно-методическим центром Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, даются методические указания и пояснения для исполнения некоторых танцев. Это хороводы «Страдание» и «Диковинка», русская, гопак, камаринская, норвежский и татарский танцы, кабардинская лезгинка, трепак, краковяк, тустеп, падекатр, турбильон, лаун-теннис, таити-трот и др [11].

Показательно, что в отличие от многочисленных методических разработок, руководств и самоучителей бальных танцев XIX в., предназначенных для любого желающего научиться танцевать модные новинки, эта методическая разработка предварялась указанием «Только для специалистов. Не знакомым с техникой танца – не рекомендуется». Это примечание позволяет понять, что дело обучения общественному танцу в советской России 30-х не могло быть поставлено на самотек. Руководители клубных учреждений должны были контролировать не только репертуар бальных танцев, но и следить за тем, чтобы движения показывали специально подобранные и обученные люди.

В 30-е годы интерес к бальному танцу был чрезвычайно высок, количество кружков и студий исчислялось сотнями. Пройти мимо этого явления было невозможно, поэтому и происходило расширение репертуара, а также официальное разрешение исполнения

зарубежных бальных танцев. Однако главной мыслью в теории советского бального танца была идея о том, что советские танцы кардинально отличаются от бальных танцев всего мира. Главное их отличие заключается в том, что в них совсем не должно быть никакой сексуальности. Эротический характер общественного танца резко отрицался и осуждался.

Вместо социальной функции общения и сближения мужчины и женщины, которая классически присуща бальному танцу, в советском государстве, по мнению официальных лиц, стремление людей танцевать вызвано колоссальной радостью народов, обретших свое счастье жить в справедливо устроенном обществе. Каждый хочет поделиться своей радостью друг с другом, каждому хочется объединиться не с представителем противоположного пола, чтобы решить свои личные проблемы, а с как можно большим количеством людей в едином чувстве ликования по поводу радости жизни в самой лучшей стране мира. Бальный танец в Советском Союзе в этом случае из формы досуга, традиционно способствующей коммуникации, приобретает огромное и, заметим, совсем не свойственное ему социальное значение объединяющего коллективизирующего фактора[12,С.5]. Поэтому перед руководителями студий и профессионалами общественными органами сознательно ставилась огромная в своей социальной заостренности проблема создания нового бального коллективного танца, который был бы и массовым, и простым в исполнении, и радостным, символизирующим идеи коллективизма, и лишенным какой-либо чувственности. На самом деле бальный танец не в состоянии, да и не должен, решить такого комплекса задач и дальнейшая эволюция бального танца в нашей стране продемонстрировала это довольно убедительно.

Итак, в СССР в 20-30-х годах XX века высокоразвитая русская дореволюционная культура бального танца не погибла. Она продолжала развиваться в соответствующих исторической обстановке формах, в теории сильно отличных от мировых стандартов. Но, как не парадоксально, развитие советского бального танца все равно оставалось в общем русле эволюции мировой культуры общественного танца под серьезным влиянием американской и европейской моды.

Библиографический список

1. Сидоров А.А. Современный танец. М., 1922.
2. «Культура театра», 1921. № 4.
3. Луначарский А.В. Театр и революция. М., 1924.
4. Богданов А.А. О пролетарской культуре. М., 1925.
5. Пролетарская культура, 1918, №5.
6. Пинегина Л.А. Советский рабочий класс и художественная культура. М., 1984.
7. Касьянова Е.В. Пути развития советской бальной хореографии. М., 1987.
8. Шнейдер И. Встречи с Есениным / Айседора Дункан. М., 1997.
9. Ритм и культура танца. Л., 1926.
10. Горький А.М. Собр. Соч. в 30-ти томах. Т. 24. М., 1953.
11. Массовые и бальные танцы. М., 1936
12. Шлиффер Д.О. Современный танец. М., 1937.

УДК 94:323.26.(470.324)”1917”

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры Истории России
Е.А. Зверков
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (951) 864-864-1
e-mail: zverkovphd@yandex.ru*

*Voronezh State University.
Post-graduate of Russian History chair
E.A. Zverkov
Russia, Voronezh, tel. 8 (951) 864-864-1
e-mail: zverkovphd@yandex.ru*

Е.А. Зверков

**РОЛЬ, МЕСТО И ФУНКЦИИ СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г. (ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ)**

Анализируется положение Воронежского Совета РСКД в 1917 году. Высказывается предположение, согласно которому Совет в Воронеже, будучи созданным по Петроградскому образцу, не входил в структуру власти, противостоящую структуре официальной власти, состоявшей из губернского комиссара и губернского исполнительного комитета. Дается оценка положению Совета РСКД в системе «власть-общества». Раскрываются механизмы функционирования и направления работы Совета в период Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: Воронежский Совет РСКД, общественные отношения, революция, Воронежская губерния.

E.A. Zverkov

**THE ROLE, PLACE AND FUNCTIONS OF VORONEZH SOVIET OF WORKERS’
SOLDIER’ AND PEASANTS’ DEPUTIES IN 1917 IN THE SYSTEM OF PUBLIC
RELATIONS**

The article analyses Voronezh Soviet WSPD place in 1917. It is suggested that Soviet in Voronezh, created according to Petrograd prototype didn't confront to Provisional Government agents – province commissar and province executive committee. Soviet place in «authority-society» system is represented. Mechanism of functioning and directions of Soviet work in February revolution period are revealed.

Key words: Voronezh Soviet WSPD, public relations, revolution, Voronezh region.

Проблема Советов в период Февральской революции продолжает оставаться предметом острых политических дискуссий. Однако ревизии традиционного взгляда на провинциальные Советы как на ключевой объект политического развития предоктябрьского периода в подавляющей массе работ постперестроечного не произошло. Проблема значения и функционала, реального положения в системе правового, и, в некоторой степени, административного вакуума, сложившегося в начальный период Февральской революции, к сожалению, и вовсе с конца 1980-х годов стала всё меньше интересовать исследователя, как будто умышленно уходящего он надоевшей за годы засилья марксистско-ленинской методологии темы. В преддверии столетия Октябрьского переворота интерес к различным аспектам жизни российского общества в 1917 года претерпел динамику значительного роста.

Определённое внимание, правда, не в монографическом плане, было уделено и провинциальным Советам. Однако подходы и взгляды на проблему по сравнению с положениями доперестроечной историографии существенно не изменились [1]. К сожалению, декларативные объявления Советов второй структурой власти в государстве в большинстве случаев не имеют под собой убедительной доказательной базы.

Вторая группа исследований, избравших провинциальные Советы в качестве объекта научных изысканий, ограничивается общей стороной вопроса — сроками возникновения, структурой и составом Совета [2]. В третьей группе работ, самой немногочисленной, указывается, что противостояние комиссаров Временного правительства и региональных Советов не носило острого характера, а сами Советы можно назвать только предтечей «советской системы государственной власти» [3].

Вопрос о двоевластии, поднят, как известно В.И. Лениным, видевшим в Советах потенциал для борьбы с Временным правительством и через тезис о двоевластии стремившимся придать вес структуре, которую планировал под своим чутким руководством возвести на политический Олимп¹ [4]. Поэтому среди исследователей существует точка зрения, не признающая Советы периода Февральской революции органами власти [5], указывая, что обязательными атрибутами государственной власти являются наличие госаппарата и правотворческая деятельность.

Между тем, у данной проблемы есть и иные, заслуживающие внимания аспекты. В частности, особого внимания требует вопрос не только о юридической стороне существования Советов — как в столице, так и в провинциях — но и том положении, которое занимал Совет в жизни губернского города, о его влиянии на местное население. Требуется отдельного рассмотрения и реальные дела Совета как общественной организации.

Местные материалы дают возможность объективного анализа положения провинциального Совета в системе общественных отношений во время Февральской революции.

В качестве источниковой базы послужил фонд Р-2393 Госархива Воронежской области, фонд № 5 Испарта (архив общественно-политической истории Воронежской области), сборники документов по истории Февральской революции в Воронежской губернии, а так же местная периодическая печать: газеты «Воронежский телеграф» и «Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» — печатный орган местного Совета.

Начавшаяся Февральская революция, вопреки утопичным, доктринёрским ожиданиям неонародников, не только не привела ко всеобщему счастью, но и открыла «ящик Пандоры» в виде резкого роста преступности и повсеместного обрушения правопорядка. Люди не выдерживали искушения безвластия и безнаказанности. Кадеты, видя, как рушится образ народа-праведника, на протяжении десятилетий нежно воспеваемого народниками, по этому поводу язвительно замечали: «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу» [6, С. 305].

В условиях всеобщего ликования, связанного с мыслью, что единственной преградой на пути к счастью является монархический образ правления, которого теперь, как казалось обывателю, не стало, в условиях немедленно начавшего обрушения имперских структур управления и происходило становление Совета.

Совет, в представлениях социалистов, должен был стать парламентом для социальных низов, совмещавшим в себе одновременно и законодательные, и исполнительные, и

¹ А.Ф. Керенский по этому поводу отмечал, что двоевластие — легенда, не имеющая ничего общего с действительностью. Керенский во многом прав — после июльского кризиса, по итогам которого эсеры оказались во главе и Временного правительства, сохранив при этом положение в Петроградском Совете, двоевластие стало ничем иным как фикцией.

судебные функции, с правом вмешиваться в том числе и в духовные дела. Остаётся только удивиться тому, насколько похожи по своей сути самодержавие (отличительным свойством которого как раз и было признание воли монарха в качестве источника законодательной, судебной и исполнительной власти) и зарождающихся образцов народовластия молодой российской демократии. Совет, таким образом, мыслился в качестве коллективного монарха. Игра, начатая Советом, оказалась в некоторой степени наивной пародией самодержавия. Совет издаёт резолюции и постановления, то есть мыслит себя как законодательное собрание. В структуре Совета предусмотрена верхняя палата — Исполком, мыслимый как проводник воли нижней палаты Совета. С Советом тесно сотрудничают полунезависимые рабочие дружины, которые позволяют себе осуществление судебных функций. Таким образом, Совет неосознанно стремится производить правосудие.

Совет вмешивается в дела духовного ведомства — арестовывает архиепископа Тихона, вмешивается в дела отстранения от мест проэсеровских священников. Вмешательство в дела церковного ведомства происходило в духе Петра Великого.

Оставив в стороне риторический вопрос о том, чем же в таком случае принципиально отличается якобы демократия от самодержавия, попытаемся ответить на другой — каково в действительности было положение Совета?

В начавшейся революции Советы должны были олицетворять собой воплощение творческого, революционного потенциала рабочих и крестьян. В реальности, рабочие оказались лишь ведомым звеном в организации под названием «Совет рабочих депутатов». Средние слои города, в том числе интеллигенция, стремясь направить революционный запал рабочих в нужное русло, убедили их, что создание Совета лишает их необходимости для дальнейшего расширения революции.

Таким образом, реальная инициатива создания Совета принадлежала не рабочим, а профессиональным революционерам, интеллигентам и представителям средних слоёв города. Рабочие на этом празднике революции оказались не хозяевами, а лишь приглашёнными гостями.

Первый состав Воронежского Совета был собран всего за несколько часов, т.е. явочным порядком и, судя по всему, из числа надёжных, «своих» людей. Создание Совета стало следствием инициативы Комитета Объединённых Общественных Учреждений, пригласившего к себе на собрание 4 марта 1917 г. «представителей» от рабочих.

Инициаторы включения рабочих, возможно, планировали удержать их в рамках КООУ, но, в результате выступления большевика С. Комиссарова (по крайней мере, большевики заявляли именно так) всё-таки решились на автономию от КООУ в рамках организации «Совет» [7, С. 11]. Руководство организацией на несколько дней взяли на себя местные интеллигенты из числа меньшевистской фракции РСДРП — А.Н. Татарчуков (впоследствии репрессированный в годы сталинского террора) и В.Н. Крупецкой, на тот момент член правления Воронежского общества народных университетов.

Была ли эта организация легальна? Безусловно нет. Была ли она легитимна? Да, т.к. была признана большинством рабочих, возлагавших на Совет большие надежды. Совет, созданный по сословному принципу, должен был стать защитником интересов «трудового народа». Руководить же им, от лица рабочих, вызвалась интеллигенция. Таким образом, рабочие и солдаты, объявленные авангардом революции, в реальности лишь следовали в арьергарде.

Несмотря на диверсию Комиссарова, Совет рабочих депутатов не отказался от совместной работы с КООУ. К разочарованию радикалов, рассматривавших Совет как плацдарм построения новой революционной государственности, меньшевики, а затем сменившие их у руля Совета социалисты-революционеры, прилагали усилия для удержания организации в рамках всебедняцкого профсоюза, о чем лидеры Совета прямо и заявили. Говоря о защите интересов рабочих, о необходимости работы по улучшению городской

жизни, Совет стал по своей сути земско-профсоюзным органом, что совершенно устраивало промышленную элиту города, опасавшейся возможного роста протестных акций рабочих города. Подчёркивая свою латентно-профсоюзную роль, Совет указывал, что он ни в коем случае не власть, а всего лишь «общественная организация» [8, Л. 324]. В рамках этой политики Воронежский совет неоднократно публично выступал с поддержкой Временного правительства. Совет, в некотором смысле оттягивая население города от вовлечения в революционное творчество, постарался акцентировать внимание на местных хозяйственных нуждах.

Став профсоюзом низших слоёв, Совет, логично, стал под полный контроль социалистов. ПСР вплоть до начала октября сохраняла численный перевес в Совете, и, начиная с первой декады марта, когда В.П. Кобытченко (работавший до того техником городской электростанции [9, Л. 104]) сменил А.Н. Татарчукова в качестве главы Совета, вплоть до Октябрьской революции только эсеры возглавляли Совет. В.П. Кобытченко, самый харизматичный деятель Совета периода Февральской революции, имея определённый опыт подпольщика с дофевральским стажем, к эсерам примкнул уже с началом революции. Так, по крайней мере, свидетельствовал на тот момент лидер воронежских большевиков С.Д. Турчанинов, которому Кобытченко во время первой встречи представился не как эсер, а как «последовательный демократ» [10, Л. 6].

Рабочие, доверив Совету экономическую борьбу, не проявили массовой вовлеченности в беспорядки или агрессивные акции против местной промышленной элиты. Пассивность рабочих отразилась и в феномене «революционной беспартийности» - на превом этапе Февральской революции большинство избранных депутатов не принадлежали к какой-либо партии, т.к. с трудом понимали различия между разными направлениями социализма [11].

Именно как в профсоюз обращались рабочие в Совет, прося поддержать их требования об увеличении заработной платы. Нужно отметить, что Совет не всегда поддерживал рабочих на этом направлении [12, С. 47]. Выступая в качестве местного тред-юниона, активистами Совета в рамках Рабочей секции по инициативе эсера Михаила Кондратьева был образован отдел труда [13, С. 46].

Став органом революционной государственности, Совет обрёл в глазах населения ореол справедливого заступника для беднейших пластов населения. Характерно, что зажиточные крестьяне, хуторяне, отправляли свои жалобы преимущественно в губисполком, в то время как общинники чаще обращались за помощью именно к Советам. В некоторой степени Совет стал выполнять функцию, выполняемую до отмены крепостного права помещиками — роль справедливого рефери, действующий в рамках «обычного права». Его решения могли не соответствовать законам, однако они обязательно должны были соответствовать понятиям крестьянской справедливости. М. Ковнер, член Валуйского Совета крестьянских депутатов, говорил, что крестьяне при решении бытовых вопросов предпочитали обращаться именно в Совет, а не в уездные исполнительные комитеты или земские управы [14].

Вера в Совет уменьшалась по мере того как он переставал оправдывать возлагаемые на него надежды. В частности, это касалось наиболее острого вопроса — вопроса о земле. Рискуя своей популярностью, Совет не только призывал подождать с решением земельного вопроса (читай — грабежом частновладельческих земель), но и бескомпромиссно выступал против насильственных земельных переделов, признавая такие акты идущими в разрез с законами. Но так как Совет не обладал реальной властью, его мнение относительно аграрного, равно как и многих других вопросов, оставалось всего лишь необязательной к исполнению рекомендацией.

Если не считать участия Совета в митингах и принятия резолюций по текущим политическим моментам, эсеровские лидеры Совета предпочитали уходить от реальной

политики в сторону решения местных бытовых проблем — от решения трудовых конфликтов до семейных конфликтов между мужем и женой.

Как тред-юнион, Совет РСКД уделял большое внимание охране прав рабочих, причём справлялся с этой обязанностью плохо. Не располагая реальными механизмами давления на предпринимателей, он был не в состоянии существенно повлиять на отношения между рабочими и администрацией предприятий. Такие же сложности испытывал Совет в борьбе с локаутами, подобным локауту на Трубочном заводе, причиной закрытия которого администрация объявила нехватку сырья. Версия, однако, не подтвердилась, поэтому пришлось командировать двух членов Совета в Петроград для окончательного выяснения вопроса [15, Л. 159].

Удерживать политические позиции эсеровскому Совету мешали и проблемы внутреннего свойства: внутренняя дисциплина и финансирование.

Уже в июне в Исполкоме Совета поднимался вопрос о недобросовестном отношении членов Исполнительного комитета к своим обязанностям — в частности, отмечались частые пропуски заседаний комитета [16, Л. 48 об.]. Руководству Совета с трудом удавалось бороться с массовыми и регулярными опозданиями [16, Л. 56 об.].

Самой больной точкой являлась проблема финансирования, необходимого Совету вне зависимости от его статуса и функций — борьба ли это за экономические права или политическая работа. Советы, несмотря на добровольное превращение в орган сословного самоуправления, не получали финансирования от государственных структур [17, С. 131]. Деньги же Совету требовались немалые — только зарплатный фонд Исполкома Совета в Воронеже составлял около 10 000 рублей в месяц [18] (при окладе в 250 рублей [16, Л. 59] - уровень средней по городу зарплаты [19, С. 65]).

Являясь, так или иначе, политической организацией, Совет неизменно нёс расходы на издание печатного органа («Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»), бумажной агитационной продукции, выплаты сотрудникам командировочных и пр. В уездах местное отделение банка контролировалось Советом только в Острогожске.[20, С. 47] Источниками пополнения бюджета служили добровольные отчисления рабочих, налоги с предпринимателей, а так же устраиваемые Советом развлекательные мероприятия — спектакли, концерты, лотереи и пр.

На протяжении почти всего периода Февральской революции Совет РСКД в Воронеже продолжал оставаться под контролем ПСР. Доказательством тому служит не только то обстоятельство что, вплоть до Октябрьского переворота, всего лишь первые несколько дней он возглавлялся меньшевиком, а не эсером (после замены В.И. Крупецкого Совет последовательно возглавлялся В.П. Кобытченко, К.С. Буревым, М.Л. Коган-Бернштейном и А.В. Михайловым). Крестьянская секция полностью контролировалась ПСР, в Рабочей секции долгое время большевикам не удавалось превысить отметки в 25% мест. Решающее слово оставалось за ПСР и в Военной секции.

В силовом плане Совет мог опираться либо на милицию, либо на вооружённую рабочую дружину, однако не имел твёрдой власти ни над одним из указанных формирований.

Весной 1917 года сложились две точки зрения на роль и функции Совета РСКД в Воронеже, которые совпадали с партийными установками петроградских вождей ПСР и РСДРП(б): с одной стороны, взгляд на Совет как контролирующей официальной власти орган, который в условиях буржуазной революции должен стоять в оппозиции к власти, и большевистский взгляд, выраженный В.И. Лениным и предполагавшим превращение Совета в орган власти. В Воронеже, вплоть до Октябрьского переворота, преобладало эсеровское видение Совета. Правда, с небольшими модификациями. Пользуясь статусом народного заступника и защитника, Совет РСКД, несмотря на наличие ЦБПС, поставил себе задачу активного взаимодействия с властью и попытался сместить акценты своей работы с

активного политического противостояния к работе тред-юниона. Как бедняцкий парламент Совет своих задач, в целом, не выполнил, т.к. не смог на местах улучшить положения рабочих. Не стал Совет поддерживать и самовольные земельные переделы крестьян.

Не выполнил Совет своих функций и как союзник власти: рабочие дружины вышли из-под контроля и действовали автономно, крестьяне на местах игнорировали распоряжения Советов в случае расхождения с их позицией. Не удалось поддержать уровень дисциплины среди солдат гарнизона.

Таким образом, Совет РСКД, став органом революционной государственности, на тот момент не рассматривал сам себя в качестве органа власти, но, тем не менее, пользовался уважением среди населения, которое обращалось к нему за помощью чаще и охотнее, чем к органам официальной власти. Попытки эсеров сдержать политическую активность масс, нерешённость вопросов земли, мира и отношения с буржуазией привели к недовольству масс работой Совета, замены части эсеровских делегатов большевистскими и разрушением традиционных общественных отношений. Основной проблемой Совета стала несвоевременная умеренность эсеров, финансовые проблемы и отсутствие эффективной структуры управления и принуждения.

Библиографический список

- 1.См., например: **Ситдикова С.М.** Советы весны-лета 1917 года: проблемы войны и мира, решения вопроса о власти, хозяйственного реформирования России /С.М. Ситдикова// Молодой учёный. — № 1 (135). — 2017. — С. 380-382.
- 2.**Лаговский П.А.** Образование Советов рабочих и солдатских депутатов в губерниях Верхневолжья в феврале-марте 1917 г. /П.А. Лаговский// Революция и современность: материалы научно-практической конференции 3 марта 1917 г. / отв. ред. А.Г. Аннин, Р.В. Евстифеев. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. — С. 69-73.
- 3.См.: **Юрьев А.И.** Органы власти Временного правительства и Советы рабочих и солдатских депутатов после Февральской революции 1917 года /А.И. Юрьев// Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. — 2014 . — № 3 — (15). — С. 35-40; Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв) : очерки истории. Псков: Филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2014. — 344 с.
- 4.**Керенский А.Ф.** Россия на историческом повороте /А.Ф. Керенский// Вопросы истории. — 1990. — №. 2.
- 5.**Климов И.П.** К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции 1917 г. /И.П. Климов// Академический вестник. — 2009. — № 2. — С. 142-147.
- 6.**Булдаков В.П.** Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – 2-е изд., доп. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 967 с.
- 7.**Воронков И.Г.** Воронежские большевики и период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции / И.Г. Воронков. — Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1957. —83 с.
- 8.ГА ВО. — Ф. Р-2393. — Оп. 1. — Д. 8.
- 9.ГА ВО. — Ф. Р-458. — Оп. 1. — Д. 258.
- 10.ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 497.
- 11.**Канищев В.В.** К вопросу о причинах преобладания эсеров в городских советах Черноземного центра весной 1917г. / В.В. Канищев // Непролетарские партии России в трёх революциях. - Москва, 1989. - С. 173 — 178.
- 12.**Поливанов А.С.** Революционные события в Воронеже в 1917 году (материал для студентов) / А.С. Поливанов. — Воронеж: [Коммуна], 1967. — 112 с.

13. **Рабичев Н.Н.** Октябрьские дни в Воронеже / Н.Н. Рабичев. — Воронеж: Коммуна, 1934. — 78 с.
14. **Ковнер М.** Деревенские впечатления /М. Ковнер// Известия Воронеж-ского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 1917. — № 6.
15. ГА ВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1.
16. ГА ВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3.
17. **Минц И.И.** История великого октября. В трёх томах. Том второй. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата / И.И. Минц. 2-е изд. — Москва: Наука, 1978. — 1008 с.
18. **Зверков Е. А.** Привилегии членов Исполкома Воронежского Совета РСКД в 1917 г. // Filo Ariadne. – 2016. – № 4; URL: filoariadne.esrae.ru/6-95
19. Анкета о деятельности Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов // Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. (Сборник документов и материалов). — Воронеж, 1957. — С. 65-67.
20. **Городецкий Е.Н.** Рождение Советского государства / Е.Н. Городецкий — Москва: Наука, 1965. — 531 с.

УДК 930.2

*Воронежский государственный университет,
Доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473)2392931
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Regional
Studies and Foreign Economies Chair
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. (473)2392931
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

M. V. Kirchanov

**RUSSIAN SOVIET REVOLUTIONARY CLASSICS BETWEEN STALINISM AND
IDEALISM OF POLITICAL UTOPIAS**

Автор анализирует советизацию русской утопии. Автор полагает, что советизация стимулировала радикальные трансформации идентичности и вдохновила проект советской утопии как частного случая русского идеалистического национализма. Русские интеллектуалы стремились соединить ценность политического национализма с футуристическими идеалами революции, но радикальная советизация культурных и социальных пространств стимулировала идеологизацию литературы как формы политического дискурса.

Ключевые слова: национализм, идентичность, русская революция, утопия, антиутопия

The author analyzes the Sovietization of Russian utopia. The author believes that Sovietization stimulated radical transformations of identity and inspired the project of Soviet utopia as a special case of Russian idealistic nationalism. Russian intellectuals sought to combine values of political nationalism with the futuristic ideals of the revolution, but the radical Sovietization of cultural and social spaces stimulated the ideologization of literature as a form of political discourse.

Key words: nationalism, identity, Russian revolution, utopia, dystopia

The October revolution altered the basic trajectories and directions of the development of Russian literature radically and the Bolshevik political experiment strongly influenced the basic forms and dimensions of Russian identity [Maguire, 1968; Maguire, 2004]. The Bolsheviks initiated the process of Sovietization of culture. Sovietization of art led to radical changes in the cultural and intellectual paradigms in the utopian elements of Russian identity and Russian literature [Shadurskii, 2011; Mil'don, 2006; Kovtun, 2009] as for the form of its development. The radical political and cultural experiments of the 1920s, including the genesis of socialist realism [Dobrenko, 2013; Doinov, 2008, Doinov, 2013, Nedelchev, 2008; Popov, 2008; Ianev, 2008], stimulated the politicization and ideologization of Russian literature. Socialist realism was closely linked with socialism as a political system, it belonged to.

The relationships between socialism and socialist realism were extremely close. Evgenii Dobrenko believes that “socialist realism produced socialism, and socialism produced socialist realism” [Dobrenko, 2013]. Russian literature before 1917 evolved as predominantly mythologized, but communism put forward new myths of utopia [Vorob'iova, 1991; Vorob'iova, 1996; Vorob'iova, 2006; Vorob'iova, 2008]. Socialist realism emerged and developed as a heterogeneous cultural phenomenon and it is extremely difficult to determine what socialist realism was.

Evgenii Dobrenko believes that “socialist realism is not only dozens of texts, but it is an endless sea of artistic production, including epics, novels, poems, plays. Socialist realism was important in its extensiveness” [Dobrenko, 1999, 9].

The Soviet intellectuals in the early communist period tried sovietize culture, literature and their successes made possible politicization, ideologization, and mythologization of utopia. The short period of discussions and relative cultural freedoms preceded the decisive and radical Sovietization of intellectual spaces in the Soviet Russia. Literature was among the first victims of Sovietization. Soviet criticism of the early Soviet Russia [Nikolaev, 2010] partly voluntary and partly forcibly took the responsibilities and functions of literature’s Sovietization and its political transformation in the ideological propaganda. The theorists of the new art emphatically denied the freedoms of the writer as a creator, insisted that “the revolution of literary form and cultural revolution” [Chuzhak, 2000, 66] in particular and social revolution in general “abolished the backgrounds that removed writer from fact and pushed him into the fiction” [Chuzhak, 2000, 14].

Some contemporary historians of Soviet culture [Gunter, 2010] presume that the statements about full Sovietization of literature are exaggerated because of Soviet literature, despite the fact that the communist ideology determined the main vectors and trajectories of its development, retained the traditional Russian collective representations. The early Soviet criticism was extremely active in the Sovietization of Russian literature and also assisted to the development and progress of the Soviet communist utopia because, as Evgenii Dobrenko presumes, “the critic lost functions of regulation of the literary process, the critic lost the right to self-evaluation, independent judgment and choice of material for analysis” [Dobrenko, 2011 23]. The writer, as theorists of the new art urged, must be a “builder” of the new state, abandon “literary fiction” and develop “the literature of fact” [Chuzhak, 2000, 11], but even radical critics [Chuzhak, 2000 48] warned writers against excessive idealization of revolution. The Soviet criticism [Emerson, 2011; Gunter, 2011] radically Sovietized writer, turned him into an agent of ideology, almost a government official, and freed him from creator’s functions.

The radical Soviet criticism stimulated utopian identity because its representatives insisted that the Soviet society had needs in books such as “Forest, Grain, Coal, Iron, Linen, Cotton, Paper, Locomotive, and Factory” [Tret’iakov, 2000, 72]. Soviet radicals predicted the death of the pre-revolutionary genres and insisted that “it is difficult to acclimatize traditional psychological novel in Soviet conditions because its fable and the formula are useless for descriptions of the new material ... the psychological novel is sick and all diseases can kill it... it can die even from the common cold ... The form does not correspond to the climate” [Shklovskii, 2000, 136]. These sentiments actualized political, ideological and servilist functions of the Soviet literature that evolved as the literature of book and literature of newspaper because radical Soviet authors determined the newspaper as “today’s bible” [Tret’iakov, 2000, 33].

These ideas of the early Soviet intellectuals stimulated utopian consciousness and identity of the Soviet literature of the interwar period because criticism proclaimed “truly Soviet literature of reality” and preached “the complete specification of the literature”. Other ideas of early Soviet criticism were more important and they determined relatively positive and even hothouse conditions for the development of utopian consciousness in the early Sovietised Russian literature. The idea of the primacy of “organization of society” [Chuzhak, 2000 21] stimulated sociologization of Russian prose and also assisted to the actualization of its utopian potential. The relationships of early Soviet intellectuals of attempts to radical politicize and indoctrinate the culture was diverse: while some accepted new forms and began to believe in them as a new political religion and faith of the future communist utopia, others might perceive the cultural trends and tendencies which later formed the socialist realism in another way.

Bulgarian literary historian Plamen Doinov [Doinov, 2013, 138] probably is not right when he presumes that it is impossible to perceive the socialist realism as a pure aesthetic platform or cultural fashion. The author of this book believes that some of the early Soviet intellectuals

understood politicization and ideologization of art, including literature, as a pure fashion, but these political and cultural hobbies later transformed into political dependence on the ideological preferences of authorities. The political utopia in the Soviet early period of its history developed as an alternative to the old and archaic forms of utopian consciousness. Bolshevism in the political, cultural and aesthetic dimensions sanctioned and legitimized ideologization and political mission of literature, which emerged among the political and ideological tools of the new government and radical cultural elites with its modernist and futurist utopian poetics and aesthetics. The political Bolshevisation automatically attracted, inspired and stimulated the Sovietization of culture.

Contemporary Russian critic and writer Denis Dragunskii believes that the Sovietization had the most negative consequences and results because “our literature was moaned, it lost the best writers, then adapted to Bolshevism, but it was much worse” [Dragunskii, 2014, 6]. Political ideologues and theoreticians of Bolshevism tried to Sovietise and ideologize various forms of culture including literature immediately after the historical moment when they usurped power after the October revolution and killed the young Russian Republic that had not time to propose and develop its new forms of culture and language. Political and cultural languages and messages of the Bolsheviks after 1917 were more attractive and effective than the ideas of their opponents.

Despite attempts of old Russian intellectual elites, they were unsuccessful and doomed because archaic social class values and ideas of pre-revolutionary Russian utopia could not compete with the new radical and superclass Soviet intellectual projects which promoted and proposed non-class futuristic communist utopia. Sovietization of cultural spaces became possible because the Bolsheviks radically changed the strategies of national policy. The Bolsheviks proclaimed the right of nations to self-determination instead of national discrimination and oppression and this strategy stimulated Sovietization of early oppressed ethnic groups and their national cultures. Therefore, the Soviet utopian project originally developed as an ideological from a political viewpoint and heterogeneous in its national and ethnic contexts.

The Bolshevik model of political and historical utopia was radically different from the earliest forms of utopian consciousness. If the pre-revolutionary forms of utopian consciousness were archaic, class and social, the new communist utopias were structurally different. Structural differences were the result of the attempts of Soviet communist utopia to use the heterogeneous cultures of modernity. The Soviet form of utopian consciousness and identity almost did never know what the cultural freedom and independence were because Bolshevism in a political context sought to control the ideological, literary and cultural activities of intellectuals. Natalia Arsent'eva in the first half of the 1990s suggested that this situation and the sense of “spiritual bondage” [Arsent'eva, 1993 3] defined the main directions of development and transformations of utopian and antiutopian trends in Russian literature.

Political control expressed in the institutionalization of socialist realism and assisted to the inevitable actualization of the services functions of Soviet literature in general and its utopias in particular. Denis Draguskii [Dragunskii, 2014, 103; Dragunskii, 2014, 116] presumes that the Soviet government never accepted and imagined the writer as a hero and, but it forced him to “confer, alter, rewrite” literature and its history according to ideological needs of the party. The political servilism of Soviet literature partially defined the ideological character of the Soviet utopia and facilitated its integration into the universal cultural paradigm of constructivism. Despite the efforts of the official Soviet literary criticism to deny the connections with Western culture and attempts to prove the uniqueness and sufficiency of the Soviet cultural discourse, the Soviet model of development of literature had a lot in common with Western cultural and intellectual practices and processes.

It is logical to suggest that the Soviet socialist realism in this context was a special case of modernism and all other forms, strategies and cultural practices of Soviet literature in the Soviet Union developed as national forms of modern, postmodern, constructivism and structuralism, but some historians prefer to interpret these events differently. For example, Evgenii Dobrenko believes

that socialist realism and modernism were mutually exclusive cultural trends because they proposed incompatible forms of utopia. The socialist realism, as Evgenii Dobrenko states, tried to “jump out of the history and create a pre-modern aesthetics of socialist realism ... it can be defined as postmodernism minus modernism” [Dobrenko, 1999, 9].

These Soviet culture strategies predetermined its ideologization, denial of modernism, but the Soviet intellectuals formally used postmodernist cultural practices and strategies. Soviet culture genetically and intellectually was very Western despite numerous attempts and desires to hide the genetic links. The modern and postmodern Soviet cultures were safely hidden under several layers of alluvial ideological maxims and political declarations. The modernist and constructivist roots, backgrounds and directions of Soviet literature's classical texts were dissolved in numerous books and articles where their authors declared that socialist realism was the only correct and possible way of development of the Sovietized Russian and national literatures.

Despite the considerable degree of indoctrination, Soviet literature retained some forms of utopian consciousness and identity that emerged in the early Soviet period, when intellectuals attempted to imagine and invent the correct political and ideological forms of utopia. The dimensions, recurrences, echoes and vestiges of utopian identity in the Sovietised Russian and national literatures were relatively diverse and heterogeneous, but the Soviet writers, including Russian (Nikolai Tihonov [Tihonov, 1985], Boris Lavreniov [Lavreniov, 1985], Iurii German [German, 1985] Sava Dungulov [Dungulov, 1985], Arkadii Sahnin [Sahnin, 1985], Viktor Stepanov [Stepanov, 1985]) and national (Abdullah Kahhar [Kahhar, 1985], Tengiz Gogoladze [Gogoladze, 1985], Muhtar Auezov [Auezov, 1985]) were captives and hostages of the constructivist nature of socialist realism. The soviet writers were compelled and forced to use constantly multiple metanarratives, which determined the main vectors, trajectories and lines of development of the Soviet utopian identity.

These metanarratives put the Soviet literature on the Procrustean bed between the communist ideology and the principles of political servilism. The Soviet writers permanently cultivated some deeply mythologized narratives including the following: the October Revolution and the victory of the communist utopia was inevitable; Communist utopia is the only correct utopia of creative labour and free creativity, the Soviet utopia is a revolutionary utopia of war and struggle; Soviet society is ideologically and politically correct society and communism is the only possible future. These formal and informal rules determined the main vectors of the mature Soviet political ideological utopia, but early Soviet classics were more diverse and heterogeneous. Actually, the early Soviet classics was one of the few bastions of true utopian consciousness and the first Soviet writers preferred to actualize ideological and political functions of literature in the wider context of cultural Sovietization.

Sovietization of culture stimulated the actualization of utopian dimensions in Russian and other national identities despite the fact that Russian and national intellectuals did not seek to be the authors of new political utopias. They did not recognize and deny the utopian nature of communism because they believed that communism was not a utopia, but it will become the future of mankind. If the representatives of the mature Soviet literature used the idea of a communist utopia to advance in the Soviet literary hierarchy, the early writers, on the contrary, could holy and sincere believe in the idea of a communist utopia. These features of political feelings, the perception of belongs to the historical moment of radical utopia identified differences between aesthetics and poetics of the early and mature politicized Soviet prose. Bolshevik revolution inspired Sovietization of culture, but the process of Sovietization was not an instantaneous process and lasted until the middle of the 1930s. Early Soviet authors [Ivanov, 2013; Slonimskii, 2013; Pozner, 2013; Shklovskii, 2013; Radishchev, 2013; Lunts, 2013; Nikitin, 2013] idealized the new political system and believed in its social and ideological potential, but their characters were not blindly loyal and obedient slaves of the communist and ideological utopia.

If the early Soviet authors actualized the forms of utopian consciousness and identity, they made them extremely naive and too idealized. The utopianism of the early Sovietised prose appeared as collective intellectual hopes for the progress of the freedom and creativity, but those dreams were illusions because the logic of the Sovietization and indoctrination imagined and invented literature as the only one among numerous tools in the arsenal of political indoctrination and formation of a new society. Early Soviet intellectuals were weaker than the Soviet political regime and they lost in competition with it: Soviet political elite marginalized writers deprived their freedom and made them mutate from free creators in the ideological slaves of the state. Soviet intellectuals lost in the confrontation with the authorities because they were too intellectual. Soviet political groups monopolized the right to form and to propose new identities, including their utopian forms. The Soviet regime marginalized intellectual forms and versions of utopian identity, replaced them with ideological and ideologized consciousness. Writers were forced to become involuntary and voluntary captives of the regime in their attempts to modernize the archaic post-imperial heritage radically in this situation. Sovietization of identities in the Soviet Union led to the fact that Soviet society revolves and develops as the ideological and political utopia.

The loyal chorus of numerous writers sang its successes and achievements, despite the fact that early formal Soviet literature was far from the extremes of the ideological orthodoxy of the Soviet utopia. Soviet intellectuals between the two world wars actualized various topics in their texts and actualized the forms and dimensions of utopian consciousness. The Soviet authors combined different genres in their texts, but the writings of utopias did not have epidemic calibres in the Sovietized literature. The utopian and anti-utopian motives appeared in the texts of several Soviet writers, including Aleksei Chapygin [Chapygin, 2001], Viacheslav Shishkov [Shishkov, 2001], Lev Gumilevskii [Gumilevskii, 2001], Marietta Shaginian [Shaginian, 2001], Vsevolod Ivanov [Ivanov, 2001], Mihail Kozyrev [Kozyrev, 2001]. The utopian and anti-utopian motifs and images in the Soviet prose between the two world wars were relatively diverse and heterogeneous, but the Soviet utopian mentality cultivated several metanarratives, including the gradual erosion and destruction of the old, traditional, archaic, collectivist forms of the regionalized and localized utopia. Soviet authors tried to nationalize the utopia of communism, but the nationalization had little impact on the basic trajectories of the Soviet communist utopia because the nationalization of utopias was possible in the national republics solely.

Marietta Shaginian [Shaginian, 1946] for example, tried to connect principles of communist idea with values of three Transcaucasian nationalisms in her book "Sovetskoe Zakavkaz'e" which was an attempt to invent and imagine the ideologically correct and loyal Georgian, Armenian and Azerbaijani identities as identities of dynamically changing and developing regions where the Soviet utopia and Soviet modernization were stronger than archaic and traditional relations and institutions. Soviet authors in these cultural and intellectual situations invented the image of the USSR as the country of the new winning and progressive utopia which was radically different to pre-Soviet relations and institutions. Formally Marietta Shaginian's texts do not belong to the classical utopian tradition, but in fact, they actualised different forms and dimensions of utopian discourse because utopia has system meaning for the Soviet regime. The Soviet state had a stable need for the consolidation and unification of society and the ideologized utopia was extremely useful in this situation. Political collective faith in the ideological communist utopia was the most optimal form of control and enforcement in the Soviet authoritarianism.

The Soviet authors glorified radical political and social changes and transformations, destructions of pre-revolutionary institutions and relations. The Soviet prose in this intellectual situation actualized its new political role in the contexts of indoctrination and the formation of new political traditions. The Soviet writers believed that national cultures and identities faced the new Soviet utopia which sought to force them to upgrade and make parts of the Communist utopia. Some Soviet authors allowed themselves to revise utopia and transform it into an anti-utopia because they were brave enough to understand the nature of the Soviet authoritarian communist

experiment, which promoted erosion of the human personality. Some of the early Soviet writers, including Vladimir Bill'-Belotserkovskii, actualized the utopian moments in his plays. Vladimir Bill'-Belotserkovskii in "Storm" [Bill'-Belotserkovskii, 1988] actualized archaic collective utopian views of the world in the title of his play, which symbolized a radical break with the old world and the transition to the new world after the storm as a form of the sacred cleansing that symbolically made the world pure. Vladimir Maiakovskii, Lidiia Seifullina and Vsevolod Ivanov were among the most talented and sincere apologists and theoreticians of the early political ideological utopia in its communist version.

Lidiia Seifullina was the founder of anthropological line in the Soviet ideological utopia and other writers, including Nikolai Ostrovskii [Ostrovskii, 1985] and Andrei Platonov [Platonov, 1985] attempted to revive communist utopia and anthropologize it, but their attempts were unsuccessful. Actually Nikolai Ostrovskii's novel "Kak zakalialas' stal'" ("How the Steel Was Tempered") become a cornerstone in the tradition of Soviet political hagiography, which led to the schematization and idealization of the builder and inhabitant of communist utopia which actualized their striking resemblance with religious saints though the Sovietized Russian literature denied religion in general. The political and ideological utopia of Nikolai Ostrovskii was important because the author proposed a new language of the Soviet quasi-religious lives as a system and an integral element of utopian consciousness. Vladimir Mayakovskii's "Mystery-Bouffe" was absolutely other and this play became one of the first simultaneous attempts to indoctrinate and politicize the cultural discourse in the context of actualization of the utopian motifs and forms in new political identity.

The structure of actors that included "seven pairs of clean", "seven pairs of unclean", the intelligentsia, the lady with the cartons, saints, and devils actualized heterogeneous, transcultural and inter-temporal nature of the world Vladimir Maiakovskii described in his play. The transit to the utopia of communism was one of the main cultural messages of the play: "the way is tempered, smooth and clean. Be the first - ahead of the driver! In the wave! On the rails! The joyful house built in the extracted labour is close. Eat space, breathing into the car. Only in the car, we will step in the coming... Step by step" [Maiakovskii, 1987 89 - 90]. Vladimir Maiakovskii's play "Mystery-Bouffe" became the anthem of the liberated machine as a collective inhabitant of the future communist utopia: "I'm sorry, worker! Worker, I'm sorry! You gathered, produced... And we took and enslaved. Wave, machine, wave, Mahina. Steel tirelessly, steel without rest - we were told to carry fat on the tires, they were told to work in factories. The shaft on shaft tore you in centuries... Shout, motors, great joy, fats are knocked down, now I'm free! Goody for plants, the wheels are moving, circling in the railway lines" [Maiakovskii, 1987, 98].

The machine in the political and poetic imagination has become a symbol of progress and modernization that actualized modernist technocratic nature of the early Soviet utopia because its representatives radically and decisively tore the old traditional and archaic poetics. Vladimir Maiakovskii was among the first Soviet authors who tried to imagine and invent a radical version of the communist utopia, which in its text had a lot in common with archaic cultural collective representations and ideas of paradise. The early Soviet authors, including Lidiia Seifullina, actualized the sacred form of the communist utopia as a form of political, social and gender liberation and renewal of the world. The novel "Virineia" [Seifullina, 1988] was an attempt to combine the forms of political, social and gender utopia with utopias-liberation. Lidiia Seifullina actualized liberatory character of the Soviet communist utopia because the text "Virineia" was an attempt to actualize Soviet utopian experiment. "Virineia" also become a utopia-revolution, one of the first attempts to actualize role and significance of the revolution as the radical destruction of the old archaic social world and transit to the new futuristic world of communism as a form of utopia which radically and decisively solved social and political problems of the old world. Actually "Virineia" was an attempt to create a universal political utopia, utopia-construct and utopia-comics,

despite the fact that the illustrations were absent. “Virineia” was the early Soviet form of comics thinking because its structure makes the text accessible to the masses of readers.

Therefore, “Virineia” actualized the functions of political indoctrination which later became universal for Soviet ideological utopia. The communist paradise and “promised land” in the play had a heterogeneous character because Vladimir Maiakovskii synthesized common categories of traditional, transitional and modern cultures. Vsevolod Ivanov was among the most talented writers of early Soviet Russia who made a significant impact both to the emergence of the Soviet literature in general, and the actualization of its utopian motives in particular, but the writer's talent predetermined that some of his utopian sentiments and ideas in the Soviet realities of the 1920s and the 1930s turned in anti-utopian and led to difficulties with political, ideological and censorial powers.

The utopian motifs and ideas bring together the texts of Vsevolod Ivanov and Gaito Gazdanov's prose. It is possible to draw parallels in their perception of Russia as a country between the past and the future in their novels "Bronepoezd 14 - 69" and "Vecher u Kler". Vsevolod Ivanov and Gaito Gazdanov become authors of two texts with the same title: “Vozvrashchenie Buddy” (“The Return of the Buddha”) which also actualized the problems of rational and irrational utopian sentiments in the development of Russia. Vsevolod Ivanov in “Bronepoezd 14 – 69” [Ivanov, 1988] also tried to actualize the transit nature of Russian utopia, different states and forms of cross-borderness and situations of transculturalism. The armoured train or “bronepoezd” of Vsevolod Ivanov symbolizes the uncertainty of the past and future in the revolutionary Russia because it hovered between different historical eras and different forms of utopian consciousness. Vsevolod Ivanov, as other early Soviet authors, took the attempts to anthropologize utopia in his novel “Parhomenko” [Ivanov, 1948].

The origins of the utopian consciousness's anthropologization in Sovietised Russian prose were diverse and heterogeneous. Natal'ia Arsent'eva [Arsent'eva, 1993, 309] suggests that the utopian character became an inevitable result of the developments and transformations of classical Russian literature, but the author of this book does not agree with such idealized utopian attempts to trace the lineage of the Soviet prose's heroes of the 20th century. The author presumed that the utopian and anti-utopian heroes were among radical and decisive results of refusal from the old archaic poetics. Literary ancestral home of utopian character can be mapped in the culture of modernity and its particular forms including socialist realism, which deliberately imagined and invented new people as the inhabitants of its own Utopia.

Actually, the novel formally belonged to the official socialist realist discourse, but it was a Soviet novel-construct. Vsevolod Ivanov in “Parhomenko” simultaneously sought to antropologize and ideologize the heroes of the Soviet utopia, but this novel was more aesthetic than “How the Steel was Tempered” of Nikolai Ostrovskii because Nikolai Ostrovskii wrote an icon, but the characters of Vsevolod Ivanov were still alive. It was normal in an intellectual situation of the inter-wars USSR that the Nikolai Ostrovskii's novel was ideologized, mythologized and became the most published text in the by USSR and its author turned into a political icon. Vsevolod Ivanov, in contrast to Nikolai Ostrovskii, was a writer, he actualized the roles and functions of the creator and poets had ideological problems with the Soviet censorship. Vsevolod Ivanov, from the formal viewpoint of the communist ideology, proposed politically correct image and mature character of the revolutionary, a red commander and a hero of the Civil War in “Parhomenko”, but Vsevolod Ivanov [Papkova, 2012] rewrote the novel three times and “Parhomenko” in this context was the text-construct that reflected the main ideological and political transformations of the Soviet Communist utopia of the 1930s and 1950s that ranged between Stalinism and political idealism.

If "Bronepoezd 14 - 69" and "Parhomenko" relatively easily passed through all the circles of the Soviet ideological and political censorship, the fate of other texts, which also actualized the utopian motifs on their border and frontier with anti-utopia, was complicated and difficult. "Partizany", the first novel in series “Partizanskie povesti”, "Bronepoezd 14 - 69" belonged to, was

a complex and heterogeneous text where simultaneously coexisted multiple dimensions and meanings. Vsevolod Ivanov managed to publish a story when the writer was still relatively free and could describe the revolutionaries as living people. These tactics and strategies a few years later become impossible because political censorship demanded ideologically correct and canonical images that had more in common with the communist political icons. Kobelev-Malishevskii, one of Vsevolod Ivanov's early characters, expressed common sentiments and ideas about early revolutionary Russia. He was disappointed and also lost faith in the old Russia with its archaic values: "the monastery was built to pray, and you do not go into it. You mention God only in the dirty words, there is no religion and faith in the power..." [Ivanov, 1973, 69]. "Vozvrashchenie Buddy" ("The Return of the Buddha") of Vsevolod Ivanov was one of the most utopian novels in the early Sovietized Russian prose of the first half of the 1920s.

Formally novel belonged to a realistic discourse, but in fact actualized Orientalist tendencies and the clash of different identities with their utopian preferences and ideas in the early Soviet utopia. The novel's characters, despite the understanding that "revolution like fire, it eat and can not satisfy itself" [Ivanov, 1973, 537] acted as victims of this revolution that became the radical attempt to destroy old orders and institutionalize utopia instead them. The Soviet powers in the novel appear as the ideal form of the universal utopia and the regime that cares about Mongolians and Buryatians and authorize the return Buddha statue to them. Vsevolod Ivanov's "Vozvrashchenie Buddy" became origination of naive belief and idealistic conviction that the revolution will be able to build a new society, a new state, which will be almost a utopian, but the text did not become a utopia in the classical sense and utopian motives were ignored and unnoticed by criticism in the 1920s because the text was not integrated in the context and canon of the dynamically changing and sovietizing Russian prose. Vsevolod Ivanov's novels "Kreml'" and "U" [Etkind, 1999; Ivanova's, 1990] were among the most utopian texts of formally Soviet literature, but the writer could not publish these texts.

The text of "Kreml'" was heterogeneous in the time perspective and the author actualized the medieval and Soviet dimensions in the history of Russia. The attempt to build a new Kremlin in Uzhga, that would be the better than Moscow one, became the institutionalized collective will and desire to realize religious and political utopia. The residents of Uzhga in the early 1920s became victims of Russian Revolution: Afanas-Tsarevich is provincial crazy, Agaf'ia is his sister and a supporter of radical revolutionary changed, Gurii Lopta is a religious fanatic who deliberately seeks to ignore the revolutionary changes, Vavilov is the semi-intellectual who tried to find personal and psychological salvation in Uzhga from the revolutionary storms and upheavals. Actually Vsevolod Ivanov's novel "Kremlin" revised the role of religion and violence in the social and political transformations: Agaf'ia organized "religious-Orthodox society" and tried to occupy Cathedral; the local fanatically oriented crowds killed Uzbek Mustafa, who decides to convert to Orthodoxy. Vsevolod Ivanov actualized anti-utopian scenario of the moral and cultural degradation of the Church in the community of fanatics and sectarians in his "Kreml'". The novels "Kreml'" [Ivanov, 1990] and "U" [Ivanov, 1990] were texts about attempts to artificially create new man for Soviet Communist utopia.

The novel "U" can be roughly defined as anthropological utopia because the idea of human transformation after the revolution was central in this text. If other Soviet writers idealized the attempts to create a new humanity for revolutionary communist utopia, Vsevolod Ivanov tried to prove that the attempts of the radical and revolutionary transformations of humanity are doomed to failure. Vsevolod Ivanov's characters were far from the idealized ardent revolutionaries of the later Soviet literature, despite the fact that the heroes of Vsevolod Ivanov and ardent revolutionaries of other Soviet authors were predominantly heroes-constructs. The heroes of Vsevolod Ivanov differed from the later Soviet heroes, because they were victims of utopia and revolution, and the heroes of the late Soviet prose fanatically built this utopia, they were its slaves and believed in it.

Библиографический список

1. **Shadurskii, M.** (2011), Literaturnaia utopiia ot Mora do Haksli. Problemy zhanrovoi poetiki i semiosfery. Oobretenie ostrova. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 160 s.
2. **Mil'don V.** (2006), Sanskrit vo l'dah ili vozvrashchenie iz Ofira. Moskva: ROSSPEN, 288 s.
- Kovtun, N. (2009), "Derevenskaia proza" v zerkale utopii. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 494 s.
3. **Dobrenko, E.** (1993), Metafora vlasti. Literatura stalinskoi erohi v istoricheskom osveshchenii. München: Verlag Otto Sagner, 405 s.
4. **Dobrenko, E.** (1997), Formovka sovetskogo chitatelia. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 321 s.
5. **Dobrenko, E.** (1999), Formovka sovetskogo pisatel'ia. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 557 s.
6. **Dobrenko, E.** (2011), Russkaia literaturnaia kritika: istoriia i metadiskurs, Dobrenko, E., Tihanov, G. (2011), red., Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epoha. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, ss. 5 – 36.
7. **Dobrenko, E.** (2011), Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki v epohu kul'turnoi revoliutsii: 1928 – 1932, Dobrenko, E., Tihanov, G. (2011), red., Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epoha. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, ss. 142 – 206.
8. **Dobrenko, E.** (2013), Sotsialisticheski realizm i realen sotsializm: syvetskiiat opit, Doinov, Pl. (2013), syst., Literaturite na SSSR i NRB: paralelni interpretatsii. Sofiia: Kralitsa Mab, ss. 11 – 136.
9. **Doinov, Pl.** (2008), Sotsialisticheskiat realizm: hroniki i upotrebi, Doinov, Pl. (2008), syst., Sotsialisticheskiat realizm: novi izsledovaniia. Sofiia: Nov bylgarski universitet, ss. 13 – 38.
- Doinov, Pl. (2011), Bylgarskiat sotsrealizm 1956, 1968, 1989. Norma i kriza v literaturata na NRB. Sofiia: Ciela – IIBM, 385 s.
10. **Doinov, Pl.** (2012), NRB-literaturata – rechnitsi, dialozi, (ne)razbirane, Doinov, Pl. (2012), syst., NRB-literaturata: istoriia, poniatia, podhodi. Sofiia: Kralitsa Mab – Silueti, ss. 13 – 35.
11. **Doinov, Pl.** (2013), Sotsialisticheskiat realizm: bylgarskiat sluchai, Doinov, Pl. (2013), syst., Literaturite na SSSR i NRB: paralelni interpretatsii. Sofiia: Kralitsa Mab, ss. 137 – 160.
12. **Nedelchev, M.** (2008), Sotsialisticheskiat realizm: teoriia i praktika. Syotvetstviia / nesyotvetstviia, Doinov, Pl. (2008), syst., Sotsialisticheskiat realizm: novi izsledovaniia. Sofiia: Nov bylgarski universitet, ss. 39 – 54.
13. **Nedelchev, M.** (2012), Dvete kul'turi ot kysna sotsialisticheska epoha (1962 – 1989), Doinov, Pl. (2012), syst., NRB-literaturata: istoriia, poniatia, podhodi. Sofiia: Kralitsa Mab – Silueti, ss. 55 – 81.
14. **Nedelchev, M.** (2012), Sedem tezisa za sotsialistichkiiat realizm, Doinov, Pl. (2012), syst., NRB-literaturata: istoriia, poniatia, podhodi. Sofiia: Kralitsa Mab – Silueti, ss. 229 – 232.
15. **Vorob'iova, A.N.** (1991), Razvitie zhanra antiutopii v sovremennoi russkoi literature, Kul'tura. Tvorchestvo. Chelovek. no.1, ss. 87 – 90.
16. **Vorob'iova, A.N.** (1996), Knizhnye orientiry sovremennogo soznaniia v izobrazhenii novoi russkoi antiutopii, Mir kul'tury: chelovek, nauka, iskusstvo. Samara: Izdatel'stvo SGIK, ss. 237 – 238.
17. **Vorob'iova, A.N.** (2006), Literaturno-filosofskii kontekst utopii nachala XX veka. Roman A. Bogdanova "Krasnaia zvezda", Kul'tura XX veka. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchenoi 35-letiiu SGAKI. Samara: Samarskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv, ss. 191 – 201.
18. **Vorob'iova, A.N.** (2006), Malen'kii chelovek v antiutopicheskom kontekste, Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra RAN. Spetsial'nyi vypusk "Aktual'nye problemy gumanitarnyh nauk", no 4, ss. 42 – 49.

19. **Vorob'iova, A.N.** (2006), Roman I. Erenburga "Hulio Hurenito" v kontekste antiutopicheskikh siuzhetov 20-h godov XX veka, Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, no 10 (50), ss.5 – 15.
20. **Vorob'iova, A.N.** (2006), Russkaia antiutopiia XX veka v blizhnih i dal'nih kontekstah. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 268 s.
21. **Vorob'iova, A.N.** (2006), Vozrozhdenie antiutopii v kontekste sovetskoi literatury 60-70-h godov, Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi Akademii nauk. Spetsial'nyi vypusk "Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk", no 3, ss. 35 – 42.
22. **Vorob'iova, A.N.** (2008), "Divnyi novyi mir" v noveishih postutopicheskikh interpretaciiakh, Akademicheskie tetradi. no 8, ss. 17 – 33.
23. **Vorob'iova, A.N.** (2008), Kniga kak personazh antiutopicheskikh siuzhetov v russkoi literature XX veka, Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi Akademii Nauk. Pedagogika i psihologiya. Filologiya i iskusstvovedenie, no 2, oktiabr' – dekabr', ss. 211 – 216.
24. **Vorob'iova, A.N.** (2008), Moskovskie antiutopicheskie siuzhety, Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi Akademii Nauk. Pedagogika i psihologiya. Filologiya i iskusstvovedenie, no 1, iiul' – sentiabr', ss. 204 – 209.
25. **Nikolaev, D.** (2010), Literatura kak propaganda, Kaznina, O. (2010), red., V poiskah novoi ideologii. Sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920 – 1930-h godov. Moskva: IMLI RAN, ss. 494 – 594.
26. **Chuzhak, N.** (2000 [1929]), Literatura zhiznestroeniia, Chuzhak, N. (2000 [1929]), red., Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva: Zaharov, ss. 34 – 67.
- Chuzhak, N. (2000 [1929]), Pisatel'skaia pamiatka, Chuzhak, N. (2000 [1929]), red., Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva: Zaharov, ss. 9 – 28.
27. **Tret'iakov, S.** (2000 [1929]), Biografiia veshchi, Chuzhak, N. (2000 [1929]), red., Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva: Zaharov, ss. 68 – 72.
28. **Tret'iakov, S.** (2000 [1929]), Novyi Lev Tolstoi, Chuzhak, N. (2000 [1929]), red., Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva: Zaharov, ss. 29 – 33.
29. **Shklovskii, V.** (2000 [1929]), Prestuplenie epigona, Chuzhak, N. (2000 [1929]), red., Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva: Zaharov, ss. 136 – 140.
- Arsent'eva, N. (1993), Stanovlenie antiutopicheskogo zhanra v russkoi literature. Moskva: Izdatel'stvo MPGU, 355 s.
30. **Dragunskii, D.** (2014), Bor'ba za pravo byt' rabom, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 171 – 184.
31. **Dragunskii, D.** (2014), Izobrazhi Rossiiu mne!, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 118 – 126.
32. **Dragunskii, D.** (2014), O, pon, sin, mor, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 143 – 149.
33. **Dragunskii, D.** (2014), Oni – eto my, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 137 – 142.
34. **Dragunskii, D.** (2014), Otvet Solonevicha, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 160 – 170.
35. **Dragunskii, D.** (2014), Pisatel' i ego demon: sami sovetskii roman, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 100 – 108.
36. **Dragunskii, D.** (2014), Pushkin-Amurskii, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 109 – 117.
37. **Dragunskii, D.** (2014), Uchrezhdenie literatury, Dragunskii, D. (2014), Otnimat' i podgliadyvat'. Esse. Moskva: AST, ss. 90 – 99.
38. **Chuhrukidze, K.** (1999), Pound & £. Modeli utopii XX veka. Moskva: Logos, 176 s.
- Doinov, Pl. (2008), Sotsialisticheskiiat realizym: hroniki i upotrebi, Doinov, Pl. (2008), syst., Sotsialisticheskiiat realizym: novi izsledovaniia. Sofiia: Nov bylgarski universitet, ss. 13 – 38.

39. **Doinov, Pl.** (2011), Bylgarskiiat sotsrealizym 1956, 1968, 1989. Norma i kriza v literaturata na NRB. Sofii: Ciela – IIBM, 385 s.
40. **Doinov, Pl.** (2012), NRB-literaturata – rechnitsi, dialozi, (ne)razbirane, Doinov, Pl. (2012), syst., NRB-literaturata: istoriia, poniatii, podhodi. Sofii: Kralitsa Mab – Silueti, ss. 13 – 35.
41. **Doinov, Pl.** (2013), Sotsialisticheskiiat realizym: bylgarskiiat sluchai, Doinov, Pl. (2013), syst., Literaturite na SSSR i NRB: paralelni interpretatsii. Sofii: Kralitsa Mab, ss. 137 – 160.
42. **Dranov, A.** (1992), Antiutopiia – put' k istine, Arhipov, Iu., Dranov A. (1992), sost., Geliopolis. Nemetskaia antiutopiia. Romany. Moskva: Progress, ss. 5 – 29.

УДК 930.2

*Воронежский государственный университет,
Доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473)2392931
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Regional
Studies and Foreign Economies Chair
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. (473)2392931
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

M. V. Kirchanov

**CHUVASH NATIONAL UTOPIA INSPIRED BY THE REVOLUTION: BETWEEN
NATIONALISM AND COMMUNISM**

Автор анализирует элементы утопии в чувашской литературе после 1917 года. Автор полагает что русская революция стала влиятельным культурным стимулом которая вдохновила модернизацию чувашского общества, его трансформацию в современную нацию. Чувашская литература с ее многочисленными утопическими мотивами и образами стала формой развития чувашской национальной идентичности. Литература стала коллективной изобретенной традицией и попыткой синтезировать и соединить ценности нации и принципы социального класса.

Ключевые слова: 1917, литература, чувашская литература, национализм, идентичность, национальная утопия, национальная идентичность

The author analyzes the elements of utopia in the Chuvash literature after 1917. The author believes that the Russian revolution has become an influential cultural stimulus that inspired the modernization of the Chuvash society, its transformation into a modern nation. Chuvash literature with its numerous utopian motifs and images became a form of development of the Chuvash national identity. Literature has become a collective invented tradition and an attempt to synthesize and combine the values of the nation and the principles of the social class.

Key words: 1917, literature, Chuvash literature, nationalism, identity, national utopia, national identity

Soviet communist utopia encouraged diversity in regional and national literatures in their sovietized forms and actively developed it in the official discourse of multi-national Soviet literature as the form of collective and forced cohabitation and coexistence of nations who lived in the USSR. These literatures actualized all birth traumas of the Soviet literature, including forced Sovietization and integration of national literatures in the canon of socialist realism [Dobrenko, 2013; Doinov, 2008, Doinov, 2013, Nedelchev, 2008; Popov, 2008; Ianev, 2008]. The author believes that any national literature of any union or autonomous republic existed and developed as invented traditions that played an important role in the actualization of the principles and values of the nation as the basic backgrounds and foundations of the national utopia [Shadurskii, 2011; Mil'don, 2006; Kovtun, 2009]. The author in this part will analyze attempts of intellectuals in the national republics and dependent socialist states to create and develop national forms and versions of the communist utopia, based on the actualization of archaic elements that formed the identity in its utopian discourse.

The selection of regions for the study in this part of the book is an arbitrary and the author acknowledges that other national literary traditions can also be analyzed in the context of the history of utopian consciousness, the transformation of the archaic and traditional utopian identities in its contemporary forms.

The author analyzes the elements, forms, levels and dimensions of utopian consciousness in Chuvash and Georgian intellectual tradition. These regions had significant features and privileges among other members of the Soviet political family. Georgia during the period between the two world wars was a republic that became a source of recruitment of Soviet political elites. Georgia saved special status in the post-war period also. The traditions of intellectual, cultural, and ethnic nationalism were extremely strong and influential in this Transcaucasian republic. Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic formally had no particular political or administrative status, but Chuvash identity dynamically developed in the region. Chuvash nationally oriented intellectuals constantly actualized the special role of their nation in the history of the revolution and civil war, because the hero of the Soviet mass culture Vasilii Chapaev was Chuvash.

Chuvash intellectuals occasionally hinted the special ties and relations with Vladimir Lenin, who was the creator of the Soviet state. Chuvashia in the Soviet Union was the only autonomous republic that was allowed to have its own cosmonaut. Actually, all informal features that turned into invented traditions greatly influenced the developments and transformations of utopia, utopian consciousness and identity in national literary traditions of these regions. The conflict between the traditional communities and government officials was in this situation inevitable because the state in the national regions was the main agent of modernization and a source of social and economic transformations and changes.

Chuvash writer Semen Fomin actualized the same tendencies in his short stories, where he combined elements of socialist realism with a modernist and postmodernist tactics and strategies of the writing of texts as constructs. The story "Storm" [Fomin, 1987, 12 - 26] is a text-construct where the author attempts to combine, fix, localize, map and imagine the space with dimensions of unmotivated violence. The story "Storm" is almost devoid of plot. The plot is preempted, broken and tampered by heterogeneous internal monologues of the heroes or their attempts to describe the world. The hero and the world in "Storm" exist or even co-exist in isolation and connections between them practically are absent. "Storm" was among the first attempts to actualize the senselessness and archaicness of utopian consciousness in the early Soviet national literatures.

Chuvash writer Lavrentii Tallerov actualized utopian motives of faith and hope in the context of the history of the Chuvash agrarian periphery on the eve of the Soviet authoritarian and radical modernization. Lavrentii Tallerov's novel "Zvezda putevodnaia" [Tallerov, 1989] was an attempt to actualize the potential of historical narratives in the national literature. Chuvash intellectuals in the Soviet period, on the one hand, were deprived of the opportunity to write national history in the national coordinates system and therefore Chuvash writers tried to overcome this psychological complex in their modernist and constructivist novels where they imagined and invented Chuvash national history. On the other hand, the Soviet tradition of histories writing belong to the number of impersonal, but the authors in the national republics tried to populate and personalize their invented and imagined utopias with great historical figures of history.

The novel of Chuvash writer Tihon Peterkki [Peterkki, 1983] became in this context an attempt to turn Ivan Iakovlev in the number of the founding fathers of Chuvash national cultural and historical utopia. Ivan Yakovlev in Nikolai Terent'ev's play "Humsem şırana şapaşşë", translated into Russian as "Volny b'ıut o bereg" ("The waves beat the shore") [Terent'ev, 1975] acted at the same time with the young Vladimir Lenin who provided Chuvash national utopia with dual symbolic legitimation. Nikolai Terent'ev also tried to liberalize gender issues in the context of the invention of Chuvash national utopia. The play "Posle molnii – grom" ("After the lightning – thunder") [Terent'ev, 1987] was an attempt to integrate the canonical image of Vladimir Lenin as an invented tradition and political myth in the context of Chuvash national utopia. Chuvash writer

Hvetër Uyar [Uyar, 1987] actualized the anthropological forms and dimensions of Chuvash national utopia and continuity between the various forms of personalized Chuvash historical experience, presuming that nationally oriented Chuvash intellectuals preserved the language as an identity as the basis of Chuvash national utopia.

The short story of Chuvash writer Semen Fomin “Nochnaia doroga” [Humma Şemenë, 1975; Fomin, 1987 161 - 168] was among the postmodernist experiences in national literatures: the events in this text are almost nonexistent, the author described a journey to an unknown destination, the road to nowhere, attempts to find a bridge between the past and the future, the cross between different forms and versions of utopia and utopian consciousness. The text of the story, in general, is a postmodern stream of consciousness. The novel of Chuvash writer Aleksei Talvir [Talvir, 1978] and Bashkir writer Sagit Agish [Agish, 1978] had a common name “Fundament”. This title was very symbolic, it actualized the assembly, integral and constructivist nature of these texts. The similar trends dominated in the other texts of Aleksei Talvir [Talvir, 1969] because he imagined history and historical time as a staunch postmodernist and constructivist, he disrupted and destroyed the connections of historical epochs and eras, intentionally and knowingly exported modern political identities in the past.

Aleksei Talvir actualized and invented individual and group presentations about a history and historical time in his constructivist texts. These novels have a lot in common, including their titles and the problems the authors wrote about. In fact, Aleksei Talvir and Sagit Agish actualized in their texts the problems of the forced modernization and transition from the traditional world in a new society of the constructing communist utopia. The novels-constructs belong to the reductionist paradigm in the national literatures because their authors minimized the history to the history of construction of the communist utopia and decisively discarded, rejected and culled everything that was impossible to integrate in in this perfect imagined history-construct, but socialist realism even in these texts developed together with modernist and postmodernist trends and tendencies and it is extremely difficult to determine what cultural and intellectual discourses had a primary and a secondary character. The Soviet Union radically changed and transformed the national regions where the elites created, imagined and invented new political nation, but the Soviet Union synthesized and combined national and ideological values, stimulated cultural and political diversity in its reduced forms.

The trajectories of the development’s strategies of national literatures [Petrov, 1986] and Russian literature of the national republics lost their connections with the ideologized and politicized forms of socialist realism that mutated in constructivist practices of the invention and imagination. Therefore, the national literatures of the second half of the 1980s, including peripheral literatures existed and developed as constructs and invented traditions. The national poetry evolved as a modernist and post-modernist constructs and national poetic discourse mutated into a constructivist discourse of permanently revising inventing traditions. Chuvash poet Mitta Vaşleyë was among the national modernists and constructivists, who combined and mixed ethnic motifs with the values of the arising communist utopia. Mitta Vaşleyë, on the one hand, sang and praises the world of the future communist utopia, described its landscaped as ideal lands where “Good Sun firstly came out of the darkness in the country” [Mitta, 1976, 15] and actualized also urbanized levels and dimensions [Mitta, 1976 20] of national utopia.

On the other hand, Mitta Vaşleyë actualized the storm and onslaught of the new communist utopia, idealized the power of the world of engines and technological progress. Mitta Vaşleyë was one of the singers of the national Chuvash revolutionary futuristic utopia, which synthesized and combined elements of modernization and Chuvash nationalism. Mitta Vaşleyë sought to actualize and synthesize the role of language (“language of the fathers, light in my chest sacred fire”), national traditions and the revolutionary struggle [Mitta, 1976, 45 - 56] in the newly invented traditions of the modern Chuvash nation as a participant of the communist utopia. Formally, these ideas were quite diverse, heterogeneous and ranged from the formal ritual socialist realism to the

individual forms and dimensions of postmodern poetics. Formally, all these tendencies expressed themselves in the meta-genre of the historical novel. The socialist realism which in some national literatures transformed and mutated into a form of postmodernism become the invented and imagined tradition, a universal method of constructing of the cultural and intellectual landscapes. The modernist and postmodernist transformations and misadventures of socialist realism in the national literatures assisted to its transformation and mimicry in geographic symbolism or geographical constructivism and attempts to actualize utopian elements in national identity.

Chuvash writer Vlas Ivanov-Paimen's novel "Bridge" [Ivanov-Paimen, 1964; Ivanov-Paimen, 1975] was a very symbolic in this context. On the one hand, the novel continued the trends suggested by Şeşpel Mişşi, who also used it in his poetry and prose. The images of the bridge as the bridge to the future or absence of this bridge in reality called Şeşpel Mişşi's contemporaries to throw him under a bridge. Şeşpel Mişşi forced his characters to die in general or, die in the raging currents of the river. If Şeşpel Mişşi only imagined the bridge, Vlas Ivanov-Paimen tried to institutionalize it in Chuvash prose. The image of the bridge had symbolic meanings and had some dimensions in his texts. The bridge symbolizes the transit from traditional and archaic world to the new world of the communist utopia. The bridge in the intellectual situation became a universal symbol in the imagined and invented Chuvash geography of the sacralized spaces.

The socialist realism in Chuvash literature demanded and forced writers to create ideologically predictable and planned texts, where the characters are actors were engaged in the establishment and creation of a socialist society as the form of utopia. The socialist realism in general and its forms in the national republics of the USSR and RSFSR, in particular, had revolutionary significance because it changed, transformed and modernized cultural spaces and practices of local intellectuals. The Soviet Union in the national regions chosen tactics and strategies of radical modernization, decisive and deliberate erosion of the old cultural institutions if they existed and rejection of archaic intellectual practices if local groups had traditions of symbolical communication. The texts of Chuvash writer Trubina Marhvi [Trubina, 1975] had some conceptual parallels with the prose of Anastasia Syromyatnikova, but Trubina Marhvi fixed forms and dimensions of traditional agrarian utopia, especially the life and labour of Chuvash peasants, various dimensions of national and social oppression of non-Russian groups in the Russian Empire.

Chuvash authors provided Russia as an empire with classical features, characteristics and attributes of anti-utopia, but these forms of anti-utopian consciousness and identity had traditional roots. Chuvash anti-urban agrarian utopia was traditional and it had no ideological legitimation and this feature radically differed it from the later political utopias and anti-utopias. The party leaders of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1970s stimulated agricultural trends in Chuvash literature because they themselves periodically actualized the peasant theme in their ideologically motivated writings. The texts of party ideologues with pathetic titles "Kukuruza – kul'tura komsomol'skaia" [Emel'ianov, 1959] and "Starshe hleba net" [Emel'ianov, 1972] combined elements of folk rites and Chuvash traditionalism. The nationalized communist ideology sanctioned the progress of agricultural prose in Chuvash literature. Trubina Marhvi's story "Ača čuhnehi" or "Detstvo" was a utopia in the contexts of farewell and parting with the traditional society of the national internal predominantly agricultural underdeveloped periphery. Trubina Marhvi actualized these problems in her "Muchar" novel [Trubina, 1988] and unfinished novel "Hütě vyränta" or "U tihoi zavodi" [Trubina, 1988].

These texts formally belong to the socialist realist discourse, but in fact, they become examples of modernist and postmodernist national prose. Trubina Marhvi in these texts invented the history of the forced modernization, collectivization and migration of Chuvash collective society in the communist utopia. The unfinished novel "Hütě vyränta" or "U tihoi zavodi" actualized its post-modernist character, the storyline evolved and developed as multiple constructs and attempts to invent the past-as-history in its various forms and discourses. The incompleteness of this text inevitably turns its readers into unwitting collaborators and witnesses of a radical break-up with the

old and archaic world in the contexts of the traditional utopia's erosion. Trubina Marhvi's utopian discourse fixed and recorded the first and earliest forms of forced modernization, but it is extremely difficult to map the text in the literary and historical contexts. Formally the prosaic texts of Trubina Marhvi belonged to a realistic discourse, but all our attempts to identify them as the exceptionally realistic will be a simplification. The author presumed that the story "Ača čuhnehi" or "Detstvo" was a post-modernist text-construct, where the author imagined, invented and constructs ethnographic realities of Chuvash traditional utopia. The historical Chuvash prose was also among the strongholds and bastions of utopian consciousness and identity.

Chuvash historical prose provided authors with opportunities to actualize the archaic ethnic and cultural characteristics that separated the community, they belonged to, from all other Soviet nations, which under the leadership of Russian elder brothers participated in the construction of a communist utopia. Kuz'ma Turhan's novel "Sěve Atāla yuhsa kěret" [Turhan, 1960; Turhan, 1985] formally actualized the idea of brotherhood between Russians and Chuvashes, but in fact, the text was an attempt to nationalize Chuvash intellectual discourse and make it more Chuvash. The attempts of intellectual and cultural Chuvashization were very dangerous and risky because the criticism of Russians in the Soviet period was impossible and elementary excluded from the arsenal of tools that were available to Chuvash authors. Therefore Kuz'ma Turhan actualized the negative images of Tatars as a universal Others and glorified voluntary incorporation of Chuvash lands in the Russian state. The writer in this intellectual situation actualized the utopian elements in the national consciousness and naive belief in salvation in communion with Russians.

This naïve faith was a historic mistake because the Chuvash nation in Russia was among the oppressed peoples. The collective beliefs to find their place in a perfect mythical utopia characterized archaic folk consciousness, but this faith was replaced by the forced stay in the anti-utopia of the Russian state and Russian Empire as a "prison of peoples" and country of the officially sanctioned national oppression and inequality. Hveder Uyar's novel "Teneta" was a text with national utopian motifs and images. Teneta is an archaic instrument in a form of network for catching of animals. The novel's title in this intellectual context was very symbolic and actualized the nation's dependence on external conditions and circumstances; it also symbolized the role of the nation as a victim of the inexorable logic of history which was not kind and merciful to the minor nations. The novel "Teneta" was simultaneously antimodern, traditionalist, social and national utopia. The social character of utopia emerged in the descriptions of Akramov uprising that become the central collective hero of the novel. The novel in this context was the politically correct text from the ideological viewpoint of Soviet censorship.

The antimodern and traditionalist ideas in the text appeared in the economic sentiments of Chuvash peasants who resisted to attempts of the Russian government to reduce the rights of peasants if non-Russian origin. All these factors actualized the national elements in utopian consciousness, but they were hidden and latent because the actualization of national rebellious utopia as a protest against the forced modernization was not possible during the Soviet period. Other authors [El'ger, 1959] also actualized the problem of cultural conflicts, clashes of identities, confrontation of urban centers and agricultural and peripheries, but they were not confident in the victory of town and triumph of modern industrial utopia because some of their heroes preferred to return to their native villages and chosen the traditional utopia instead modernized and urbanized one.

Anatolii Emel'ianov tried to actualize the role of land as a central factor in the development of the Chuvash national agrarian utopia. Anatolii Emel'ianov presumed that the image of the land and historically arisen collective ideas about it organically rooted from Chuvash identity and actualized the utopian elements and tendencies: "the land!... 'mother' is your name from the immemorial times. Everything starts and ends in thee, Oh land. The life of ploughman is associated with You so strongly that he can not imagine its existence without You ... Dead land! Nobody remembers when the field had a different name ... it is a great happiness to make the dead earth a

living again ... and someone else in many years will come here and say: "Hello, my field" [Emel'ianov, 310 - 312]. The heroes of Anatolii Emel'ianov revived the dead land and tried to institutionalize the agricultural traditional Chuvash national utopia. Ilpek Mikulayë's novel "Hura çäkär" or "Chiorniĭ hleb" [Il'bek, 1982] can also be localized among other agricultural and traditional utopias of national literatures in the RSFSR. Ilpek Mikulayë, on the one hand, actualized the versatility and attractiveness of economic agrarian peasant utopia in the context of the traditional work and labour ethic.

On the other hand, Mikulai Ilpek believed that the clash of urban and agricultural civilizations in the political contexts of collision and ideological conflicts was inevitable. Therefore, the verdict to the traditional agrarian utopia was disappointing. Lavrentii Tallerov tried to synthesize the agrarian [Tallerov, 1984] and urban [Tallerov, 1984] industrial utopias and to find a compromise between them in his texts, but the writer himself preferred to describe agricultural levels and dimensions of Chuvash utopian consciousness. Lavrentii Tallerov also actualized anti-traditional modern components of glorification of the industrial labour of the communist utopia's builders but these texts were more politicized, ideologized and mythologized and weaker than novels about Chuvash village. The Soviet ideologically motivated utopia in national literatures simultaneously actualized values of socialist realism, the principles of modernism and postmodernism, conflict with numerous mutually exclusive social, ethnic, and gender roles. Therefore, national literatures actualized toposes of locality, including discourses of symbolically and even sacrally marked places, farms, trees, forests, and other imagined heterogeneous spaces [Kibek, 1986].

The peasant prose in the Chuvash literature [Alendei, 1978] was an attempt to institutionalize the utopia which combined modernist or even postmodern elements of the communist utopia with the traditional forms of an agrarian utopia. Chuvash peasant prose in this intellectual situation evolved as a number of invented traditions and cultural and social constructs. Therefore, Chuvash writers as the postmodernists invented their ideal peasant worlds, ignored realities or provided them with other ideologically and politically necessary characteristics and features. The reality of the RSFSR in the national literatures of this cultural situation gradually lost its real and ordinary qualities because the world transformed in the invented and imagined world-as-construct. The representatives of national literatures [Petrov, 1987] often used these themes and inadvertently assisted to their erosion and degradation. The socialist realism turned into an external background and national authors started to actualize deadlocks and contradictions of Soviet realities with the communist utopia in their texts.

The representatives of the late Sovietized national literatures understood that idea could not compete with the commonplaces and grey gritty routine realities of the inner national peripheries. The heterogeneous nature of national literatures, the simultaneous coexistence of different genres and trends in the context of a formal socialist realism's domination predetermined developments and transformations of national literatures in the new paradigm. The national literatures including Chuvash begun to develop and exist as permanently revising, re-inventing and re-imagining social and cultural traditions and constructs. The socialist realist inspired the modernization of cultural spaces in the national republics, but this process was heterogeneous and attempts to modernize national edges actualized in fact that they were too different and multi-dimensional.

Therefore, national literatures institutionalized in the Soviet period, and their representatives actualized and invented the various forms and dimensions of the utopian and anti-utopian identity of consciousness because they combined socialist realism with modernism and postmodernism. The simultaneous co-existence and co-development of the mixing cultural trends became the result of the forced modernization. The national constructivism refined and provided national writers with limited opportunities of their local or regional heterogeneity's actualization in their texts. The Soviet Constructivism was too homogeneous, but in some cases, it did not know how to actualize the potential of national diversities.

The Soviet writers in the national republics combined socialist realism, modernism and postmodernism in their texts and actualized servilist functions of literature as a form of communist ideology. National literatures consciously imagine, invent, construct and collect different historical or pseudo-historical facts and integrated them into the official ideological canon. Therefore, the socialist realistic discourse as a particular form of political modernism developed fragmented in different national kinds of literature. The socialist realist's collective and imagined text was solid and united only from the formal viewpoint. The socialist realists learned well the lessons of the earlier and more radical modernism. The socialist realistic texts only imitated harmony and unity because socialist realism organized voluntary and forced euthanasia of classical critical realism with its classic novel which became to archaic in the Sovietized cultural discourse. The novel became victim of ideological and political fragmentations of the earlier united and ideal world of realistic literatures. The socialist realism as the Soviet form of modernity only formally had needs in the linear primitive historicism of positivism's era.

The socialist realists as ideological and fanatical modernists fragmented imagined worlds and realities, radically deconstructed them and Chuvash writers were among the most decisive and radical creators of the communist utopia which they carefully laid on a Procrustean bed between nationalism and ideological faith in the ideals of the future communist Utopia.

Библиографический список

1. **Alendei, V.** (1978), Zapah hmelia. Veter klonit travy. Povesti (perevod s chuvashskogo M.A. Tuchina). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 288 s.
 2. **Dobrenko, E.** (1993), Metafora vlasti. Literatura stalinskoj erohi v istoricheskom osveshchenii. München: Verlag Otto Sagner, 405 s.
 3. **Dobrenko, E.** (1997), Formovka sovetskogo chitatelia. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 321 s.
 4. **Dobrenko, E.** (1999), Formovka sovetskogo pisatelja. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 557 s.
 5. **Dobrenko, E.** (2011), Russkaia literaturnaia kritika: istoriia i metadiskurs, Dobrenko, E., Tihanov, G. (2011), red., Istoriia russkoj literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epoha. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, ss. 5 – 36.
 6. **Dobrenko, E.** (2011), Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki v epohu kul'turnoi revoliutsii: 1928 – 1932, Dobrenko, E., Tihanov, G. (2011), red., Istoriia russkoj literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epoha. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, ss. 142 – 206.
 7. **Dobrenko, E.** (2013), Sotsialisticheski realizym i realen sotsializym: syvetskiiat opit, Doinov, Pl. (2013), syst., Literaturite na SSSR i NRB: paralelni interpretatsii. Sofiia: Kralitsa Mab, ss. 11 – 136.
 8. **Doinov, Pl.** (2008), Sotsialisticheskiiat realizym: hroniki i upotrebi, Doinov, Pl. (2008), syst., Sotsialisticheskiiat realizym: novi izsledovaniia. Sofiia: Nov bylgarski universitet, ss. 13 – 38.
 9. **Doinov, Pl.** (2011), Bylgarskiiat sotsrealizym 1956, 1968, 1989. Norma i kriza v literaturata na NRB. Sofiia: Ciela – IIBM, 385 s.
 10. **Doinov, Pl.** (2012), NRB-literaturata – rechnitsi, dialozi, (ne)razbirane, Doinov, Pl. (2012), syst., NRB-literaturata: istoriia, poniatii, podhodi. Sofiia: Kralitsa Mab – Silueti, ss. 13 – 35.
- Efimov, G. (1966), Rozhdenie zvezdy. Stihi (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo V. Firsova). Moskva: Sovetskii pisatel', 80 s.
- El'ger, S. (1959), Undri (perevod s chuvashskogo L. Bat'), Antologiiia chuvashskoi prozy. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, ss. 14 – 34.
- Emel'ianov, A. (1973), Zdravstvui, pole moe (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo S. Shurtakova). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 312 s.

- Fomin, S. (1987), Nochnaia doroga, Fomin, S. (1987), Voskresenie Orfeia. Rasskazy i povesti (perevod s chuvashskogo I. Mitta). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, ss. 161 – 168.
11. **Fomin, S.** (1987), Shtorm, Fomin, S. (1987), Voskresenie Orfeia. Rasskazy i povesti (perevod s chuvashskogo I. Mitta). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, ss. 12 – 26.
- Humma Şemenë. (1975), Shtrum. Kalavasem, ocherksem, poveçem, fel'etonsem, stat'iasem. Shupashkar: Çävaş këneke izdatel'stvi
12. **Il'bek, M.** (1982), Chernyi hleb (perevod s chuvashskogo A. Tolmacheva). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 288 s.
- Ilpek, M. (1989), Hura çäkär. Shupashkar: Çävaş këneke izdatel'stvi, 400 s.
13. **Ivanov-Paimen, V.** (1964), Këper. Shupashkar: Çävaş ASSR këneke izdatel'stvi, 210 s.
- Kovtun, N. (2009), “Derevenskaia proza” v zerkale utopii. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 494 s.
14. **Lukin, A.** (1974), Volshebnyi most (perevod s chuvashskogo P. Gradova, V. Sikorskogo). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 56 s.
15. **Mil'don V.** (2006), Sanskrit vo l'dah ili vozvrashchenie iz Ofira. Moskva: ROSSPEN, 288 s.
- Mitta, M. (1976), Bul'var Ivanova, Mitta, V. (1976), Dumy moi, mechty moi. Stihi i poema (perevod s chuvashskogo G. Frolova). Moskva: Sovremennik, s. 20.
16. **Mitta, M.** (1976), Mudraia stihii, Mitta, V. (1976), Dumy moi, mechty moi. Stihi i poema (perevod s chuvashskogo G. Frolova). Moskva: Sovremennik, ss. 13 – 15.
17. **Mitta, M.** (1976), Taer, Mitta, V. (1976), Dumy moi, mechty moi. Stihi i poema (perevod s chuvashskogo G. Frolova). Moskva: Sovremennik, s. 45 – 56.
18. **Peterkki, T.** (1983), Mal'chik iz chuvashskogo sela (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo V. Kochetkova). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 240 s.
19. **Petrov, V.** (1986), Osenniaia metel'. Povesti (perevod s chuvashskogo Iu. Galkina, V. Chukreeva, S. Zalevskogo). Moskva: Sovremennik, 189 s.
20. **Petrov, V.** (1987), Kugumai. Povesti i rasskazy (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo L. Teplova). Moskva: Molodaia gvardiia, 251 s.
21. **Savel'ev, A., Ignat'ev, V.** (1992), Zarnitsy schast'ia. Roman (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 484 s.
22. **Shadurskii, M.** (2011), Literarnaia utopiia ot Mora do Haksli. Problemy zhanrovoi poetiki i semiosfery. Oobretenie ostrova. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 160 s.
23. **Tallerov, L.** (1984), Omezhnik – trava bolotnaia, Tallerov, L. (1984), Omezhnik – trava bolotnaia. Povesti. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, ss. 163 – 223.
24. **Tallerov, L.** (1989), Zvezda putevodnaia. Roman (perevod s chuvashskogo L. Krasnova). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 464 s.
25. **Talvir, A.** (1969), Na Buinskom trakte (perevod s chuvashskogo avtora i A. Dmitrievoi), Talvir, A. (1969), Razryv. Moskva: Sovetskaia Rossiia, ss. 211 – 351. .
26. **Talvir, A.** (1969), Razryv (perevod s chuvashskogo M. Nikitina), Talvir, A. (1969), Razryv. Moskva: Sovetskaia Rossiia, ss. 11 – 210.
27. **Talvir, A.** (1978), Fundament (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo N. Babenko). Moskva: Izdatel'stvo “Izvestiia”, 656 s.
28. **Terent'ev, N.** (1975), Volny b'iut o bereg, Terent'ev, N. (1975), Volny b'iut o bereg. P'esy (avtorizirovannyi perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 5 – 70.
29. **Terent'ev, N.** (1987), Kolokola dushi (perevod avtora), Terent'ev, N. (1987), Kolokola dushi. P'esy (perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 291 – 344.
30. **Terent'ev, N.** (1987), Posle molnii – grom (perevod O. Dziubinskoi), Terent'ev, N. (1987), Kolokola dushi. P'esy (perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 3 – 72.
31. **Terent'ev, N.** (1987), Zhili by kak liudi (perevod avtora), Terent'ev, N. (1987), Kolokola dushi. P'esy (perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 241 – 290.

32. **Trubina, M.** (1975), *Detstvo. Povest'* (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 191 s.
33. **Trubina, M.** (1988), *Muchar*, Trubina, M. (1988), *U tihoi zavodi. Povesti* (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, ss. 6 – 47.
34. **Trubina, M.** (1988), *U tihoi zavodi*, Trubina, M. (1988), *U tihoi zavodi. Povesti* (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, ss. 48 – 187.
35. **Turhan, K.** (1976), *Sëve Atăla yuhsa këret*. Shupashkar: Çăvaš këneke izdatel'stvi
36. **Turhan, K.** (1985), *Sviiaga vpadaet v Volgu* (perevod s chuvashskogo A. Dmitrieva). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 544 s.
37. **Uyar, F.** (1981), *Teniota. Istoricheskii roman* (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 416 s.
38. **Uyar, F.** (1987), *Schastlivyi Paliuk* (perevod s chuvashskogo E. Liubimovoi), Uyar, F. (1987), *Oдно slovo. Povesti, malen'kii roman, rasskazy* (perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 249 – 255.
39. **Uyar, F.** (1987), *Symbai Vaziuk* (perevod s chuvashskogo Z. Romanovoi), Uyar, F. (1987), *Oдно slovo. Povesti, malen'kii roman, rasskazy* (perevod s chuvashskogo). Moskva: Sovetskii pisatel', ss. 5 – 47.
40. **Uyar, Hv.** (1976), *Tanata*. Shupashkar: Çăvaš këneke izdatel'stvi, 405 s.
41. **Vutlan, I.** (1990), *Na beregu chuzhom. Roman* (avtorizovannyi perevod s chuvashskogo L. Hanbekova). Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 224 s.

УДК 94(47).084.1

Data Art
Инженер по контролю качества ПО
Е. Ю. Киселев
Россия, г. Воронеж,
e-mail: evgkis@mail.ru

Data Art
QA engineer
E. U. Kiseliov
Russia, Voronezh,
e-mail: evgkis@mail.ru

Е.Ю. Киселев

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ВОРОНЕЖЕ

В статье рассматриваются революционные события 1917 г. в Воронеже.

Ключевые слова: 1917, Февральская революция, Великая Октябрьская социалистическая революция, Томановский, Кобытченко, Келлер, Моисеев.

E.U. Kiseliov

REVOLUTIONS OF 1917 IN VORONEZH

This article describes revolutionary events of 1917 in Voronezh.

Key words: 1917, The February Revolution, the Great October Socialist Revolution, Tomanowsky, Kobytchenko, Keller, Moiseev.

В этом году мы отмечаем 100-летний юбилей сразу двух революций, поэтому, полагаю, читателям будет интересно узнать, как эти две революции прошли в нашем городе, и какое влияние оказали на его жизнь.

В Воронеже об отречении императора (в ночь с 1 на 2 марта по старому стилю) узнали с опозданием – из-за снежных заносов на железной дороге вовремя не пришли газеты. Воронежцы получили их только поздним вечером 3 марта, однако новости о революции «просачивались» по телеграфу и железнодорожные телеграфисты, несмотря на запрет, обменивались новостями. Так, от станции к станции, новости распространялись по всей стране. 1 марта управляющий ЮВЖД Давидович сообщил рабочим Отроженских железнодорожных мастерских о волнениях в Петрограде. Рабочие потребовали немедленно вернуть своих товарищей, отправленных в армию за участие в забастовке 24-29 января, принять их на работу и заплатить им жалованье, начиная с момента забастовки. Кооператоры, железнодорожники, земские служащие, преподаватели – около 40 человек – собрались в подвальном кафе «Чашка чаю» на Большой Дворянской (оно находилось в доходном доме, на месте которого сейчас находится кинотеатр «Пролетарий») и создали Временный комитет общественных организаций.

С 3 марта на воронежских заводах создаются комитеты, требования которых заключались в следующем: 8-часовой рабочий день, прибавка к зарплате за сдельные и поденные работы, минимальная зарплата для малолетних и женщин – соответственно 10 и 15 копеек в час.

2 (15) марта 1917 года воронежский губернатор М. Д. Ершов обратился к жителям Воронежа и губернии со следующим посланием: «Доходят разные сведения о необычайных происшествиях в столице. Каковы бы ни были события и сколько бы ни различны мнения о них, перед всеми нами стоит одна великая задача, нас всех одушевляет одно желание, чтобы Россия благополучно пережила ниспосланные ей Богом тяжкие испытания и победоносно отразила грозного врага». Однако, 3 марта на экстренном заседании городской думы зачитали телеграмму от председателя Госдумы Михаила Родзянко о падении старой власти и создании Временного правительства. Гласные (т.е. члены думы) и многочисленная публика встретили известие продолжительными аплодисментами. 6 (19) марта 1917 года по решению Временного правительства губернатор был отстранён от должности. Он уехал в свое тульское имение, а его резиденция губернатора (Проспект революции 22, сейчас там Дом молодежи) стал именоваться Домом народных организаций и там разместились все вновь созданные общественные организации города: представительства различных партий, женсовет, редакции газет, милосердные фонды, бесчисленные комитеты, комиссии, союзы...

Образовался своеобразный вакуум власти (как, собственно, и во всей стране), но существовало это недолго – вакуум сменился двоевластием и новые органы власти начали создавать по инициативе одновременно сверху и снизу.

4 марта в кафе «Чашка чаю» собрались рабочие, объявившие себя советом рабочих депутатов. Они заявили, что совет будет работать «на устройство городской жизни» и защищать интересы трудящихся. В тот же день на экстренное заседание собралась городская дума – гласные решили навести порядок в городе. Учредили исполнительный комитет общественного спокойствия и пост начальника гражданской милиции Воронежа.

Председателем исполнительного комитета Общественного спокойствия стал Михаил Литвинов – строитель-подрядчик, родом из крестьян. Именно под его руководством в Воронеже было построено здание гостиницы «Бристоль», а в годы Первой мировой войны он стал гласным городской думы и открыл на свои деньги частный госпиталь для раненых.

Начальником гражданской милиции Воронежа стал гласный думы Иван Васильевич Шауров (1883-1973). Его отец, Василий Иванович, также был гласным городской думы (но раньше, до 1905 г.) и занимался поддержкой бедных и озеленением. Сам же Иван Васильевич закончил воронежскую гимназию, после чего принял активное участие в революции 1905 г. – был активистом и агитатором РСДРП, занимался контрабандой оружия (об этом он, доживший до глубокой старости выпустил две книги воспоминаний – в 1964 и 1974 г.). Такая антиправительственная политическая активность не помешала ему затем три года учиться на юридическом факультете Петербургского университета (1906-09), а затем стать помощником присяжного поверенного (т.е. адвоката) при Воронежском окружном суде, а с 1913 г. – гласным городской думы.

Они и разоружили городских жандармов и полицию. 7 марта начался набор добровольцев в городскую милицию – оружие выдавали даже гимназистам, так что потом Шаурову пришлось это отменять и требовать от них разоружиться. В итоге, «хотели как лучше, а получилось как всегда» – полицию отменили да ещё выпустили из тюрем вообще всех заключенных (т.к. в эйфории от смены власти решили, что теперь, в новой России преступности просто не будет – однако, жизнь была намного прозаичнее), а порядок в городе пытались поддерживать энтузиасты с винтовками, не знавшие законов и процессуальных вещей.

Был избран новый орган губернской власти – губернский исполнительный комитет, куда вошли действительный статский советник Владимир Николаевич Томановский (1860-1923) – председатель Воронежской губернской земской управы и член государственного совета от Воронежской губернии, а также земский и государственный деятель Михаил Чертков, купец и гласный губернского земского собрания Петр Ростовцев.

4 марта, по распоряжению Временного правительства губернская земская управа приступила к формированию губернского продовольственного комитета из представителей местных общественных организаций – ведь именно проблемы с продовольствием стали одной из главных причин революционных выступлений в столице. В ведение губернского продовольственного комитета правительство передало общее руководство продовольственным делом губернии и исполнение нарядов центральной власти по реквизиции хлеба для нужд армии и населения. Окончательно губернский продовольственный комитет был сформирован в мае 1917 г. под председательством П.Я. Ростовцева, который также возглавил губернскую продовольственную управу, как исполнительный орган названного комитета. В уездах, городах и волостях Воронежской губернии были образованы соответствующие продовольственные комитеты[4].

Тем временем, шло строительство новых органов власти и снизу. Как уже было сказано выше, 4 марта в Воронеже был создан Совет рабочих депутатов, 8 марта появился Совет солдатских депутатов. 9 марта решено было объединить работу обеих Советов и образовать Воронежский Совет рабочих и солдатских депутатов. 10 марта председателем этого Совета стал 26-летний правый эсер В.П. Кобытченко (до революции он организовывал забастовки рабочих ЮВЖД и находился под надзором жандармов). Через месяц, с 12 апреля, Совет включил в себя и крестьянских депутатов, распространил деятельность на всю Воронежскую губернию и стал именоваться Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К лету 1917 г. в разных уездах Воронежской губернии насчитывалось уже 64 Совета крестьянских депутатов.

Стоит отметить, что большевиков к тому времени в нашей губернии – да и во всей стране – было немного и почти все те, что были, находились либо в эмиграции (как Ленин), либо в ссылке (как Сталин), либо на нелегальном положении (как Калинин), поэтому почти всеми Советами в нашей сельскохозяйственной губернии первые месяцы руководили по большей части эсеры.

Губернским комиссаром Временное правительство назначило уже упомянутого В.Н. Томановского. При этом губернатора убрали, но остался бюрократический аппарат, ибо правительственное «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» давало прямое указание губернским комиссарам использовать губернаторскую канцелярию, переименовав ее в канцелярию губернского комиссара[4]. Так что повторилась ситуация, известная нам по высказыванию императора Николая I «Россией правят столоначальники» или по британской книге и фильму 1980-х «Да, господин министр».

Новым начальником Воронежского гарнизона стал командир 59-го запасного пехотного полка полковник Владимир Дмитриевич Языков, который также был офицером-воспитателем Воронежского кадетского корпуса (где преподавал космографию (так назывался учебный предмет, охватывавший начальные знания по астрономии, физической географии и метеорологии), географию и историю и был редактором рукописного журнала «Кадет-Михайловец») и видным краеведом. Стоит отметить, что это были авторитетные в либеральных кругах люди и хорошие ораторы – но вот практический опыт для выполнения новых обязанностей отсутствовал. Например, Языков не был на строевой службе с прошлого века (только в 1914 г. он стал командиром запасного полка) – а глубоких знаний по космографии и археологии несколько недостаточно для командования гарнизоном губернского города в крайне непростое время.

Что же касается самого воронежского гарнизона, то в то время в него входили два запасных пехотных полка (58-й и 59-й; в запасных полках в то время обучали новобранцев (сейчас подобное называют «учебная часть»), а затем направляли их в уже существующие боевые части), две дружины ополченцев (681-я и 682-я), пулеметная команда, дисциплинарный батальон на Придаче (там, где сейчас Академия им. Жуковского и Гагарина) и штаб 8-й запасной пехотной бригады (которая как раз и состояла из двух

запасных полков; сам же штаб находился на месте полуразрушенного дома у Театра оперы и балета).

Затронула революция и Воронежский кадетский корпус – из его символики исчезли вензель Великого Князя и императорские короны, а сам кадетский корпус был преобразован в Гимназию Военного Ведомства Российской республики (собственно, военной гимназией корпус был с 1863 по 1882 г. (когда кадетские корпуса превратили в общеобразовательные военные гимназии, а затем переименовали назад в кадетские корпуса, сохранив общеобразовательный курс, но добавив военный уклад в организацию жизни учебного заведения).

Новая власть меняла облик не только кадетского корпуса. 14 марта комитет Общественного спокойствия принял решение снести Триумфальную арку около Петровского сквера «как яркий памятник павшего, позорного старого строя». Эта арка была построена к приезду 6 декабря 1914 года императора Николая II.

На следующий день, 15 марта на Никитинской площади состоялся праздник революции, совмещенный с присягой гарнизона Временному правительству. Памятник Никитину украсили красными лентами и двумя флагами – красным, в честь революции и свободы, и черным, в память павших за свободу. К 12:00 к памятнику Никитину стеклась многотысячная толпа рабочих с песней «Вы жертвою пали в борьбе роковой» (это была очень популярная на рубеже веков среди революционно настроенных людей песня, которую исполняли в память о погибших, а после Февральской революции она стала едва ли не официальным похоронным маршем). Стоит отметить, что в Воронеже черные траурные флаги и «Вы жертвою пали в борьбе роковой» были, скорее, данью послереволюционной традиции – ведь в нашем городе Февральская революция прошла совершенно бескровно, в отличие от столицы, где были многочисленные жертвы с обеих сторон, с последующими торжественными похоронами жертв с одной из сторон.

Оркестры исполняли «Марсельезу» и другие революционные песни. Рабочие и солдаты несли знамена с лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует всероссийская демократическая республика!». Ораторы выступали прямо с пьедестала памятника Никитину, и как писала газета «Воронежский телеграф», «Балконы и даже крыши выходящих к памятнику домов были усеяны публикой, созерцающей исключительно торжественную картину».

Новая вертикаль власти

Телеграмма министра-председателя Г.Е. Львова от 1 апреля 1917 г. объявила губернских комиссаров носителями власти Временного правительства в губерниях. Им были присвоены права и обязанности, ранее возлагавшиеся на губернаторов. Уездные комиссары должны были назначаться министерством внутренних дел из числа лиц, представленных губернскими комиссарами, или рекомендованных, или избранных уездными комитетами. Уездные комиссары представляли Временное правительство в уездах. Управление волостью возлагалось на образованные в волостях комитеты, деятельность которых объединяли и направляли уездные комиссары. Увольнение уездных комиссаров могло иметь место исключительно по постановлению правительства на основании представления губернского комиссара при условии одновременного представления кандидата для замены. Надзор за законностью деятельности всех лиц и мест Временное правительство возложило на губернских и уездных комиссаров. Начальники милиции должны были исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества граждан. Напряженность политической обстановки в Воронеже, вызванная противостоянием между силами, стремившимися дальнейшей демократизации общественной жизни, и теми, кто считал революцию завершенной, отразилась в письме

члена Воронежской губернской земской управы (фамилия неизвестна) в министерство внутренних дел в середине июня 1917 г.: «Есть надежда, что нас реорганизуют не явочным, а законным порядком. Но, конечно, все это завтра может перемениться и губернскую земскую управу постигнет судьба Бобровской управы. Да, при старом строе мы были под большим подозрением, а при новом оказались еще большим»[4].

К середине года большевики, чьи идеи о прекращении войны и разделе помещичьих земель между крестьянами очень быстро стали популярны в народе, постепенно обрели силу в наших краях и начали борьбу с Кобытченко. Сначала появились слухи о его сотрудничестве с жандармами, оставшиеся недоказанными, затем во время I губернского съезда советов большевики Вениамин Люблин и Евгений Плотников обвинили его в подтасовке голосов, а в итоге профсоюз городских служащих отозвал Кобытченко из Совета, и 20 июня 1917 г. ему пришлось сложить полномочия председателя Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В ответ на это Кобытченко сосредоточил деятельность на более тесно связанным с Петроградом органом губернской власти – губернском исполнительном комитете. 24 июня 1917 г. состав правления губернского исполнительного комитета (губисполкома) был переизбран и его председателем правления стал Кобытченко, а товарищем (т.е. заместителем) председателя стал Борис Александрович Келлер – выдающийся биолог и почвовед, изучавший степи и пустыни, который в феврале 1931 г. стал действительным членом Академии наук СССР и был награжден двумя орденами Трудового Красного знамени (сейчас в честь него в Воронеже названа улице в Березовой Роще), который тогда был профессором СХИ, а по политическим убеждениям – народным социалистом (эта партия, близкая к народникам и отрицавшая террор, появилась в 1905 г.). Вновь избранное правление губернского исполнительного комитета было представлено 6 эсерами, 2 народными социалистами и 1 меньшевиком.

После этого правление губисполкома постановило: «считать необходимым выдвинуть на пост губернского комиссара лицо, отвечающее интересам и взглядам демократических слоев населения, и назначить для избрания такого лица соединенное заседание исполнительных комитетов: губернского, городского и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». 25 июня 1917 г. на соединенном заседании губернского исполнительного комитета, городского исполнительного комитета общественного спокойствия и исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 52 голосами при двух воздержавшихся В.Н. Томановский был отстранен от должности губернского комиссара. На эту должность был избран Б.А. Келлер. Председатель соединенного собрания В.Л. Кобытченко телеграфировал Временному правительству о причинах выбора нового губернского комиссара и просьбу немедленно утвердить Б.А. Келлера в должности. В.Н. Томановский не выполнил требования собрания о передаче дел новому комиссару и продолжил выполнение возложенных на него правительством обязанностей, но 8 июня «Воронежские губернские ведомости» сообщили, что губернский комиссар В.Н. Томановский уехал в Петроград по вызову министра внутренних дел, а 14 июля 1917 г. В.Н. Томановский был освобожден от обязанностей губернского комиссара, и 15 июля в должность вступил Б.А. Келлер по распоряжению Временного правительства – так в Петрограде был узаконен маленький переворот в Воронеже.

Губисполком заявил о намерении вплоть до созыва Учредительного собрания взять всю власть в губернии в свои руки, но власть Кобытченко закончилась очень быстро. 21 августа он был смещен и его место занял Келлер. При этом, как мы видим, эсеры имели большинство в правлении губернского исполнительного комитета, но сдали своего однопартийца. Видимо, главной причиной такой несолидарности стали слишком близкие отношения Кобытченко с принцем Ольденбургским – после Февральской революции все члены семьи Романовых резко стали непопулярными, но Кобытченко способствовал приёму

принца в партию эсеров (подчеркну – принц и родственник многих монархов записался в партию социалистов-революционеров, и многие в этой партии, мягко говоря, удивились такому повороту дел) и часто бывал на банкетах в его имении. В итоге, Кобытченко не было даже в партийном списке, с которым эсеры шли на выборы в Учредительное собрание в нашей губернии, а Келлер стал самой влиятельной фигурой среди местных политиков[2.С. 51-53; 4].

Город

Органом городского самоуправления была городская дума, которая заседала на улице Мясницкой (сейчас это Театральная) в доме, где сейчас находится учебный корпус ВГУ.

Городское самоуправление при царской власти регулировали законы 1870 и 1892 г., а Временное правительство 15 апреля и 9 июня 1917 г. выпустило два постановления на эту тему. Первое постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г., устанавливало новый порядок выборов: вводилось всеобщее избирательное право – его получали все жившие в городе мужчины и женщины, достигшие 20-летнего возраста, независимо от их состояния (прежние законы вводили существенный имущественный ценз для избирателей, а женщины и вовсе не голосовали). В гласные могли выдвигаться даже лица, не проживавшие в данном городе. Партийный принцип выборов предусматривал, что выдвигать своих кандидатов в гласные могли только группы избирателей, численностью не менее 50% от числа гласных думы. Голоса подавались не за конкретных лиц, а партийные списки. Второе постановление – «Об изменении действующих Положений об общественном управлении города», датированное 9 июня, регламентировало полномочия городского общественного управления и его отношения с администрацией.

В Воронеже в полной мере было реализовано только первое постановление Временного правительства, касавшееся выборов. Для организации выборов был использован территориальный принцип. Впервые Воронеж был поделен на значительное число избираемых участков – 19, независимо от административно-полицейского разделения города на «части». Были составлены 12 выборных списков партий и общественных организаций.

4 августа 1917 г. прошло первое, учредительное собрание городской думы, на котором состоялись выборы новой городской управы. Мерилом кандидатуры в первую очередь стала партийная принадлежность, а не опыт ведения городского хозяйства. Была создана своеобразная коалиция из представителей главных партий, вошедших в думу: один из трёх членов управы – И. Д. Смирнов – являлся эсером, второй – А. Н. Татарчуков – меньшевиком и третий – В. К. Ковалев – кадет. 10 августа были избраны ещё двое: меньшевик Н. Д. Богданов и кадет А. Н. Крашенинников. Таким образом, всего в управе насчитывалось 5 членов: 2 меньшевика, 2 кадета и 1 эсер. При этом городской головой – лицом, тоже входящим в состав управы, – стал эсер Н. Г. Андреев, и получилось равное представительство всех трех партий – по 2 человека. Ни один из членов управы не являлся ни старым опытным гласным, ни лицом, входившим в состав управы когда-либо ранее – управа обновилась на 100%.

Городским головой стал эсер Н.Г. Андреев, должность председателя думы занял член трудовой народно-социалистической партии, видный русский педагог Н.В. Чехов. Однако новое самоуправление не смогло справиться с тяжелейшими проблемами, как из-за своей неопытности, так и из-за политического и экономического кризиса в стране.

Войска

Агитаторы большевиков достаточно быстро склонили на свою сторону солдат двух воронежских запасных полков. Это, впрочем, неудивительно, т.к. когда правительство

предлагает продолжить войну непонятно за что, а большевики предлагают эту войну прекратить, то выбор для обыкновенного человека, которого вот-вот должны были отправить на фронт, прост и очевиден. В итоге, в июле 1917 г. из состава 58-го и 59-го запасных полков отправили на фронт 15.000 чел., а вместо 59-го полка в Чижовских казармах (они до сих пор остались на улице Краснознаменной) был сформирован 5-й запасной пулеметный полк (т.е. теперь там готовили не простых пехотинцев, а пулеметчиков), и в августе туда прибыли 2000 новобранцев из Сибири. Впрочем, верности власти эта рокировка не добавила: сибиряки приехали уже разгитированные и как только вышли из вагонов, они развернули транспаранты с антивоенными лозунгами и так проследовали от вокзала до казарм. 26 августа полковник Языков, опасаясь нарастания антиправительственных настроений в полку, издал приказ сдать патроны на склад, а оружие – в мастерскую под предлогом ремонта. Однако, солдаты просто отказались выполнять приказ начальника гарнизона – весьма показательный итог полугодовой деятельности Временного правительства! Неудивительно, что в том же августе полковника Языкова на должности начальника гарнизона сменил командир 8-й запасной пехотной бригады полковник Вознесенский.

Для наведения порядка в губернии воронежский Совет учредил специальную комиссию, по числу членов ее называли «комиссией 48-ми». В ее состав вошли 15 меньшевиков и эсеров от Совета, 12 офицеров гарнизона, представители органов Временного правительства. Основной функцией «Комиссии 48-ми» было «привлечение к ответственности всех, возбуждающих толпу к неподчинению Временному правительству и Советам».

Однако, ударной силой большевиков были не только солдаты. В ходе неудачного выступления генерала Корнилова в конце августа 1917 г. правительством снова было разрешено создание отрядов Красной гвардии, и они появлялись и быстро росли повсюду в губернии. В Воронеже в сентябре 1917 года происходило восстановление старых и создание новых отрядов красной гвардии на промышленных предприятиях города: были организованы боевая рабочая дружина на машиностроительном заводе «Рихард-Поле» во главе с большевиком В.Н. Губановым, отряд в Отрожских железнодорожных мастерских под руководством большевика Н.Д. Вакидина, дружины на станции Воронеж-II во главе с Д.Н. Титовым, в Воронежских железнодорожных мастерских во главе с М.А. Чернышевым, а в октябре был создан отряд Красной гвардии на кабельном заводе (сейчас на этом месте на улице 9 января находятся руины завода «Воронежсельмаш» и бизнес-центр «Этажи»). В октябре 1917 г. в Воронежской губернии было 27 отрядов Красной гвардии – 10 в Воронеже, 10 – в уездных городах, по одному в слободе Алексеевка (19 марта 1918 г. она получила статус города, а с 1954 г. вместе со своим районом перешла в Белгородскую область) и на станции Отрожка, и 5 в селах. В Воронеже насчитывалось приблизительно 600 красногвардейцев, в уездных городах и слободе Алексеевке свыше 2000, в селах – более 200.[1. С. 5-22, 193-194]

Октябрьский переворот в Воронеже

Как было сказано в самом начале, представители царской власти попытались скрыть от жителей города информацию о падении самодержавия. Не прошло и восьми месяцев, как то же самое попыталась сделать новая власть! Получив известия о революции в Петрограде, местные власти в лице эсеровского исполкома Совета и губернского комиссара правительства попытались скрыть эти сведения от горожан. 25 октября командующий гарнизоном полковник Вознесенский послал требования в местные кавалерийские полки отправить к нему по одному эскадрону («.. Ежедневно можно ожидать крупных беспорядков. Экстренно шлите в Воронеж подготовленный эскадрон надёжных людей, желательно из

учебной команды»), однако приказ проигнорировали, и вместо четырех прибыл лишь один эскадрон драгун из 4-го кавалерийского полка в Острогожске.

Однако, у власти не было монополии на средства связи и, получив по своим каналам информацию о перевороте в столице страны, большевики и левые эсеры начали готовиться повторить это в столице губернии. Большевики и левые эсеры создали свой военно-революционный комитет (ВРК).

Здесь надо сделать небольшое отступление. Сейчас в СМИ, в научных и научно-популярных изданиях часто пытаются использовать термин «переворот» вместо «революция» применительно к событиям октября 1917 г. с целью принизить значение этих событий через другие термины, но поскольку за этим стоят люди невежественные, то делают они это некомпетентно. Ведь в феврале и октябре 1917 г. революция и переворот были тесно связаны: например, в феврале сначала произошел переворот (генералы заставили императора отречься от престола и отправили его в ссылку в лучших традициях XVIII века), а потом произошла революция – вместо монархии появилось новое государственное устройство, которое через полгода официально провозгласили республикой. Бывают, конечно, революции без переворота – например, в 1889 г. император Японии даровал стране конституцию, монархия стала конституционной и парламентской; страна получила новое государственное устройство, но никакого переворота при этом не произошло. Гораздо чаще бывают перевороты без революции – в 1741 г. гвардейцы отстранили от власти Бирона, в 2014 г. умело управляемая толпа с кастрюлями на голове вынудила президента Януковича бежать из страны, но при этом государственное устройство Российской империи и Украины не изменилось. Однако, вернёмся в Воронеж конца октября 1917 года...

27 октября командующий гарнизоном полковник Вознесенский созвал собрание офицеров в кинотеатре «Ампир» (сейчас – «Спартак»), вызванное, по его словам, «переживаемыми тревожными днями и особо тяжелым положением офицеров». По предложению бывшего командующего гарнизоном полковника В.Д. Языкова было решено создать организацию офицеров, военных врачей и чиновников, «а также всех лиц, желающих примкнуть к этой организации, следовательно, и солдат» для поддержания порядка и охраны города и действующих властей. Правда, это собрание проводилось без согласования с теми самими властями – и в итоге большевики решили, что готовится этакий провинциальный корниловский мятеж с установлением военной диктатуры в отдельной взятом городе. Это подозрение усилилось, когда на следующий день согласно приказу командующего Московским военным округом полковника К.Р. Рябцева (это был правый эсер, который стал полковником и командующим округом 30 августа – 2 сентября 1917 г., после того, как занял сторону правительства в ходе мятежа генерала Корнилова, а прежний командующий округом стал военным министром) Вознесенский объявил о введении в губернии военного положения.

Вечером того же 27 октября в Доме народных организаций собрался Совет рабочих, солдатских и крестьянских и развернулись бурные дебаты о признании революции. В конце концов с перевесом в 5 голосов прошла резолюция эсеров и меньшевиков об осуждении переворота в Петрограде и создании Комитета общественной безопасности (КОБ; стоит отметить, что ещё 26 октября аналогичный комитет был сформирован в Москве). В ответ большевики и левые эсеры ответили, что оставляют за собой свободу действий и покинули заседание.

29 октября состоялось заседание губернского комитета большевиков и военно-революционного комитета, где председателем комитета избрали Александра Сергеевича Моисеева (1885-1919; это был активный участник революции 1905 г., был приговорен к ссылке, бежал и до Февральской революции жил в эмиграции, а летом 1917 г. прибыл в Воронеж) и обсуждался план вооруженного восстания. В тот же день прошло собрание

представителей рабочих дружин, на котором было решено объединить имеющиеся боевые дружины в одну общегородскую – и её начальником избрали М.А. Чернышева.

В свою очередь командование гарнизона вместе с КОБом обсуждало вопрос о разоружении солдат и дружинников. Для этого предполагалось задействовать эскадрон драгун из Давыдовки, отряд казаков из Лисок и местных офицеров. В городе было введено осадное положение. 28 октября на военном сборе в кинотеатре «Амбир», охраняемом драгунами, было принято решение о создании Союза офицерских делегатов во главе с начальником 8-й бригады полковником Языковым.

В ночь на 30 октября с санкции Комитета общественной безопасности офицеры штаба 8-й бригады заняли пороховой погреб (у Курского вокзала) и разоружили 682-ю дружину ополченцев, а также попытались разоружить учебный пулеметный полк – но безуспешно. Последнее событие ясно показало большевикам и эсерам, что тихо сидеть нельзя – иначе всех перебьют. В ту же ночь было созвано экстренное заседание Воронежского губернского комитета, Военно-революционного комитета и революционного комитета 5-го полка при участии представителей рабочей дружины, которое приняло предложение А. Моисеева о необходимости выступления и были разработаны меры по немедленному приведению 5-го запасного пулеметного полка в боевую готовность (некоторые источники указывают, что там было 5000 человек с 200 пулеметами). Военно-революционный комитет разбил полк на отряды для захвата штаба бригады, арсенала и других военных объектов. Солдаты должны были разоружать разоружить офицеров и кавалеристов. Боевая рабочая дружина численностью около 600 рабочих под командованием М. Чернышева, которая должна была занять гражданские объекты – почту, телеграф, вокзал, электростанцию, типографию.

Утром 30 октября полковник Языков по телефону из театра «Амбир», где проходило собрание офицеров гарнизона, предложил пулеметчикам в течение десяти минут сдать оружие, угрожая артиллерийским обстрелом (при этом артиллерии в Воронеже не было). В ответ отряды полка были немедленно направлены к штабу бригады, и туда же по приказу Языкова направились и 300 офицеров из «Ампира». У штаба они встретились, и встреча вылилась в вооруженное столкновение. Солдатам пришлось воевать на два фронта – с офицерами на улице и при этом ещё надо было захватить штаб бригады. Бой продолжался до полудня. В ходе него Языков и несколько офицеров были убиты, часть его сторонников разбежалась, а остальные, в том числе кавалеристы, сдались. В этот же день солдаты произвели обыски в помещении военной гимназии/кадетского корпуса (который, насколько я могу судить, слабо участвовал в событиях этого знаменательного года) и изъяли имевшееся там оружие, а летом 1918 г. его расформировали, а здание было передано университету. Так прошла Октябрьская революция в Воронеже. [1. С. 5-22, 193-194; 3. С. 126-129].

Таким образом, Воронеж пережил 1917 год относительно мирно: Февральская революция прошла у нас бескровно, а Октябрьская – почти бескровно, что можно считать везением по сравнению с Петроградом и Москвой. Это везение продолжилось и в дальнейшем – даже Гражданская война коснулась нашего города меньше чем на два месяца (сентябрь-октябрь 1919 г.). А вот в 1942-м воронежское везение закончилось...

Библиографический список

1. Габелко Е.И., Фефелов В.М. Из истории Красной гвардии Воронежской губернии. Первые отряды красной гвардии. // Записки воронежских краеведов. Вып. 3. – Воронеж, 1987.
2. Зверков Е.А. К вопросу о личности В. П. Кобытченко, председателя Воронежского губернского исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1917 года. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология, 2017, № 1.

3. **Полиевктов Б., Недель Ю.** Комиссар 5-го пулеметного. // Собеседник. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976.
4. **Филипцева С.В.** Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии в феврале - декабре 1917 г. // URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/1125493.html>

УДК 122

*Воронежский государственный технический университет,
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
С.А. Коршунова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: skorsh5@gmail.com*

*Voronezh State Technical University,
PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
S.A. Korshunova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: skorsh5@gmail.com*

С.А. Коршунова

ОКтябрьская революция 1917 года – случайность или закономерность (опыт синергетического анализа)

Рассматриваются социальные процессы, происходившие в России в 1917 году, и ставится задача ответить на вопрос о случайности или закономерности Октябрьской революции. Используется синергетический подход, позволяющий анализировать социальные феномены и рассматривать их как результаты процессов самоорганизации общества. Социосинергетика предполагает идею многовариантности в процессе развития общества и в то же время учитывает возможность социальной революции как альтернативной версии эволюционного развития. Одной из главных причин Февральской революции называется социальный кризис, вызванный неспособностью политической элиты России ответить на вызовы, с которыми столкнулась страна в ходе модернизации. В то же время события Февральской революции стали моментом бифуркации, когда выбор пути дальнейшего развития страны оказался случайным.

Делается вывод, что в октябре 1917 года Ленин и возглавляемая им партия большевиков получили возможность сыграть решающую роль в исторической судьбе России, поскольку в этот период российское общество, как социодинамическая система, оказалось в состоянии неустойчивости и стало уязвимо для влияния случайных факторов.

Ключевые слова: социосинергетика, синергетическая парадигма, нелинейность, неустойчивость, самоорганизация, бифуркация.

S.A. Korshunova

OCTOBER REVOLUTION OF 1917 – RANDOMITY OR REGULARITY? (EXPERIENCE OF SYNERGETIC ANALYSIS)

The article examines the social processes that took place in Russia in 1917, and the task is to answer the question of the randomness or regularity of the October Revolution. A synergetic approach is used to analyze social phenomena and view them as the results of the processes of society's self-organization. Social synergetics assumes the idea of multivariance in the process of the development of society and at the same time takes into account the possibility of social revolution as an alternative version of evolutionary development. One of the main reasons for the February revolution is the social crisis caused by the inability of Russia's political elite to respond to the challenges faced by the country in the course of modernization. At the same time, the events of the February Revolution became the moment of bifurcation, when the choice of the path for the further development of the country turned out to be accidental. It is concluded that in October 1917, Lenin and the Bolshevik party led by him were given the opportunity to play a decisive role in the historical fate of Russia, because at that time Russian society as a sociodynamic system was in a state of instability and became vulnerable to the influence of random factors

Key words: social synergetics, synergetic paradigm, nonlinearity, instability, self-organization, bifurcation.

Столетие, прошедшее с Октября 1917 года, не сделало нас равнодушными к тем трагическим и масштабным событиям, имевшим по своим последствиям катастрофический характер. Изменение политического и социально-экономического устройства общества, как и сам революционный процесс, захвативший нашу страну в 1917 году, долгое время остаются предметами внимательного научного анализа и одновременно поводом для острых дискуссий. До сих пор в научном сообществе не сложилось единого мнения по поводу случайности или закономерности гибели российской дворянской культуры в революционном пожаре. На наш взгляд, разобраться в причинах, изменивших весь ход исторического процесса в России, возможно, если воспользоваться методологией, сформировавшейся в рамках синергетической парадигмы.

Зародившись в рамках естественнонаучного знания, синергетика сформировалась как наука о саморазвивающихся сложных динамических системах. Впоследствии синергетика получила статус познавательной парадигмы, которая направлена на изучение систем с различной степенью сложности и уровнем организации. При таком понимании в системах выделяется нечто общее, понимаемое как самоорганизация, то есть спонтанность возникновения и изменения системы, а также появление ее новых качеств. Синергетика впервые обратила внимание на ту часть сложных систем, которая прежде не была предметом научного анализа – это элементы хаоса, нарушение порядка, случайности.

Постепенно синергетический подход приобрел популярность среди представителей гуманитарных и социальных наук, так как он позволяет анализировать социальные феномены и рассматривать их как результаты процессов самоорганизации общества [1].

В частности, синергетический подход использовал Э.Тоффлер, когда оценивал упадок индустриального общества как момент бифуркации, знаменующий появление качественно новых свойств и характеристик западной постиндустриальной цивилизации.

Несмотря на опасность упрощения общественных процессов, нам представляется плодотворным использовать социосинергетический подход в ходе анализа тех социальных и исторических явлений, которые сопровождали становление новой социокультурной реальности в России или даже стали причиной зарождения этой реальности.

Динамика общества как нелинейной системы подразумевает наличие различных вариантов развития социальных процессов, появление новых форм самоорганизации системы (социума). Это означает возможность многовариантности, альтернативности в самом понятии социальной эволюции, но в тоже время включает в себе идею социальной революции, как альтернативной версии эволюционного развития. Новая синергетическая парадигма познания социальных процессов позволяет по-другому взглянуть на события исторического прошлого России и, наконец, ответить на вопросы: Октябрьская революция – это случайность или закономерность? Можно ли было для России избежать такой трагической судьбы? Какие еще альтернативные сценарии развития исторических событий существовали в 1917 году?

Безусловно, социальные потрясения в России в начале 20 века следует рассматривать как закономерные явления, связанные с общими тенденциями в общественно-политическом и экономическом развитии полуфеодальной России, пытающейся встать на путь модернизации. Большинство исследователей признает, что в течение 18-19 вв. Россия шла по пути догоняющего развития. Согласно теории пяти стадий У. Ростоу, промышленная модернизация в России начала осуществляться лишь в конце 19 века. Однако, экономический кризис 1900-1905 гг., сопровождающийся войной с Японией, привел к обострению социально-политических противоречий, вызвавших увеличивающийся раскол в русском обществе. Революционные события 1905-1907 гг. стали еще одним доказательством тяжелого положения широких народных масс [2].

Общественно-политическая и духовная жизнь России начала 20 века была чрезвычайно разнообразна, поэтому неудивительно, что в стране начинает зарождаться

широкое оппозиционное движение. Можно согласиться с теми исследователями, кто считает это проявлением ростков гражданского общества в России [3, С. 75]. Важнейшие проблемы, требовавшие своего безотлагательного решения: рабочий, крестьянский и, даже, национальный вопрос, стали теми вызовами, на которые русская монархическая власть никак не могла дать адекватные ответы. Первая мировая война легла очередным бременем на плечи русского крестьянства, рабочих и солдат. Слабость и беспомощность царского правительства в условиях неудачной войны, а именно, неспособность наладить военную экономику, обеспечить снабжение продовольствием, бездарная кадровая политика в армейском руководстве, все это рождало глухое недовольство и социальную злость в русском обществе. Мы полностью согласны с теми историками, кто с большим скепсисом относится к попыткам объяснить революционные события 1917 года конспирологическими теориями. Эти теории, думается нам, лежат за гранью социальной и исторической науки. Безусловно, одной из главных причин Февральской революции явился «социальный кризис, вызванный трудностями индустриальной модернизации страны, на пути которой встал социальный эгоизм аристократии и бюрократии» [3, С. 93].

Причины и характер Февральской революции по-разному оцениваются не только российскими учеными, но и зарубежными авторами. Многие из них считают, что, несмотря на состояние кризиса, Россия все еще оставалась довольно успешной европейской страной, имеющей все предпосылки для того, чтобы решить свои противоречия демократическим образом[4]. С позиции социосинергетики, разнонаправленные интересы различных социальных групп и многочисленных политических партий России не мешали стране развиваться эволюционным путем. Более того, «только хаотичность, разнонаправленность векторов индивидуального поведения приводит на уровне общественной системы к направленному прогрессивному развитию.... С точки зрения теории социальной самоорганизации это можно выразить так: устойчивое и динамично развивающееся социальное целое строится на столкновении разнонаправленных индивидуальных интересов и действий; единство системы и ее устойчивость питаются разбросом, неупорядоченностью, разнообразием ее элементов» [6, С. 21].

Таким образом, синергетическая парадигма рассматривает российское общество того времени как нелинейную систему, находящуюся в состоянии неупорядоченности. К началу 1917 года это неупорядоченность стала проявляться как неустойчивость системы, что, по И. Пригожину, можно рассматривать как состояние, при котором система приближается к точке бифуркации, а, значит, происходит новый «выбор» дальнейшего пути развития [7, С. 115]. Механизм бифуркации означает появление точек раздвоения, по которым может пойти дальнейшее развитие системы, при этом невозможно предсказать, какой выбор осуществит сама система. Феномен бифуркации заключается в том, что за порогом устойчивого развития системы раскрывается несколько возможных путей развития, благодаря выбору одного из них система переходит в новое состояние, принципиально отличающееся от предыдущего состояния.

Это означает, что российское общество, представляющее собой саморганизованную нелинейную систему, оказалось в феврале 1917 года в точке бифуркации, когда выбор ее дальнейшего пути оказался случаен. Все прогнозы на будущее развитие России, даваемые в начале 20 века, оказались несостоятельны. Возможные сценарии развития революционных событий были различны: Россия могла встать на путь конституционной монархии, развиваться как буржуазно-демократическая республика, власть могла мирным образом перейти к Советам, зародившимся еще после 1905 года. Однако вспыхнувшая стихийно Февральская революция ознаменовала собой начало абсолютно нового этапа в развитии России: приход к власти большевиков означал, что российское общество как сложная динамическая система обрела качественно новое состояние, и страна вступила на путь создания неизвестной ранее формы государственного устройства.

Закономерен вопрос о роли в этом процессе самих большевиков и конкретно В.И. Ленина, возглавлявшего эту партию. Известно, что сам Ленин не верил в скорую победу революции и, выступая в Цюрихе на собрании швейцарской рабочей молодежи в январе 1917 года с докладом о революции 1905 года, сомневался, что он, как и другие «старики», доживет «до решающих битв грядущей революции» [8]. Следует предположить, что ни Ленин со своей проницательностью, ни любой другой российский политик не могли заметить те незначительные флуктуации в российском обществе, которые могли стать толчком к резкому изменению в системе и положить начало новому этапу развития общества. Поскольку любое небольшое увеличение внешнего воздействия в нелинейных системах может привести к сильнейшим эффектам, несоизмеримым с исходным воздействием.

При этом самоорганизация системы может происходить до определенного времени без какого-либо направляющего начала. Однако, оказавшись в состоянии неустойчивости, кризиса, социодинамическая система становится уязвимой для любого внешнего и внутреннего влияния, которые играют роль случайных факторов. В этой ситуации значительно увеличивается роль личности как субъекта общественного развития, который получает возможность осуществить сознательный выбор направления для будущего развития общества.

Как справедливо отмечает Е. Н. Князева, «важнейший вывод теории социальной самоорганизации состоит в том, что субъект, установки его сознания и его ценностные предпочтения, причем даже единичное человеческое действие, могут сыграть ключевую роль в выборе возможных путей развития в состояниях неустойчивости сложной системы» [6, С. 21]. В результате того, что российское общество оказалось в состоянии неустойчивости, Ленин и возглавляемая им партия большевиков получили возможность сыграть решающую роль в исторической судьбе России и вывести страну на желаемый для себя путь развития.

Таким образом, синергетическая парадигма позволяет нам понять, что общество как сложная динамическая система несет в себе возможность множественности путей развития, что любая траектория развития имеет альтернативу. Это предоставляет человеку шанс осознать свою степень и меру влияния на общественные процессы, осмыслить необходимость улучшения мира и признать, что его возможности по конструированию социальной реальности ограничены внутренними факторами устойчивости общества как саморазвивающейся системы.

Библиографический список

1. **Князева Е.Н., Курдюмов С.П.** Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. Изд. 4-е, доп. М., 2011.
2. **Вернер Э.** Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. - 1990.
3. **Шубин А.В.** Конспирологи о причинах Февральской революции.// Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2014. № 1. С. 75-99.
4. **Эдвард Карр.** История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М.: Прогресс, 1990 .
5. **Князева Е. Н.** Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации // Общество: философия, история, культура. 2013, № 1. С.20-28
6. **Пригожин И.** От существующего к возникающему. М., 1985.
7. **Ленин В.И.** Доклад о революции 1905 года // Полное собрание сочинений. Москва: Политиздат, 1969. Издание 5. Том 30. С. 306-328.

УДК 908

*Воронежский государственный университет
Студент 2 курса
исторического факультета
В. Д. Кукоба
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 223-69-67;
e-mail: vaas.777@mail.ru*

*Voronezh state University
Student 2nd year of the
History Faculty
V. D. Kukoba
Russia, Voronezh, tel: (473) 223-69-67;
e-mail: vaas.777@mail.ru*

В.Д. Кукоба

РОЛЬ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА.

«Ударные батальоны Русской армии» – это ударные части, формировавшиеся во время Первой мировой войны в Русской императорской армии для прорыва обороны противника. Их основная боевая задача – укрепить боевой дух и предотвратить разложение армии, к сожалению, не была выполнена в силу объективных и субъективных причин.

Ключевые слова: ударные части, штурмовые батальоны, Первая мировая война, революция, Русская армия.

V. D. Kukoba

THE ROLE OF THE SHOCK TROOPS OF THE RUSSIAN ARMY IN THE EVENTS OF 1917.

"Shock troops of the Russian army" – the troops, formed during the First World War in the Russian Imperial army to break the enemy's defense. Their main combat mission is to strengthen morale and to prevent the expansion of the army, unfortunately, has not been implemented due to objective and subjective reasons.

Key words: shock troops, assault battalions, the First World War, the revolution, the Russian army.

Ударные части Русской армии (ударные батальоны, батальоны смерти, дружины смерти, части смерти, революционные батальоны, штурмовые батальоны, ударники) – это ударные части, формировавшиеся во время Первой мировой войны в Русской императорской армии для прорыва обороны противника.

Реалии позиционной войны (установилась на Русском фронте с конца осени 1915 г.) выявили определенные проблемы, характерные и для других армий воевавших держав. С одной стороны, резко упал общий уровень подготовки и качества войск в целом. С другой стороны, стало невозможно поддерживать качество разросшейся многомиллионной армии на уровне кадровых войск, что предопределило появление элитных частей и соединений, пользовавшихся особой заботой командования. С третьей стороны, установление позиционной войны с особой методикой её ведения настоятельно диктовало создание особых частей прорыва – специально подготовленных к ведения боевых действий в новых условиях. Инициатива формирования русских штурмовых команд, как и в германской армии, шла снизу – от войсковых начальников, но формировались эти команды первоначально в виде особых взводов в пехотных ротах.

Родоначальником создания этих взводов был командующий 5-й армией генерал от кавалерии П.А.Плеве. Его приказ от 4 октября 1915 года №231 гласил: «...приказывая сформировать из них при каждой роте особые команды бомбометателей...». В них «избирать людей смелых и энергичных, вооружить каждого десятью гранатами, удобно повешенными на поясе, и топорами произвольного образца, а также снабдить каждого лопатой, по возможности большой, и ручными ножницами для резки проволоки» [1, С.132.]. Были определены формы обучения новых подразделений, в качестве инструкторов прикомандировывались военнослужащие-сапёры. В конце года этот опыт был распространён на всю русскую армию, и штурмовые взводы («взводы гренадер»), появившиеся во всех пехотных и гренадерских полках, насчитывали в своём составе офицера, 4 унтер-офицеров, 48 нижних чинов (приказ по 9-й армии №646 от 13 декабря 1915 г.) [1, С.133.]. Первые подразделения штурмовиков, как и в австрийской армии, представляли собой мелкие подразделения, применявшиеся в интересах своих частей, прежде всего для преодоления эшелонированной обороны противника. Использовались они и для ведения так называемого ближнего боя (окопной войны). Минусами подразделений оказались слабый численный состав и отсутствие тяжёлого вооружения. Реалии боевых действий привели к созданию отдельных батальонов, как и в германской армии, ставших инструментом для решения оперативно - стратегических задач.

Весной 1917 года, в связи с общим развалом русской армии, началось превращение ударных частей из отборных специальных подразделений в особые воинские части, состоявшие из добровольцев, готовых личным примером побудить основную массу армии продолжать войну. В этот период ударные части стали использовать не только для прорыва обороны неприятеля, но и для умирения воинских мятежей собственной армии и как заградительные отряды. Если до 1917 года название «ударные части» было равносильно определению «штурмовые части», в силу присущей им тактики действий, то после Февральской революции это словосочетание стало обозначать части, «верные долгу», и воспринималось как «почётное звание» в силу возложенных на такие части морально-политических задач [2, С.8.] .

На волне Февральской революции вооруженные силы стали очагом для разжигания политических дискуссий, все разговоры о войне отошли на задний план. Однако это относилось не ко всем, и к маю 1917 г. в Ставку поступило несколько предложений о предотвращении развала армии. Инициатива создания этого движения исходила снизу, и она не всегда с энтузиазмом поддерживалась командованием. Тем не менее, было принято решение о поддержании подобной идеи, и во время подготовки к летнему наступлению был создан ряд добровольческих частей [3, С.9].

Существовало два похожих источника комплектования добровольцами: из личного состава войсковых частей, уже бывших на фронте, и лиц, пока еще не призванных на воинскую службу, или из тех, кто оставался в тылу. Вторая группа добровольцев инспирировала революционный пыл населения в поддержку того, что Керенский назвал «самой свободной армией в мире». Набор добровольцев проводился Центральным Исполнительным комитетом по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла и был поддержан многими известными военачальниками, например Брусиловым. В течение следующих шести месяцев было сформировано 36 таких батальонов [3, С.44.] .

Таким образом, была предпринята попытка заложить основы новой, более демократичной организации войск, отвечающей духу революционного времени. Однако необходимость скорейшего поднятия боеспособности армии и, соответственно, интенсивность процесса формирования как ударных революционных батальонов, так и батальонов смерти неизбежно породила параллелизм и путаницу. В связи с этим 27 июня 1917 г. Верховный главнокомандующий был вынужден издать специальный приказ № 547, разъяснявший разницу между штурмовыми батальонами двух категорий: «... Ударные части

(роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка. В пехотном полку формируется от одной ударной роты до батальона за исключением тех случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью» [4, С.47.]. Эти роты и батальоны оставались «в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения... долга для остальной части полка, и идти на штурм в голове своего полка». В особых случаях ударные роты могли временно сводиться в особые батальоны при своих дивизиях. «Революционные же батальоны» формировались из волонтеров, юнкеров, солдат запасных полков и прочих тыловых частей Центра России и фронтов, и их не следовало смешивать с ударными частями, создававшимися непосредственно в действующей армии [4, С.47.].

Вооруженные силы к движению фронтового ударничества отнеслись неоднозначно. С одной стороны, находились солдаты и офицеры, которые, движимые патриотическим порывом, стали переходить в штурмовые формирования. Как писал в докладной записке начальнику своей команды один из них, «сознавая тяжелое положение родины и слободы (так в оригинале, и видя, что жизнь всей страны поставлена на карту; желая умереть за родину и слободу в первых рядах революционной армии, прошу вашего ходатайства о скорейшем откомандировании меня в батальон смерти». [4, С.48.] Отдельные военнослужащие вносили добровольные пожертвования на нужды батальонов смерти. Росло число частей и соединений, принявших коллективные присяги перед боем, причем среди них была даже одна интернациональная – 3-й Чешский Яна Жижки стрелковый полк. С другой стороны, не удалась попытка создания «революционных» штурмовых формирований в латышских стрелковых частях, а во флоте на призыв Верховного главнокомандующего откликнулись только 3 корабля. В итоге, несмотря на все усилия командования, в Ставке вскоре появились списки частей, подлежащих исключению из состава штурмовых войск из-за их отказа выступить на передовую или выполнить боевой приказ [4, С.48.] .

Движение военного ударничества волонтеров тыла переломить обстановку и повысить боеспособность русской армии не смогли, несмотря на значительные усилия постфевральского режима по их пропаганде и в целом положительное восприятие в гражданской среде. В войсках основной массой нижних чинов добровольцы воспринимались негативно, а часто и враждебно, в то время как командный состав видел в них единственную надежду на перелом в настроениях армии и возможность доведения войны до победного конца. Враждебность солдат обуславливалась, в числе прочего, тем, что Корниловский ударный полк и многие ударные батальоны, особенно юнкерские, помимо или вместо непосредственно боевого применения использовались командованием в качестве заградительных отрядов и карательных команд, свирепствовавших в ближнем тылу фронта. Сами «революционеры-волонтеры» констатировали, что, «поставленные в положение защитников порядка и назначаемые для охраны узлов и задержания дезертиров», они, «естественно, вызывают ненависть к себе». «Революционеры-ударники» оказались вовлеченными в политические бури 1917 г., в частности в выступление генерала Корнилова, когда в группировку войск, предназначавшуюся для активных действий в районе Петрограда и в самой столице, были включены несколько ударных юнкерских и 1-й Омский ударный батальоны Юго-Западного фронта. Непосредственно в Ставке был задействован Корниловский ударный полк. Поэтому после того, как мятеж не удался, Советы и сами войска усилили требования распустить ударные формирования всех типов и направить их личный состав в качестве пополнения в "обычные" фронтовые части, а Общеармейский комитет при Ставке постановил разоружить Корниловский полк [4, С.49.] .

Также были созданы женские «батальоны смерти», но, в основном, в пропагандистских целях. В Петрограде и в Москве образовались «Всероссийские женские военные союзы». Приступили к формированию нескольких батальонов (4-6) в столицах и некоторых больших городах; при одном из училищ (кажется, в Москве, при

Александровском) было устроено отделение, из которого выпущено несколько десятков женщин-прапорщиков. Один батальон Бочкаревой, сформированный раньше других, принял участие в наступлении в июле, на Западном фронте, и, к слову сказать, понес в первом же бою серьёзные потери. [3, С. 44]

Деникин вспоминал «В Петрограде и в Москве образовались "Всероссийские женские военные союзы". Приступлено было к формированию нескольких батальонов (4-6) в столицах и некоторых больших городах; при одном из училищ (кажется, в Москве, при Александровском) было устроено отделение, из которого выпущено несколько десятков женщин-прапорщиков. Один батальон Бочкаревой, сформированный раньше других, принял участие в наступлении в июле, на Западном фронте. Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный "русскими богатырями". И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку – беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А "богатыри" частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов» [5, С.139.].

Остатки же 1-го женского батальона являли собой последнюю линию обороны около Зимнего дворца в ноябре 1917 г., в ночь большевистского переворота. [7, С.57.]

Наиболее известными из ударных частей являются корниловские, ведущие свою историю с 1917 г. В мае этого года приказом командующего 8-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова Генерального Штаба капитану М.О. Неженцеву было разрешено сформировать 1-й Ударный отряд штаба 8-й армии (переименованный позднее в Корниловский ударный отряд) из добровольцев - государственно и патриотически настроенных офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Боевое крещение Корниловский ударный отряд получил 25 июня у деревни Павелечье, во время наступления 8-й армии. В бою отряд показал себя превосходно и взял у неприятеля много трофеев. Его стали посылать на особо угрожаемые участки фронта. Но началось отступление русских частей, быстро перешедшее в паническое бегство. Общая обстановка повлияла и на отряд: одна из его рот отказалась выступить в поддержку 47-й дивизии, главным образом по причине того, что корниловцам, как уже бывало, вероятно пришлось бы не только выручать русские части, но и крутыми мерами заставлять их возвращаться в бой. Когда Корнилов стал Верховным главнокомандующим, одним из первых его мероприятий стала реорганизация 1-го Ударного отряда в Корниловский Ударный полк в составе 4 батальонов. Участие в боевых действиях полка было таково, что за бой 16 августа каждый его рядовой и унтер-офицер был представлен к награждению Георгиевским крестом. После провала так называемого «Корниловского мятежа» полк был переименован в 1-й Российский ударный, а позднее – в Славянский ударный (в честь многих чехословаков, служивших в нем). [6, С. 46].

Также «Ударным штурмовым батальонам», или «батальонам смерти» вменялись, в том числе, и заградительные функции. «Ударные штурмовые батальоны» были первыми заградотрядами Первой мировой войны [7, С. 69.].

В заключении следует сказать, что, несмотря на то, что эти части хорошо комплектовались и выполняли свои основные функции популярность «Ударных батальонов» была с отрицательным знаком. В определённые моменты они выполняли и карательные, и заградительные функции. А со своей основной задачей ударные части смерти не смогли справиться – укрепить боевой дух и предотвратить разложение армии. По большей части они вызывали лишь ненависть солдатских масс к себе, к самой идее «ударного батальона».

Библиографический список

1. **Росс Н. Г.** Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.). Документы // Новый часовой журнал. 1994. № 2. – С. 130-140.
2. **Олейников А. В.** Ударные батальоны в русской армии. Организация, тактика и подготовка штурмовых частей в Первую мировую войну (1915-1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 8. – С. 8-9.
3. **Сергеев П.** Штурмовые батальоны и батальоны смерти // Армии и битвы. 2003. №2. – С. 44.
4. **Солнцева С. А.** Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история: журнал. 2007. № 2. – С. 47-59.
5. **Деникин А. И.** Крушение власти и армии. Февраль - сентябрь 1917 // Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. – 239 с.
6. **Дерябин А. И., Паласиос-Фернандес Р.** Гражданская война в России 1917-1922. Белые армии. М.: АСТ, 1998. – 46 с.
7. **Корниш Н., Каращук А.** Русская армия 1914–1918 гг. М.: АСТ, 2005. – 73 с.

УДК: 94 (47).084

Военный Учебный Научный Центр ВВС «Военно-воздушная академия имени Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин С.А. Меганов

*Россия, г. Воронеж, тел. (473)277-51-34
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

Military Educational and scientific Center Of the air force Air force Academy N.E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin

Phd in History, Associate professor of the chair of Humanities and socio - economic disciplines S. A. Meganov

*Russia, Voronezh, tel: (473)277-51-34
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

С.А. Меганов

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье предпринята попытка охарактеризовать одно из наиболее сложных политических событий начала XX века в России – формирование новой советской политической системы в ходе революций 1917 г. Раскрываются вся сложность и противоречивость процесса формирования советской политической системы в сложных условиях революции 1917 года.

Ключевые слова: политическая система, большевизм, революция,

S. A. Meganov

THE FORMATION OF THE SOVIET POLITICAL SYSTEM IN RUSSIA DURING THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

The article attempts to describe one of the most complex political events of the early twentieth century. in Russia – the formation of the new Soviet political system in the revolution of 1917. Reveal all the complexity and contradictions of process of formation of the Soviet political system in the difficult conditions of the 1917 revolution.

Key words: political system, Bolshevism, revolution,

Изучение революции 1917 г. как следствия системного кризиса в России связано с анализом самой политической системы начала XX в. с учетом специфики формирования и функционирования ее составляющих. Под влиянием геоклиматического, геополитического и географического факторов нестабильность, патернализм, коллективизм, автократизм, вотчинность, усеченность правовой ответственности и персональной инициативности, деспотизм, волонтаризм, централизм стали «родимыми пятнами» российской государственности, в той или иной степени проявляясь в характере и политических отношений, и правовых норм, и политического сознания, и политических институтов, и политической культуры. Октябрь 1917 г., по существу, поставил Россию перед выбором одного из трех, довольно четко обозначившихся вариантов развития. Перспективе становления нового авторитарного режима противостоял распад российской империи на небольшие государства, а также по другому сценарию – дальнейший развал политической системы, ведущий к хаосу и анархии.

Были и другие направления, промежуточные, но, пожалуй, не было таких политических организаций, которые бы в своей политической деятельности не затрагивали проблему политического отношения к большевизму.

Структурная перестройка политической системы как неизбежное следствие развития революции 1917 г., недостаток легитимности новых политических институтов и механизмов компенсировались пропагандой принципов соборности, всеединства, имея своим социокультурным основанием этносоциальный архетип россиян. Трансформация многих социальных ценностей, провоцировавшая в обществе состояние социального напряжения, укрепляла старые психологические стереотипы, не дифференцировавшие понятия «власть», «управление», «самоуправление» и связывавшие их с силой, манипуляцией и деньгами. Поэтому набор чрезвычайных мер не столько перестраивал и преодолевал, сколько реорганизовывал в форме реставрации разрушавшуюся административно-управленческую вертикаль российского имперства [1, С.29]. Трансформация политической системы протекала на фоне усталости населения от государственного произвола, с одной стороны, и надежды на так называемые лучшие времена, с другой. Отсюда неизбежными становились легализация общественного компромисса, с одной стороны, и желание утверждать свою правоту с помощью кровопролитий. В то же время политический процесс революционной России нес на себе отпечаток уникальной традиции российской 116 власти, определяемой имперским характером государственности и «общинным» типом взаимоотношения власти и общества [3, С. 129].

Эта тенденция формировалась в условиях исторически сложившегося господства эмоционально-инверсионного мышления, слепой некритической веры в сложившиеся стереотипы, которые способствовали высокой степени дезорганизации общества. Трансформация политической системы под влиянием российской революции проходила через институционализацию и деперсонализацию политической власти, что в конечном итоге должно было прийти к падению автократизма в России [5, С.43]. Однако система правления была направлена на то, чтобы соблюдать некое равновесие между персонализированным и до какого-то степени деспотичным правлением последних Романовых, а также признанием того, что монархическая власть могла бы эффективно осуществляться через постепенно рационализированную путем поэтапных реформ административную структуру. Сама политическая система была нацелена на то, чтобы увековечить безответственный характер имперского правительства, а также помешать созданию институциональных форм и механизмов, которые бы позволили большему вмешательству общественного мнения в процесс принятия политического решения. Цикличность возникновения кризисов легитимности политических режимов в революционной России начала XX в. была связана с особенностями раз вития российской государственности в ее имперском оформлении. Государство брало на себя весь комплекс ответственности и претендовало на всю полноту власти. Кроме того, как известно, реформы и в политической системе, и в социальных отношениях осуществлялись одновременно, что мешало созданию сильной государственной власти, способной разработать общую стратегию реформ и претворить ее в жизнь. Анализ политического процесса в революционной России начала XX в. дает основание констатировать, что кризисы легитимности политического режима как имперского (Романовского), так и постимперского (Временного правительства) выступали как показатели дестабилизации политической власти и правления и определялись следующими факторами: 1) невозможностью органов власти осуществлять свои функции или присутствием в политическом пространстве нелегитимного насилия; 2) невозможностью правительства адаптироваться к изменяющимся условиям; 3) наличием военных конфликтов и общественного противоборства; 4) разрушением конституционного порядка; 5) отсутствием серьезных структурных изменений или снижением эффективности выполнения правительством своих задач [7, С.94]. В качестве

основных источников кризиса легитимности правящего демократического режима образца Временного правительства 1917 г. можно назвать: 1) уровень политического протеста населения, направленного на свержение режима; 2) результаты выборов, референдумов, свидетельствующих о недоверии режиму. Эти показатели свидетельствовали о так называемой «нижней» границе легитимности, за которой следовал распад действующего режима. К факторам, определяющим ее «верхнюю» границу (динамическое изменение симпатий и антипатий к властям), можно отнести: 1) функциональную перегруженность государства и ограниченность ресурсов власти; 2) резкое усиление деятельности оппозиционных сил; 3) постоянное нарушение режимом установленных правил политической игры; 4) неумение властей объяснять населению суть проводимой им политики; 5) широкое распространение таких социальных болезней, как рост преступности, падение уровня жизни и т.п. [9,С.86]. Основанием легитимности политической власти в эпоху Временного правительства возникших на постсоветском пространстве политических режимов гораздо чаще выступали мотивы страха и надежды, нежели чем авторитеты нравов, личности или ориентация на подчинение при выполнении установленных правил.

В условиях постоянного нарастания политической нестабильности доминировала тенденция открытой экспроприации политической власти и сосредоточения всех политических средств в распоряжении высшей политической инстанции. Вследствие непрекращающейся борьбы за власть в высших элитарных группировках народ (русский крестьянин, в первую очередь) оказывался в промежуточной, безнормативной зоне. Отсюда возникновение социального невротизма как компенсации ущерба путем повышения агрессивности. Или, с другой стороны, «синдром социального некрофильства» в форме томления всякими страхами. Поэтому основа легитимности политической власти 1917 г. лежала внутри самой этой власти. От ее способности обеспечить стабильное функционирование политических и социальных институтов и убедить население в том, что эти институты в наибольшей степени соответствуют состоянию общества и интересам народа, зависела эффективность не только политики, но и самого режима. Революционный политический опыт показывал, что арифметическое большинство оказывалось очень уязвимым, если не опиралось на традиционную легитимность. В то же время возникшие на постимперском пространстве политические режимы как с целью проводить «мировую революцию», так и с целью возродить «Единую и Великую Россию» отражали переход от легитимности власти традиционного типа к рационально"легальному" типу с неизбежным присутствием харизматичных элементов. Этим, отчасти и объяснялась сложность и противоречивость характера взаимозависимости между облеченными властью и подчиненными ей, особенно если учитывать и свойственное для переходных и кризисных периодов опережение потребности демократического действия процесса создания его законодательной базы. [16,С.86] Легитимности политической власти революционного 1917 г. была свойственна многоуровневность с современной точки зрения взаимоотношений подчиняющегося и подчиненного, которая строилась по весьма неоднозначной схеме.

Легитимность конкретной политической системы, включая конкретные политические институты и политические идеологии, не предопределяла легитимности конкретного должностного лица, а легитимность государства – легитимность политического режима. Легитимность политических режимов революционной России необходимо рассматривать в системе отношений «народ – власть», которые проявлялись в разных формах и имели различные источники легитимности. основополагающими же являлись факторы признания власти правителей и обязанности управляемых ей. Практика развития политического процесса в революционной России 1917 г. позволяет зафиксировать широкий круг источников и форм легитимности с учетом трех ее основных субъектов – населения, правительства и внешне" политических структур [17,С.10]. Легитимность, означающая многоуровневую поддержку политической власти со стороны широких слоев населения,

связана с разнообразными политическими и гражданскими традициями, процесса формирования авторитета разделяемых «верхами» и «низями» ценностей. Правда, наряду с подобной политико-культурной характеристикой властных отношений можно привести немало примеров проявления комплиментарности населения к существующему демократическому режиму. Легитимность, инициированная и формируемая не населением, а самим государством и политическими структурами, базировалась на способности властей побуждать массовое сознание воспроизводить положительные оценки деятельности правящего режима. В то же время нельзя не учитывать, что протекавшие в революционной 1917 г. процессы легитимации власти были менее стихийными и все более формально регулируемы, осуществляемыми по рациональным правилам. Постоянно возникали так называемые искусственные кризисы легитимности, завершавшиеся подтверждением согласия всего населения на позитивное обновление управления, как красными, так и белыми. Поскольку возникновение подобного рода кризисов санкционировалось с помощью определенных правил и процедур, они тем самым переставали угрожать неконтролируемой девальвации власти, помогая ее и очистить, и, главное, стабилизировать. Общее направление социальных, экономических и в большей степени, конечно же, социальных и политических преобразований в условиях революционной России в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. определялось слабо управляемой трансформацией общества [8, С.36].

Это проявлялось: во-первых, в направленности на качественные изменения базовых политических институтов и социальной структуры, в конечном счете, ведущих к смене социального типа общества; во-вторых, в участии и в борьбе за власть различных слоев населения, различавшихся как уровнем социального статуса, так и культурно-политическими интересами, а также ценностными позициями; в-третьих, в преимущественно локальном характере борьбы разнонаправленных сил за свои интересы, препятствовавшем ее перерастанию в полномасштабную борьбу; в-четвертых, в доминировании спонтанных механизмов социальных стихийных изменений «снизу» над реформаторскими действиями «сверху». В качестве социальных движущих сил происходящих политических процессов выступали, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней бюрократией и силовыми структурами, а с другой – экономически и политически активные представители массовых общественных групп. Отсюда зависимость результатов процесса от того, как управленческие воздействия власти воспринимались массовыми слоями общества [11, С.97].

Главной задачей политики становилось сохранение социальной стабильности. Административно-политический процесс в революционной России 1917 г. свидетельствовал не только о наличии серьезного разрыва между «концептуальной моделью», но главным образом о наличии противоречий внутри самой «модели», которые во многом и определили развитие политической ситуации в том или ином регионе пространства. Характерной особенностью трансформации политической системы в революционной России 1917 г. являлось усиление исполнительной власти как приоритетного направления при незначительных контрольных функциях со стороны общества, которое переживало трудный процесс выживания. Все это сказывалось на реформировании системы государственного управления. Почти все административные реформы, осуществляемые в рамках нестабильной политической системы, проходили одновременно с изменением самой политической системы. Сущность их состоит в создании системы, адекватной новым социально-политическим и экономическим условиям революционирующегося политического пространства. В то же время ни одна реформа государственного управления сама по себе не являлась самоочевидной приоритетной задачей [12, С.84].

Учитывая огромные трудности в преодолении сопротивления со стороны заинтересованных кругов, важно осознание того, что ни одна административная реформа никогда не будет ставиться по значимости на одну ступень наравне со структурными реформами и реформами в социальной сфере. При этом сложно определить, какие именно

конкретные детали структуры государственного управления и механизмов подотчетности оказывали влияние на экономический рост. Административная реформа в исполнении как красных, так и белых политиков – не причина, а следствие других аспектов трансформации политической системы революционной России. Любая подобного рода реформа была нацелена на снижение государственных расходов, на расширение способностей правительства к осуществлению легитимных изменений в политике, также и на превращение государства в ответственного работодателя, а также на повышение уважения и доверия к государству со стороны частного сектора и общественности. И к этому стремились и красные, и их ближайшие единомышленники и сторонники возвращения монархии, ликвидированной в 1917 г., и белые [15,С.169]. Политические и экономические реформы, которые россиянам пришлось оплатить очень высокой ценой в эпоху Гражданской войны, безусловно, несли в себе потенциал для дальнейших перемен. Чтобы выйти на более высокий уровень качественного развития политической системы, требовалось совершенствование не отдельных политических институтов, а их систему как единое целое. Белые это обсуждали, а красные делали. Они в годы войны формировали сильную власть, ориентированную на создание конкретной и понятной большинству участников модели институционального устройства общества. И это становилось крайне необходимым на данном этапе общественно-политического и социального развития новой России, когда, по словам начальника отделов законов и пропаганды в правительстве А. И. Деникина К. Н. Соколова, уже никак нельзя было мирными способами справиться с революционной стихией «приемами, заимствованными из обихода урегулированной государственности» [16,С.294].

В итоге деятельности большевиков в 1917-1921 гг. завершился, начатый в 1917 году, процесс формирования однопартийной политической системы. Оформление однопартийной системы в Советской России в период революции и гражданской войны было закономерным явлением в истории Советской России, так как в течение 1917 г. парламентаризм в России оказался неспособным изменить ситуацию в стране, повлиять на улучшение экономической, политической обстановки. Россия была не готовой к демократическим преобразованиям, о которых в 1917 г. говорили Г. В. Плеханов и И. Г. Церетели. Было доказано, что в период революционных преобразований могут победить лишь радикальные революционные силы. Такой силой в 1917 г. была партия большевиков. В начале 21-го века, политическая система в России очень похожа на ту, что была в начале 20-го. Многопартийная система, существовавшая в начале XX века, была заменена диктатурой одной политической партии. В итоге деятельности Коммунистической партии в 1917-1924 гг. в Советской России (позже в Советском Союзе) окончательно на долгие десятилетия утвердилась однопартийная система.

Компартия, устранив политических противников, превратилась в своеобразное "государство в государстве", в котором не осталось места для политических оппонентов. В стране осталась одна политическая организация, имеющая право называться партией – Российская Коммунистическая Партия (большевиков), сыгравшая главную роль в процессе складывания советской политической системы, занявшая в этой системе первенство в решении всех государственных вопросов в области политики, экономики, культуры. РКП (б) – ВКП(б) – КПСС стала важнейшей частью советской политической системы. В годы революции и гражданской войны партия, став правящей, а затем единственной в стране, трансформировалась во властную структуру, становой хребет административно-командной системы. Установление в советском государстве большевистской диктатуры привело к ликвидации первой в истории России многопартийности. Ее возрождение состоялось лишь через 70 лет уже в иное историческое время и уже в ином обществе.

В первые десятилетия XXI-го века желание “твердой власти”, «жесткой руки» проявляется все отчетливее в связи с теми социально-экономическими условиями, в которых оказалась Россия. В 20-е годы XX-го века Советская Россия выбрала одну сильную

партию, твердую власть, однопартийную диктатуру. Параллели с началом XXI в. представляются очевидными. Однопартийная система, сложившаяся на рубеже 1921-22 гг. не допускала никакой оппозиции. Всякая оппозиция уничтожалась силой, органами ОГПУ. В советской однопартийной политической структуре общества одно из основных мест стали занимать карательные органы – ОГПУ, которые в течение 1921-1922 гг. добились дискредитации политических оппонентов правящей партии и самороспуска их партий. После ликвидации политических оппонентов в лице других партий в стране осталась только одна организация, имевшая право называться партией – Российская Коммунистическая партия (большевиков).

На рубеже 1921-22 гг. были заложены основы авторитарного политического режима. Авторитаризм в начале 20-х гг. выражался в централизации власти, командном методе руководства, безусловном исполнении воли правящей партии. Централизация власти в начале 20-х гг. превратилась в неотъемлемую часть однопартийной политической системы советского общества. Централизация на местах была призвана обеспечить проведение решений ЦК РКП(б) из столицы в регионы. Центральные комитеты партии большевиков в областях, городах, районах начали обладать особой властью, контролируемой ЦК РКП(б), – Обком, – Горком, – Уком. Эта система обеспечивала контроль практически всех сфер государственной жизни в стране. Таким образом, специфические особенности российских революций, определивших ее катастрофичность, имели следующие причины: 1) самобытный анархизм масс, удерживаемых режимом насилия в состоянии пассивного подчинения; 2) упадок правящего класса, осужденного историей на гибель, но надеявшегося на спасение с помощью пошатнувшегося самодержавия; 3) теоретический максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта; 4) психологические особенности национального генотипа, склонного к замедленной реакции на внешние раздражители, а потому конденсирующего в себе взрывоопасный заряд психической энергии, прорывающийся в виде революционных взрывов; 5) увеличивающиеся сепаратистские устремления национальных элит.

Кроме того, слияние этих особенностей породило специфический русский продукт исторического развития — большевизм, прямым продолжением которого стал тоталитаризм, разрушенный в России на рубеже 80—90-х гг. Однако Россия не до конца освободилась от революционаризма, что в свою очередь связано с целым комплексом факторов: степенью «окаменелости» тоталитарного массива; сопротивлением сил, мечтающих об историческом реванше; политическим радикализмом многих представителей нового истеблишмента; остатком прежней большевистской ментальности у значительной части новой и старой политических элит; быстрым ростом социальной дифференциации, которая привела к значительному росту маргинальных слоев населения с удручающе низким уровнем жизни, и т. д. Это несет в себе опасность накопления горючего материала для социального взрыва и в наши дни.

Библиографический список

1. **Алексеев Г.Д.** Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М.: Наука, 1989.
2. **Андреев А.А.** Задачи социалистического строительства и организация работы КК- РКП. М.-Л., 1931.
3. **Андрухов Н.Р.** Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917-1937. М.: Мысль, 1977.
4. В.И. Ленин. Биохроника. Т. 9. М.: Политиздат, 1978.
5. **Вардин (Мгеладзе) И.В.** Политические партии и русская революция. М., 1922.
6. **Верг Н.** История Советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс-Академия, 1992.
7. **Волобуев О.В. Ильящук Г.И.** Послеоктябрьский меньшевизм //История СССР. 1991. №2.

8. **Гарви П.А.** Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига издательство p./s. «Nakotnes kultura», 1928.
9. **Гимпельсон Е.Г.** Великий Октябрь и становление системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917-1920 гг.) М.: Наука, 1977.
10. **Гимпельсон Е.Г.** Новая экономическая политика Ленина Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в.). М.: Собрание, 2004.
11. **Гимпельсон Е.Г.** НЭП и советская политическая система. М.: ИРИ РАН, 2000.
12. **Гимпельсон Е.Г.** Формирование советской политической системы. М.: Наука, 1997.
13. **Карр Э.** История Советской России. Кн. 1. Большевистская революция. 1917-1923. Т. 1-2. М.: Прогресс, 1990.
14. **Павлов Б.В.** РСДРП (б) РКП (б) в политической системе Советской России. 1917 - середина 20-х гг. Дисс. докт. истор. наук. СПб., 2004.
15. **Саранцев Н.В.** Большевистская партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х конец 30-х годов). Дисс. докт. истор. наук. Саратов, 2002.
16. **Соколов К.Н.** Правление генерала Деникина. Из воспоминаний. М.: Кучково поле, 2004.
17. **Суслов Ю.П.** Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 -1920). Дисс. докт. ист. наук. Саратов, 1995.
18. **Ташпекова А.Т.** Становление политических партий Российской Федерации на региональном уровне. Автореф. дисс. . канд. полит, наук. Саратов, 2001.
19. **Ткачев В. И.** Формирование механизма партийной власти в советской политической системе. Октябрь 1917-1930-е годы (на материалах Поволжья). Дис. докт. истор. наук. Саратов, 2006.
20. **Ткачев В.И.** Борьба партийных организаций Нижнего Поволжья за идейно-организационное единство своих рядов (1921-1925 гг.). Дис. . канд. истор. наук. Саратов, 1972.
21. **Шугаев А.А.** Развитие партийной системы России на региональном уровне. Дис. канд. полит, наук. Саратов, 2009.

УДК 93/94

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры истории России
А.П. Никитин
Россия, г. Воронеж, тел. (920)444-50-49
e-mail: niksonvrn@gmail.com*

*Voronezh State University
Post-graduate of Russian History chair
A. P. Nikitin
Russia, Voronezh, phone: (920)444-50-49
e-mail: niksonvrn@gmail.com*

А.П. Никитин

**ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ В ИЗУЧЕНИИ
ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

В статье рассматривается влияние революционных событий 1917 года и установления Советской власти в России на изучение истории Золотой Орды (Улуса Джучи) в последующие годы. Автор использует количественные показатели издательской деятельности по данной теме, а также предпринимает попытку дать характеристику некоторым историографическим процессам в первые десятилетия после революции 1917 года.

Ключевые слова: Золотая Орда, историография, финансовая система, финансовая политика, революция, марксизм

A. P. Nikitin

**THE CONSEQUENCES OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA TO STUDY THE
FINANCIAL SYSTEM AND FINANCIAL POLICY OF THE GOLDEN HORDE (FIRST
HALF OF XX CENTURY)**

The article discusses the influence of the revolutionary events of 1917, with the subsequent establishment of Soviet power in Russia to study the history of the Golden Horde (Ulus Jochi) in subsequent years. The author uses quantitative indicators of publishing activity on this topic and tried to give a description of some of the historiographical processes in the first decades after the revolution of 1917 year.

Key words: The Golden Horde, historiography, financial system, fiscal policy, the revolution, Marxism

Революционные события 1917 года и последующая Гражданская война в России стали переломными событиями в истории страны не только в политической или экономической сфере, но и в интеллектуальной. Историческая наука на себе непосредственно ощутила изменение конъюнктуры, как в количественном, так и в качественном плане. Карл Маркс говорил, что революции – это локомотивы истории, а Алвин Тоффлер парировал ему утверждением, что локомотива истории не существует. В годы лихолетья начала XX века изучение Золотой Орды оказалось на запасном пути.

Первое что существенно выделяется это значительное снижение количества публикаций. Для определения количественных показателей предлагается использовать издание «Золотая Орда: библиографический указатель» (сост. И.М. Миргалиев), в основе составленной таблицы лежат данные из библиографического указателя.

Составителем учтены все публикации касающиеся Золотой Орды, татарских государств и сопредельных территорий, в том числе и на иностранном языке, также отмечу, что издания, о истории русских княжеств и летописания учтены в числе прочих [1].

Год издания	Общее количество публикаций	В т.ч. публикации на иностранных языках
1910	8	1
1911	12	2
1912	7	2
1913	11	1
1914	11	4
1915	7	0
1916	9	0
1917	5	0
1918	5	0
1919	4	0
1920	5	2
1921	4	1
1922	8	1
1923	16	4
1924	5	1

Таблица и график отражают прямое влияние судьбоносных событий начала XX века на изучение золотоордынской тематики. С началом Первой мировой войны общее количество публикаций начинает снижаться. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что публикации на иностранном языке затрагивающие хотя бы косвенно историю Улуса Джучи исчезают и появляются только после окончания войны. Период с 1917 по 1921 год, охватывающий революционные волнения и активный период Гражданской войны в России показывают наихудший результат в количественном плане – по 4-5 публикации в год. Меньше будет только в период 1943-1945 гг., когда выходило по 1-2 публикации. Объективная причина снижения количества публикаций по Золотой Орде в 40-50 гг.

(помимо Постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»), стало то, что долгое время не готовили специалистов. Восстановленные истфаки перед Великой Отечественной войной не успели подготовить необходимое количество специалистов в этой теме. Это сингулярность событий первых десятилетий Советской власти. В процентном отношении количество публикаций после 1917 г. уменьшилось на 36-58 % по сравнению с семью-шестью годами ранее революции.

О качестве исследований говорить сложнее, т.к. это требует отдельного тщательного анализа. Возможно в будущем появится историографическая работа, которая проанализирует эту страницу отечественной исторической мысли. Основные последствия революции в равной мере нашли отображение в совершенно разных областях культурной, образовательной и интеллектуальной деятельности. Целая серия исследователей не имели возможность проводить исследования или же публиковать их. Выдающиеся историки, такие как Н.С. Трубецкой, Э. Хара-Даван, Г.В. Вернадский, Ф.В. Баллод стали представителями интеллектуальной элиты, которая покинула Россию.

Помимо эмиграции интеллектуалов, дореволюционная система образования и науки находилась в плачевном состоянии. Особенно в удручающем состоянии находилась гуманитарная наука. Вся жизнь общества попала под идеологический прессинг. Наверно наиболее существенный удар пришелся на подготовку специалистов-исследователей. По окончании Гражданской войны началась борьба с историческими факультетами, как реакционными сообществами. История была признана буржуазной наукой и исчезла с горизонта до 1934 г. и постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 "О преподавании гражданской истории в школах СССР". Ряд дореволюционных историков постепенно были отстранены от занимаемых должностей, что привело к качественным потерям в профессиональных кадрах. Господство идеологии марксизма-ленинизма и сталинизма связано не только с изменением методологии историков, но ещё и реальными политическими репрессиями в среде ученых. Специалисты по истории Улуса Джучи, Киевской Руси не стали исключением. Политические процессы по «академическому делу» и «делу краеведов» лишили отечественную науку ряда специалистов по средневековой истории. Ярким примером здесь выступает краткосрочный арест Б.Д. Грекова по «Академическому делу». Б.Д. Греков нам известен, как специалист по истории Киевской Руси, соавтор актуальной по сей день монографии «Золотая Орда и ее падение». Судьба Б.Д. Грекова сложилась более благополучно в отличии от монголоведа, историка и экономиста Н.Н. Козьмина, который был репрессирован, а его научное наследие забыто на долгие годы.

Советская наука развивалась в рамках идеологических конструкций. Если до 30-х гг. XX в. – это продолжение тематики старых традиций, то после смены поколений меняются и научные предпочтения исследователей. Конечно же с оценками Карла Маркса на протяжении всего советского периода исследователям приходилось коррелировать прошлое. Исторический процесс рассматривался с позиций эксплуатации рядовых кочевников-общинников и покоренных народов степной аристократией. Подчеркивалась «искусственность государственного образования» и «насильственность», методы получения доходов по мнению советских авторов исчерпывались войной и сопутствующей ей явлениями, как грабеж и дань. Начиная с Бату ханская администрация взяла курс на «получение максимальных доходов» [2. С. 71].

Нельзя обойти устойчивую тенденцию в отечественной исторической мысли связанную со «школой Покровского». Несмотря на то, что М.Н. Покровский целенаправленно не изучал средневековые финансы и историю Орды, он активно обращался к разработке экономической истории России, интерпретировал социально-экономическую историю, подводя обоснованную основу к установлению советской власти. Признание его взглядов антимарксистскими в корне поменяло отношения к ордынскому периоду. В силу

исторического материализма М.Н. Покровский заложил важную историографическую мысль, о том, что исторические деятели являются представителями определённых социальных структур, тем самым лишив финансовую историю средневековья на долгие годы субъектной [3. С. 17-27]. Несмотря на то, что взгляды М.Н. Покровского были признаны ошибочными, такой подход бытовал достаточно долго, базируясь на том, что историю делали массы, советские исследователи долгое время не рассматривали системно финансовую политику, отказывая в политической субъектности не только правителям Улуса Джучи, но и русским князьям.

Однако иная парадигма использовалась представителями евразийства. Привычное и, казалось бы, устоявшееся мнение о Золотой Орде, как о хищниковском государстве-паразите стало меняться в том числе и благодаря взглядам евразийцев. Начиная с Трубецкого Н.С. была выдвинута мысль о взаимовыгодном союзе Орды и Руси. Н.С. Трубецкий писал: «Благодаря этому влияние монгольской государственности на русскую остается совершенно невыясненным. Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, казна, казначей, деньга, алтын, таможня), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго. Наряду с финансами одной из основных задач всякого большого и правильно организованного государства является устройство почтовых сношений и путей сообщения в государственном масштабе» [4. С. 241]. В цитате стоит обратить внимание на термин «финансовая система». В советской историографической мысли, особенно в отношении товарно-денежных отношений такой термин появится только с 60-70-х гг. Г.В. Вернадский в своей монографии «Монголы и Русь» помимо политических событий пишет об административной системе, о различных источниках доходов, влиянию на экономику Руси и др. [5. С. 218-219]. Апогей евразийской научной исторической мысли станет трудами Л.Н. Гумилева, который находился в переписке с Г.В. Вернадским и другими евразийцами [6. С. 142].

В дореволюционной России изучение ярлыков было достаточно популярной темой. Несколько изданий на основе по всей видимости ранее сделанных наработок были опубликованы в революционный 1917 год и 1918 год. После чего произошел перерыв на 7 лет, то 1925-1927 гг., а затем наблюдается большой перерыв с 1927 г. по 1948, на 21 год [7].

Нумизматика обогатилась достаточно большим количеством новых публикаций. В научный оборот продолжают вводиться новые материалы. Однако от каталога А.К. Маркова (1896) до обобщающих работ Г.А. Федорова-Давыдова (1960, 1963, 1974, 2003) крупных масштабных исследований назвать нельзя. С 1915 по 1923 год значительный перерыв в нумизматике. После по 1930 год включительно, каждый год публикуются нумизматические исследования. Затем до 1938 года не было не одной публикации посвященной джучидским монетам [8].

Археологические изучения продолжают. Особенно на себя обращают внимания археологические работы по изучению Увека, в Саратовской губернии, в тревожный 1919 год [9]. Не прекращается камеральная обработка и анализ артефактов, издание ранее полученных результатов, касающихся истории Орды. Дела в археологической науке были явно лучше, чем в нумизматике и больших пауз в исследованиях не было, практически каждый год выходили различные публикации. Хотя нужно отметить, что период восприятия археологии как «буржуазного вещеведения», очень сильно сказался в качестве и глубине исследований. Как отмечал А.А. Формозов научные отчеты об археологических работах сводились к нескольким листкам [10. С. 58]. Стоит отметить, что в 30-е годы количество публикаций на археологическую тематику уменьшается, по сравнению с 20-ми. В последствии, именно

археологические исследования на новом качественном уровне в послевоенный период позволят создать базу для переосмысления отдельных пластов истории Орды.

Советский период в истории России неразрывно связан с победой в Великой Отечественной войне, людскими, интеллектуальными, культурными, финансовыми потерями. Многие ученые оказались на фронте, что естественно сказалось на количестве научных публикаций. Если в 1940 году, было издано 18 публикаций на русском языке и еще 5 на иностранных (всего 23 издания), в 1941 году – всего 24, в 1942 году не издано ничего, за 1943 год известна только одна публикация, причём опубликована она в Германии. По сравнению с тяжелыми годами для отечественной науки во время Гражданской войны, период Второй Мировой войны сказался абсолютно негативно на изучении истории Улуса Джучи.

В рамках первой половины XX века нельзя обойти стороной фактический запрет популяризации Золотой Орды и этнической истории татар во время апогея сталинизма. В каких же социально-политических условиях были приняты судьбоносные документы для изучения истории Золотой Орды и татар?! В условиях Второй Мировой войны, в гитлеровской Германии активно использовались наработки гуманитарных наук в качестве обоснования претензии на «исконность» территорий, разжигания национальной розни. Направление занимающиеся восточным вопросом (в том числе и русским и татарским) был «остфоршунг», где тюркология занимала важное место. В добавок к этому нужно иметь в виду, что в рядах Вермахта действовал волжско-татарский легион «Идель-Урал», состоящий из народов Поволжья. Отдельно отмечают политические манипуляции по созданию национальной республики Идель-Урал [11. С. 88-90]. Т.е. события 1944 года можно рассматривать как жесткую, но не открытую реакцию на активность татарских коллаборационистов. Помимо этого, в глобальном масштабе теория автохтонности и «новое учение о языке Н.Я. Марра» окончательно становится господствующей в советской науке, всячески отвергая и опровергая миграционные построения до 50-х гг. XX в. [12. С. 99-100]. А в нацистской Германии была очень популярна теория о завоевательных походах древних германцев, основанная на миграционизме, соответственно исторические и археологические исследования строились на основе этого базиса. В количественном отношении запрет популяризации истории Золотой Орды не сказался на издательской активности, если не считать военные годы, когда количество публикаций по истории Улуса Джучи рекордно упало. Так, в 1943 году – всего одна работа опубликована в Лейпциге, в 1944 – издано три работы (на русском, турецком и французском), а в победном 1945 – только одна работа в «Советском востоковедении». Начиная по следующего 1946 года научная жизнь заметно улучшилась и ниже 9-10 публикаций в год не опускалась. Однако чувствуется политический крен в публикациях первых послевоенных годов. Относительно свободное изучение Золотой Орды, без тотального идеологического давления будет возможно значительно позже.

Как отмечает В.В. Серов, термин «финансовая политика» входит в мировую науку в 20-30 гг. XX века в зарубежной историографии по отношению к поздней античности [13. С. 5]. Это иллюстрирует расхождение в развитии гуманитарного знания на западе и СССР. На примере Золотой Орды аргументированно и обоснованно говорить о финансовой политике стали говорить только на рубеже веков, уже после распада СССР. До этого, в советский период этот термин заменяется конструкциями-заменителями, используются слова и словосочетания деньги, дань, налоги, товарно-денежные отношения, экономическая эксплуатация и т.д. В отечественной историографии термин «финансовая политика» сначала используется в отношении античных обществ, а затем уже распространяется и на другие периоды. Главным последствием установления Советской власти в изучении финансов Орды являются не количественные показатели в публикации научных исследований, а в том, что отечественные историки были вынуждены пойти длинной дорогой для того что бы найти политику в финансах Улуса Джучи.

Таким образом, можно сделать историографическое наблюдение, что Революция 1917 года, Гражданская война и последующие события в стране не привели к прекращению исследований, касающихся Улуса Джучи. Однако количественные показатели существенно снизились. Историческая наука попала под идеологическую и политическую конъюнктуру в стране, что в полной мере отразилось на развитии золотоордынской тематики, подготовки исследовательских кадров. Несмотря на то, что исследовательский интерес к дореволюционным темам не пропал, разработка отдельных вопросов стала возможной только спустя несколько лет. Наиболее серьезный урон золотоордынская тематика понесла в период Второй Мировой войны, когда публикация результатов исследований практически прекратилась. Определенный урон понесла историческая наука от целенаправленного вмешательства в 1944 году политической конъюнктуры. Тем не менее в конце 40-х гг. количественные показатели издательской деятельности восстановились.

Библиографический список

1. Золотая Орда: библиографический указатель / Автор-составитель И.М. Миргалеев; отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 412 с.
2. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.
3. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М.Н. Покровский. — 4-е изд. — М. : Партиздат, 1933.— 544 с.
4. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана / Николай Трубецкой ; Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. — М. : Аграф, 1999. — 554 с.
5. Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский ; Пер. с англ.: Е. П. Беренштейна и др. — М.; Тверь : АГРАФ : ЛЕАН, 1997. — 480 с.
6. Воронович А.В. Ученые в переписке Л. Н. Гумилева // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2010. №2. С.141-145
7. Иностранцев К.А. О месте выдачи ярлыка Тимурь-Кутлуга // Известия ИАН. – Пг.: Тип. ИАН, 1917. – С. 49–50. Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 7–15. Вахидов С. Ярлык хана Сахиб-Гирея // ВНОТ. – Казань, 1925. – №1–2. Самойлович А.Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // ИТОИАЭ. – Т. 1. – Симферополь: 1-я гостиполитография «Крым – полиграфтреста», 1927. – С. 141–144/ Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. – 1948. – №1. – С. 29–46.
8. Кротков А. Никольский и Керенский клады джучидских монет // ТСУАК. – 1915. – Вып. 32. – С. 164–68. Зайковский Б.В. Опыт изучения древних монет края: (Вопрос о времени постройки Нового Сарая) // Магариф. – 1923. – №1. – С. 24–29. Васильев А.В. Новые находки золотоордынских монет в Татарстане // Общество изучения Татарстана. Труды. – Т. I. – Казань, 1930. – С. 173–175. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // ТНВОК. – Вып. 37. – Саратов, 1930. – 42 с. Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. – Вып. 2. – Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1938. – 102 с.
9. Баллод Ф.В. Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 г. – Саратов, 1919. – 40 с.
10. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма : историографические очерки / А.А. Формозов. — М. : Знак, 2006. — 344 с.
11. Гатин М.С. "Остфоршунг" и изучение Золотой Орды в Германии в годы нацизма (1933-1945) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000) // Труды ГИМ. М., 2013. Вып. 184. С. 84-91.

12. **Равдоникас В.И.** История первобытного общества / В.И. Равдоникас .— Л. : Изд. Ленингр. гос. ун-та, 1939-1947. Ч. 1 .— 1939 .— 286 с.
13. **Серов В.В.** Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке / В.В. Серов – Тюмень: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук, специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века). 2010 - 54 с.

УДК 94

*Воронежский институт экономики и социального
управления
Преподаватель кафедры политологии, управления и
регионоведения
И.М. Прядкина
Россия, г. Воронеж, тел. + 7 (920) 423 27 36;
e-mail: Pryadkina.irina-101@mail.ru*

*Voronezh Institute of Economics and
social management
Lecturer of political science, management and regional
studies chair
I.M. Pryadkina
Russia, Voronezh, tel. + 7 (920) 423 27 36;
e-mail: Pryadkina.irina-101@mail.ru*

И.М. Прядкина

**ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье раскрывается понятие такого политического феномена как революция, подчеркивается ее сложность и неоднозначность, анализируются различные варианты научного осмысления такого важнейшего вопроса в отечественной истории как Великая русская революция 1917 года, освещаются социально-политические цели начала и завершения революции, в результате чего изменился государственно-политический, идеологический и общественно-экономический строй страны.

По сей день в сборниках и журналах публикуются статьи, в которых отражаются разные подходы к изучению проблем, связанных с Октябрьской революцией, и приходят к выводу, что данная тематика была актуальна и будет актуальной по настоящее время.

Ключевые слова: революция, Февральская революция, октябрьский переворот, политическая борьба, режим власти, большевики.

I.M. Pryadkina

THE GREAT OCTOBER REVOLUTION OF 1917: SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS

The article reveals the notion of such a political phenomenon as a revolution, underlines its complexity and ambiguity, analyzed various options for the scientific understanding of such critical issues in the country's history as the Great Russian revolution of 1917, highlights the socio-political goals of the beginning and end of the revolution, resulting in a changed state-the political, ideological and socio-economic system of the country.

To this day in books and magazine articles that reflect different approaches to the study of the problems associated with the October revolution, and come to the conclusion that the subject was relevant and will be relevant to the present.

Key words: revolution, the February revolution, the October revolution, the political struggle, the regime, the Bolsheviks.

Революции – это великие исторические события в развитии цивилизаций, народов и государств. Они обычно отражают назревшие, требующие срочного разрешения потребности той или иной страны, того или иного общества в модернизации (политической, экономической, духовно-культурной).

В истории России XX век связан с общественными потрясениями. В начале XX столетия в России наступила эпоха социальных революций. В 1917 году Российское государство, отвергнув веками существовавший монархический строй, коренным образом изменило вектор своего исторического развития. В этом смысле, 1917 год стал знаменательным в судьбе России.

События 1917 года до сих пор представляются ключевым историческим фактом для России, продолжающим оказывать непосредственное влияние на современность. Споры о революции никогда не утихали. Перестройка, развал СССР, политическая борьба в 1990-х гг., стремление упрочить правящий режим в 2000-е - все эти события и процессы актуализировали революционную тему.

Октябрьская революция была и остается предметом более широких исторических, политологических и экономических исследований.

В научной литературе существует множество определений концепта «революция».

В социологической энциклопедии дается такое определение революции: «коренной, качественный, глубинный поворот в функционировании всех сфер общества, способ перехода от одной социально-экономической, политической, культурной системы к другой в результате прихода к власти оппозиционных политических сил» [1. С. 318].

Революция представляет собой коренное, полное преобразование структуры в обществе, радикальное изменение его политической системы, открывающее возможность значительных социально-экономических изменений [2].

По мнению российского историка, политика и общественного деятеля Вячеслава Никонова, революция – «это организованный активной частью контрэлиты с использованием мобилизации масс антиконституционный переворот, который кардинально меняет характер государственного строя» [3. С. 7].

В исторической науке существует два взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первой точке зрения, в России произошли две революции - в феврале и в октябре. Вторая версия гласит, что февральский и октябрьский перевороты являлись двумя этапами одной революции. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей отмечают, что февральские и октябрьские события 1917 г. – это два этапа одной революции.

Б.Н. Миронов в своем научном труде провел анализ различных концепций революции и пришел к выводу, что «февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима: и правительство являлось временным, и парламент – предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно было безрезультатным» [4. С. 677].

К объективным социально-политическим целям Февральской революции относят:

- 1) свержение царизма;
- 2) разрешение аграрного вопроса за счет государства и помещиков, разрешение рабочего вопроса за счет государства и собственников предприятий;
- 3) прекращение войны или изменение ее хода и результатов в пользу России;
- 4) разрешение национального вопроса в пользу отделения консолидированных регионов (Финляндия, Польша, Закавказье, Украина).

И.К. Пантин в своем труде отмечает, что Февральская революция «осуществила то, чего добивались демократические и либеральные силы российского общества в революции 1905-1907 гг. – свержение самодержавия, установление демократической формы правления.

Но раскрепощающий сдвиг, происшедший в феврале, требовал большего – конструктивного продолжения революции» [5. С. 244].

1917 год характеризовался постоянной борьбой за власть. Хронология данных событий представлена в таблице 1 [6. С. 187].

Таблица 1. Хронология власти в 1917 году

25-27 февраля	Февральская революция	Образование Советов рабочих и солдатских депутатов
2 марта	Образование Временного правительства	11 министерских портфелей из 13 принадлежит кадетам и октябристам
Апрель – 1 мая	Кризис революции Временного правительства	Выход лидера кадетов П. Милюкова из правительства
2 мая	1-я коалиция	По предложению председателя Временного правительства кн. Г. Львова (9 портфелей у представителей правых и буржуазных партий, 6 – у социалистических)
3 июля	Кризис 1-й коалиции	Расстрел антиправительственной демонстрации 3 июля. Выход из правительства представителей кадетов. 21 (8) июля уход председателя Временного правительства кн. Львова
25 июля	2-я коалиция	Большинство министерских портфелей переходит к социал-демократам (7 – у социалистов, 4 – у кадетов, 4 – у прочих)
28 августа	Кризис 2-й коалиции	Контрреволюционный «мятеж» Корнилова. 31 августа в Петроградском Совете, а 5 сентября в Московском большинство мест переходит к большевикам
25 сентября	3-я коалиция	Попытки организации новой коалиции путем созывов «Государственного совещания», «Демократического совещания», «Предпарламента»

		6 кадетов, 6 социалистов
Октябрь	Кризис 3-й коалиции	В середине октября за большевиков проголосовали Совет Петроградской губернии и Северный областной съезд Советов. 19 октября в Москве провозглашена советская власть. 21 октября за Советы отдали свои голоса собрание всех ротных и полковых комитетов Петрограда
25 октября	Октябрьская революция	Власть переходит к Советам

За девять месяцев 1917 года в России были перепробованы все варианты власти – от царской до буржуазной, коалиционной и социалистической, и ни одна из них не смогла больше двух месяцев удержаться у власти.

В апреле 1917 года В.И. Ленин выступил перед членами ЦК Петербургского комитета партии с докладом «О задачах пролетариата в данной революции» [7]. Это были те знаменитые «Апрельские тезисы», в которых был намечен курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Суть «Апрельских тезисов», по мнению А.С. Епифанова, заключалась «в отказе от старой программы большевиков и всех социально-демократических сил и декларировании идеи продолжения революции, перерастания ее в социалистическую с установлением диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» [8. С. 124].

Осенью 1917 года процесс большевизации народных масс достиг большого размаха. Наиболее явно этот процесс проявился в большевизации Советов: 90 % составляли большевики в Петросовете, до 60 % - в Московском Совете.

24-25 октября 1917 г. совершился октябрьский политический переворот и начался новый этап Русской революции.

Октябрьская революция завершила революционный процесс, начатый в феврале 1917 г., приведя к власти представителей рабочих и крестьян, взявших на себя решение жизненно важных проблем общества: выход из войны, передачу земли крестьянам, осуществление рабочего контроля над производством, строительство новой государственности трудящихся классов, преодоление экономической разрухи. Ленин и большевистская партия взвалили на себя колоссальную ответственность вывести из кризиса разоренную войнами огромную страну.

Опираясь на разработанную в XIX веке Марксом и Энгельсом доктрину «диктатуры пролетариата», и на исторический опыт Парижской коммуны 1871 года, Ленин в своей работе «Государство и революция» отстаивает необходимость слома старой государственной машины. Уже с ноября 1917 года разворачивается бурный процесс уничтожения старого госаппарата, и строительство нового. До начала его работы, в ноябре-декабре 1917 года, основной властью в столице оставался Петроградский ВРК.

Таким образом, в результате Октябрьской революции 1917 года изменился государственно-политический, идеологический и общественно-экономический строй страны, в итоге она привела мир к глобальным изменениям в системе международных отношений.

Одним из тех, кто представил более сложный взгляд на жестокие революционные годы в России периода 17–х годов XX века, стал Владимир Булдаков, профессор Института русской истории Академии наук. В своей книге «Красная смута» [9] автор касается не только

русской революции и гражданской войны, но и анализирует ситуацию в царской России, которая предшествовала бурным событиям и которая могла бы объяснить их развитие. Леннарт Самуэльсон отмечает, что «революция 1917 года явилась целым комплексом социальных взрывов, обусловленных поздней отменой крепостного права, кризисом в религиозной жизни, растущим разрывом между монархией и народом, разрушительным характером партийной системы» [10].

Ф.А. Степун в своей статье «Мысли о России» признавал некоторые достижения русской революции. По его словам «утверждать, что большевики всегда творят благо, было бы слишком большим оптимизмом, но не видеть, что они его иногда творят, - зрячему человеку все же нельзя. Ясно, что видеть это совершенно не значит верить в большевиков, но значит верить в свет, в добро, в смысл истории, в Россию» [11. С. 206].

А.С. Смирнов считает, что насильственную смену власти в октябре 1917 г. нужно определять как переворот, а не революцию. В ходе Октябрьского переворота было свергнуто одно из самых левых и демократических для того исторического момента правительств в мире. Исходя из этого, историк задается вопросом, а можно ли свержение такого левого правительства, состоявшего на половину из социалистов, назвать революцией? Автор рассуждает о том, что, как правило, революции уничтожают реакционные режимы, как это было в феврале 1917 года, когда был свергнут царский режим власти. И поэтому «Октябрьский переворот был скорее контрреволюционным, чем революционным. Его результатом было уничтожение рыночных структур в экономике и демократии в политической жизни» [12. С. 132].

Если говорить об итогах революционного процесса 1917 г., то необходимо отметить, что, с одной стороны, это был социальный взрыв в российском обществе, обусловленный социальными противоречиями. Октябрьский переворот завершил сословный распад русского общества, начатый реформой 1861 г. С другой стороны, - революция стала первым шагом закономерного перехода общества в новую общественно-политическую формацию.

Русская революция 1917 года предстает как результат конфликта традиции и современности, который свидетельствовал о развитии социума, переживавшего в некоторые моменты критические периоды.

На XXV Рождественских образовательных чтениях «1917-2017: уроки столетия», которые состоялись 25 января 2017 года, Патриарх Кирилл произнес такую мысль: «Думать, что обе русские революции 1917 года произошли спонтанно и на пустом месте, было бы наивно. За ними множество причин и накопившихся противоречий. Но эти причины легко делятся на внутренние и внешние. Внутренние относятся к области духовной жизни человека» [13].

Библиографический список

1. **Авцинова Г.И.** Революция социальная // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 2003. – С. 318-319.
2. **Булатов А.С.** Типы и модели системных реформ: учебник для вузов. – Мировая экономика, 2014. – URL: <http://geum.ru/finansy/ekonomika-mirovaya/251-tipyi-modeli-sistemnyih.php> (дата обращения: 05.10.2017).
3. **Никонов В.А.** Крушение России. 1917. – М.: АСТ, 2016. – 698 с.
4. **Миронов Б.Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 3 Т. / Б.Н. Миронов. – Т. 3. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 992 с.
5. **Пантин И.К.** Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. – М.: Летний сад, 2015. – 294 с.
6. **Галин В.** 1917 год. Движущие силы истории / В. Галин. – М.: Алгоритм, 2017. – 368 с.

7. **Ленин В.И.** О задачах пролетариата в данной революции. / В.И. Ленин. – Газета «Правда» № 26 за 1917 год. – URL: <http://www.1917.com/XML/atdxcrbG0hxO9odXhAzc8xL+Mw8> (дата обращения: 08.10.2017).
8. **Епифанов А.С.** Формирование организационных и идеологических основ социал-демократического политического движения в России в начале XX в. / А.С. Епифанов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – №1 (5). – С. 116-125.
9. **Булдаков В.П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 969 с.
10. **Самуэльсон Л.** Новые взгляды на русскую революцию 1917 года: «Время красной смуты» – URL: <http://eurodigest.se/2012/02/27/новые-взгляды-на-русскую-революцию-1917-г/> (дата обращения: 09.10.2017).
11. **Степун Ф.А.** Мысли о России / Ф.А. Степун // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 205-209.
12. **Смирнов А.С.** Катастрофа 1917 г. От империи к глобальному коммунизму / А.С. Смирнов. – М.: Вече, 2017. – 352 с.
13. **Яковлева Е.** Трудное столетие // Российская газета. – 2017. – №7182 (16). – URL: <https://rg.ru/2017/01/25/v-moskve-otkrylis-tradicionnye-rozhdestvenskie-chtenia.html> (дата обращения: 09.10.2017).

УДК 316.6

*Воронежский государственный
технический университет*

*Доктор философских наук, профессор кафедры
философии, социологии и истории*

А. А. Радугин.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

*Воронежский государственный
технический университет*

*Доктор философских наук, профессор кафедры
философии, социологии и истории*

О. А. Радугина

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

*Voronezh State Technical
University*

*Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair*

A. A. Radugin.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

*Voronezh State Technical
University*

*Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair*

O. A. Radugina

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

А. А. Радугин, О. А. Радугина

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ НОВОГО ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цель статьи: показать значение Великой Октябрьской социалистической революции как глобального цивилизационного проекта преобразования российского общества на основе принципов социальной справедливости и социального равенства, дать общую социальную и нравственную оценку процессу социальных преобразований в нашей стране, уделив особое внимание исследованию основных этапов и форм цивилизационной модернизации.

Ключевые слова: Великая Октябрьская социалистическая революция, модернизация, цивилизация, социализм, социальная справедливость, социальное равенство.

A. A. Radugin, O. A. Radugina

THE GREAT OCTOBER REVOLUTION AS A PROJECT TO CREATE A NEW TYPE OF CIVILIZATION

The article aims to show the significance of the great October socialist revolution as a global civilizational project of transformation of the Russian society based on the principles of social justice and social equality, providing General social and moral assessment of the process of social change in our country, paying special attention to the study of the basic stages and forms of civilization and modernization.

Key words: the Great October socialist revolution, modernization, civilization, socialism, social justice, social equality.

В эти дни наша страна и все человечество отмечает знаменательную дату – столетие Великой Октябрьской социалистической революции. Существует множество интерпретаций и оценок этого исторического события. Прежде всего, необходимо уточнить временные рамки и понятие социальной революции. В постсоветское время средства массовой информации события октября 1917 года чаще всего квалифицируют как «октябрьский переворот», тем самым стремясь подчеркнуть, что никакой великой революции не было.

Мы согласны, с тем, что события 25 октября по старому стилю (7 ноября по новому стилю) 1917 года следует трактовать как политический переворот. Да, действительно в результате этих событий власть от одной политической силы – Временного правительства – перешла в руки другой политической силы – Советов депутатов трудящихся, возглавляемых большевиками. По нашему мнению любая революция начинается с политического переворота. Но не каждый политический переворот развивается в революцию. Революция – это не частный конкретный политический акт, а длительный социальный процесс преобразований системы общественных отношений. Социальная революция может включать в себя несколько политических переворотов. Так было в Великую французскую революцию, когда «революция пожирала своих детей», что проявлялось в смене различных политических группировок, сопровождавшимися кровавыми расправами. Так было и в России после гражданской войны (события 30-х годов), (события 1953-54года), (события 1964 года) и т.д., По нашему мнению «Великой Октябрьской социалистической революцией» следует именовать период с 1917года по 1991 год, то есть «Октябрьский переворот» и все последующие события коренного качественного преобразования российского общества, и, прежде всего, строительство социализма во всех его аспектах. По нашему мнению, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года является одним из важнейших событий XX века. При всём расхождении взглядов на события почти столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле справедливого общества на основе социального равенства, решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на развитие народов всей планеты. Иными словами, революционная трансформация России на социалистических принципах положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба.

В постсоветское время средства массовой информации пытаются убедить население, что эта революция была величайшей трагедией в истории нашей страны, а социалистический путь развития якобы зашёл в тупик и проект построения социализма провалился. Вряд ли с этим следует согласиться. По нашему мнению, трагедией была не Октябрьская революция, а Февральская, когда власть в России оказалась в руках людей, не знающих, что с ней делать и как развивать страну. Трагедией было то состояние, в которое Россия пришла к началу 1917 года – разложение на фронте, казнокрадство в тылу, беспринципность буржуазии, поставлявшей русским войскам снаряжение и амуницию по ценам, завышенным вдвое и втрое. Трагедией также было разложение российской аристократии, включая членов Дома Романовых, результатом чего и стало отречение императора и его брата (двойное отречение!) от престола. В результате этого события власть в стране оказалась брошена под ноги временщикам. Великая Октябрьская социалистическая революция стала закономерным следствием того состояния, в котором оказалась Россия – и выходом из того тупика, из той смуты, которые постигли Россию после Февраля 1917 года. Великая Октябрьская социалистическая революция стала переходом России в новое качество – переходом трудным, болезненным, жертвенным, но очень важным. Мы далеки от мысли закрывать глаза или стараться приуменьшить негативные, трагические события, которые происходили в период революционного преобразования российского общества. В ходе этих событий пролилось немало крови, пострадало немало людей, которые не должны были пострадать. Сегодня трудно оценивать, кто пострадал незаслуженно, а кто получил по заслугам. И не следует кивать на революционный опыт других стран, где также были репрессии, и немало пролилось крови. Отрицать трагичные эпизоды ранней советской истории безнравственно. Всякое революционное насилие заслуживает морального осуждения. Однако в ходе Великой Октябрьской социалистической революции происходили не только эти негативные события, но и были великие достижения.

Цель нашей статьи – показать значение Великой Октябрьской социалистической революции как глобального цивилизационного проекта модернизации российского общества.

Основной вопрос, который следует разрешить в ходе последующего анализа: была ли осуществлена не в ходе революционных преобразований модернизация российской цивилизации и какой характер носила эта модернизация? Утвердительный ответ на первый вопрос не вызывает сомнений: в советском обществе была осуществлена глубокая модернизация всех сторон жизни. Однако эта модернизация не совсем вписывается в традиционную концепцию модернизации. В традиционной концепции при модернизации речь обычно идет о развитии капиталистических отношений. В Советской России была поставлена цель формирования посткапиталистической, коммунистической формации и, прежде всего, ее первой стадии – социализма. Поэтому для оценки преобразований российского общества в Советской России следует использовать понятие «модернизация» в его широком смысле. В широком смысле, модернизация общества трактуется как глубокое обновление социально-экономических, политических, культурно-духовных основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований. Преобразования общества в Советской России носили инновационный характер. Россия первой осуществила социалистическую революцию, которая, по мнению большевиков, вскоре должна была распространиться на весь мир. Как отмечал С. Хантингтон, таким образом, Россия стала воплощением не отсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего. На самом деле революция позволила России перепрыгнуть Запад, отличаться от остальных не потому, что «вы другие, а мы не станем как вы», как утверждали славянофилы, а потому, что «мы другие и скоро вы станете как мы», как провозглашал возглавляемый Советским Союзом Коммунистический интернационал [1, С. 215.]. Особенностью советской модернизации было то, что она осуществлялась как сознательная политика социалистического, то есть передового, государства. В России сразу после Октябрьской революции произошла национализация собственности. В результате национализации частная собственность превратилась в государственную, которая, благодаря тому, что все действия по ее функционированию санкционировались Верховным Советом депутатов трудящихся, приобрела статус общенародной собственности. На основе общенародной собственности на средства производства в России в течение многих лет успешно осуществлялось строительство социализма, в качестве одного из наиболее важных достижений которого, следует назвать достижения в социальной сфере.

Однако не только социальная революция рассматривалась как инструмент модернизации страны, для проведения широких социальных преобразований в качестве инструментов использовались также средства модернизации в ее традиционном узком смысле этого слова. В частности, речь шла о достижении в развитии уровня капитализма. Вождь большевизмской революции В. И. Ленин выдвинул идею о необходимости буржуазного этапа революции, необходимости достроить капитализм, необходимости взять у капиталистического Запада передовую технику и организацию производства. С точки зрения В. И. Ленина, на стадии социализма возможно и даже необходимо использование рыночных механизмов. С целью практической реализации этой идеи с 1921 года начала осуществляться новая экономическая политика (НЭП). В ходе этой политики были задействованы рыночные механизмы, частично изменились отношения собственности: была введена практика концессий, разрешена частнопредпринимательская деятельность, главным образом, в сфере услуг. Однако вскоре после смерти Ленина эта политика была свернута, по ряду причин, в том числе, и по причине начавшегося социального расслоения. Большевики почувствовали в ней угрозу принципу социальной справедливости на основе равенства всех людей. Следует также отметить, что в качестве инструментов социалистического строительства использовалось сочетание традиций и инноваций. Как утверждает Ю. Л. Ярецкий, «с самого

начала советского этапа российской цивилизации были положены традиционные национальные социальные ценности русского народа, в первую очередь организация труда, построенного на принципах коллективизма, взаимовыручки, моральной ответственности трудового коллектива за его членов, патерналистских настроений русского народа, широте его нравственных принципов и ценностей, на которых формировалось такое уникальное явление советской цивилизации, как дружба народов и феномен новой исторической общности людей – советский народ» [2, С.36.]. Среди инноваций ведущая роль принадлежит политике индустриализации. Дело в том, что в конце 20-х начале 30-х годов назревала Вторая мировая война и для укрепления обороноспособности страны необходимо было ускоренными темпами провести индустриализацию. Руководитель страны И. В. Сталин считал, что СССР должен пройти столетний путь модернизации за 10 лет, он заявлял: «Или мы пробежим этот путь за десять лет, или нас сомнут». В СССР за короткий срок была проведена индустриализация народного хозяйства. Следом за этим последовала коллективизация сельского хозяйства и т. д. Начало политике индустриализации было заложено еще при Ленине планом ГОЭРЛО, на основе которого осуществлялась электрификация страны.

Следует также иметь в виду, что широкий и узкий аспекты модернизации находились в теснейшей взаимосвязи. Акцентируя эту взаимосвязь двух аспектов модернизации, Ленин провозглашал: «Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны». Позднее, когда приоритеты технической модернизации расширились, руководитель КПСС Н.С. Хрущев уточнил ленинскую формулу модернизации: «Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны и химизация народного хозяйства» [3, С.54.].

После завершения Второй мировой войны в результате победы в Великой отечественной войне Советский Союз создал подконтрольную социалистическую систему и обладал влиянием в мире, которого никогда прежде не достигала российская цивилизация. Однако после ухода с политической арены Сталина мощь Советского союза постепенно пошла на убыль. СССР еще демонстрировал определенные достижения в научно-технической сфере, типа первого в мире запуска человека в Космос, но темпы развития страны падали, и нарастали кризисные явления. И одна из главных причин этих негативных явлений, неспособность советской власти в послевоенный период освоить и запустить в общественную жизнь традиционные инструменты модернизации. Робкие попытки, типа «Щекинского эксперимента», предпринимались А. Н. Косыгиным, но партийная верхушка препятствовала внедрению рыночных механизмов.

Попытку провести традиционную политику модернизации с 1985 года предпринял М. С. Горбачев. Вскоре после того, как М. С. Горбачев стал руководителем КПСС, он провозгласил политику «нового мышления», конечной целью которой было войти в «европейский общий дом». Вслед за этим была провозглашена политика «перестройки». Эта политика в политической сфере предполагала модернизацию политических институтов. Стержнем политической модернизации стала «гласность», которая основывалась на отмене цензурных ограничений для всех СМИ. В экономической сфере модернизация предполагала внедрение рыночных механизмов, формирование институтов частно-предпринимательской деятельности. В этой сфере были предприняты конкретные шаги, как на законодательном, так и в организационном плане. В частности, широкое распространение получили кооперативы. Однако, политика традиционной модернизации не принесла позитивных результатов для социалистического строя. «Гласность» развивалась в антикоммунистическом русле, разрушая идеологическую «скрепу» СССР. В советском обществе стремительно падал авторитет КПСС, нарастали националистические настроения, ухудшилась ситуация с товарами первой необходимости, нарастали инфляционные процессы. В результате развития деструктивных процессов в 1991 году СССР прекратил существование. Распад СССР зафиксировало соглашение между руководителями России,

Белоруссии и Украины в Беловежской пуще. С тех пор начался новый этап цивилизационного развития России – постсоветский.

В заключении следует отметить, что проект построения общества нового типа на принципа социальной справедливости и социального равенства не был реализован в полной мере. В советском обществе не были реализованы многие теоретические принципы построения социализма, включая работу рыночных механизмов, инициативы масс в социалистическом строительстве, ротации руководящих кадров, существовала довольно глубокая социальная дифференциация между «номенклатурой» и другими слоями и т.д. Однако, несмотря на все несовершенство социальных преобразований, результат был впечатляющий – социалистическая модернизация российского общества состоялась.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
2. Ярецкий Ю.Л. Российское общество и развитие цивилизации: социальные составляющие исторического процесса. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора исторических наук. М., 2002. – 44 с.
3. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 1. / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Центр исслед. постиндустриального общества, 2009. – 240 с.

УДК 430

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. Аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории
И.С. Свиридов
Россия, г. Липецк, тел. 8-910-356-05-08
e-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

Lipetsk state pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky Postgraduate of the Russian and World history chair
I. S. Sviridov
Russia, Lipetsk, tel. 8-910-356-05-08
e-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

И.С. Свиридов

ВОПРОС О РЕФОРМЕ СЕЛЬСКОГО ПРИХОДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается актуальный для начала XX века вопрос о реформе сельского прихода. Анализируя церковно-приходские взаимоотношения, автор приходит к выводу, что идеи пробуждения, затронувшие приходское духовенство (плата за требы, новый образ сельского священника), способствовали расколу между священниками и их паствой – русскими крестьянами. Намечавшаяся реформа сельского прихода, долженствующая решить эту проблему, активно обсуждалась, но вплоть до падения монархии не была проведена.

Ключевые слова: указ о свободе веротерпимости, плата за требы, нетрезвый образ жизни священников, реформа сельского прихода

I.S. Sviridov

THE QUESTION OF THE REFORM OF THE RURAL PARISH IN THE RUSSIAN EMPIRE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article considers relevant for the beginning of the XX century the question of the reform of the rural parish. Analyzing parish relations, the author concluded that the idea of revival, which has affected the parish clergy (fee required, a new image of a country priest) contributed to the split between priests and their flock – the Russian peasants. The planned reform of the rural parish, is meant to solve this problem was actively discussed, but until the fall of the monarchy was not carried out.

Key words: decree on the freedom of religious tolerance, the fee for religious rites, drunken lifestyle of priests, the reform of rural parish

Отметим, что в начале XX века (главным образом, во время революционных событий 1905–1907 гг.) произошел окончательный раскол между интеллигенцией и крестьянством на почве православия. Причинами этому явлению выступили нараставший с конца XIX века духовный кризис интеллигенции, приведший к поиску “новой христианской доктрины” и сохранению православия как государственной религии страны для основной массы населения – великорусского крестьянства (77.1%), поскольку, по мнению виднейшего российского исследователя, «смерть Бога в конечном итоге влечет за собой и смерть человека» [1, С. 8].

У российской интеллигенции формировалось иное мировосприятие действительности. Так, по мнению С.Н. Булгакова, «русской интеллигенции свойственно чувство виновности перед народом».

Однако «известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма (безразличия, равнодушия – *И.С.*) и отрицания. *Нет интеллигенции более атеистической, чем русская.* <...> Поэтому и соприкосновение интеллигенции и народа есть, прежде всего, столкновение двух вер, двух религий, и влияние интеллигенции выражается, прежде всего, тем, что она, разрушая народную религию и народную душу, сдвигает ее с ее незыблемых доселе вековых оснований» [2, С. 49, 78].

Упомянем здесь и о том, что, по мнению того же А.С. Панарина, «христианство – это не кредо культурологического сознания, толкующего о цивилизационных “архетипах”, а кредо сознания, помнящего главные евангелические заповеди, касающиеся конечных судеб больных и слабых, преисполненных гордыней и смиренных, “нищих духом” [1, С. 19]

И именно крестьянство, а не интеллигенция в послереволюционное время (после 1907 г.) явилось той массой, которая помнила “евангелические заповеди” и оставалось “нищей по духу” в отличие от “пресытившейся верой” интеллигенции.

В этой связи рассмотрим отношение крестьянства к приходскому духовенству, как ближайшему “по духу” сословию. В церковно-приходских взаимоотношениях начала XX века наметилась серьезная трещина, чему были свои причины.

Одной из основных причин следует назвать издание Указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Согласно ст. 1 данного указа «отпадение от православной веры в другое вероисповедание не подлежало преследованию». Ст. 4 уравнивала старообрядцев и сектантов в правах с православными, «разрешая инакомыслящим законно владеть движимым и недвижимым имуществом, свободно проводить богослужения и присвоить религиозным обществам старообрядцев и сектантов наименование «общин» [3, С. 257–258].

Переход из одного вероисповедания в другое разрешался «каждому лицу, достигшему 21 года» и «устанавливался (регистраливался) через 40 дней со дня подачи заявления» [4, № 303].

Так, в отечественной публицистике на издание Указа 17 апреля отозвались следующим образом: «Совершенно новый смысл в общественной и государственной жизни приобрело само понятие о православии: до сих пор оно означало совокупность верований, навсегда и, безусловно, обязательных для всех формально принадлежащих к господствующей церкви – теперь оно будет означать лишь совокупность верований, исповедуемых добровольно» [5, С. 433].

Особенно положительно издание Указа повлияло на общины секты новоизраильтян, которые в религиозном мышлении далеко расходились со своими сельчанами, но сочувственно относились к ним и отдавали предпочтение к их святыне, хотя сами и терпели от них всякого рода насмешки и издевательства со стороны православных чад церкви [6, с. 386].

Издание Указа сильно оказало влияние и на приходскую жизнь страны, о чем можно судить по дискуссиям, развернувшимся в III Государственной думе. Так, депутат от Рязанской губернии священник Добромыслов заявил, что «такого унижения православная церковь не видела со времен монгольского ига» [7, стлб. 793]. Противниками равноправия вероисповеданий являлись и православные архиереи, утверждая, что «равноправие было возможно в отдельных европейских государствах и в Америке, где люди всецело увлечены борьбой за земное благополучие, но не в Российской империи, состоявшей на более двух третей из православных» [8, С. 125].

Приведем здесь и мнение П.А. Столыпина, который считал, что «народ, ищущий утешения в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает. Но тот же народ не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что православие уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. Наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства» [10, С. 1753–1754].

Противоположного мнения придерживался депутат от Киевской губернии, убеждая, что «на почве вероисповеданий мы не должны причинять никаких досад и обид. Мы должны друг друга утешать и духовно возвышать. Я совершенно и постоянно помню, что к лицам, которые не знают, и не принимают нашей веры, мы должны относиться терпеливо, с любовью, снисходительно» [11, стлб. 1714–1715]. Приветствовал Указ и известный историк С.П. Мельгунов, усматривая положительные стороны Указа в устранении «полицейского прикрепления личности к православию», закреплении привилегий за сектантами и старообрядцами [12, С. 90, 93–94].

Как правило, защитниками Указа выступали депутаты из многоконфессиональных губерний. Те же депутаты, которые отстаивали идею одной главенствующей религии, т.е. православия, призывали духовенство к организации собственной партии. «Волей-неволей, в силу обстоятельств исторической жизни, духовенство должно организовать свою партию – тут борьба за существование» [10, стлб. 2267], – предлагал депутат от Иркутской губернии Белоусов. Выступал в защиту сельских священников и крестьянский депутат Дворянинов от Тверской губернии: «Я, как крестьянин просил бы принять против этого серьезные меры – проповеди, собеседования с народом. *Такое стало зло, что неприятно*» [7, стлб. 806]. Так и в среде крестьян-старообрядцев, «со стороны стариков слышатся сетования на их молодежь, что она сильно начинает баловаться, что она забывает старые добрые дедовские обычаи, что она становится менее религиозной и т.п.» [12, стлб. 1071]

Помимо этого, 17 октября 1906 года был издан Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». В ст. 2 Указа утверждалось, что старообрядческой или сектантской общиной «почитается общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в храме, молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещения». Для образования общины старообрядцам и сектантам необходимо было подать письменное заявление в Губернское или Областное правление, подписанное не менее чем 50-ю лицами (ст. 7) [9, С. 905–906, 910–911].

Кроме того, духовенство затронули идеи пробуждения. Они заговорили о чем-то новом, циркулярами не предусмотренном, своем, благоприобретенном [14, С. 527]. Эти новшества выражались, прежде всего, в изменении самого образа приходского священника, который вместо прежней своей работы, как в приходе, так и на пашне, теперь «и либеральные журналы читает, и попадая у него уже в шляпке, а не в платочке. Землю он не занимается, земли не любит. Он только почувствовал себя маленьким помещиком, и, побольше обеспеченный, подальше отошел от мужика» [15, С. 240–241]. К тому же, изменения произошли и в церковной службе. «На внушение священникам читать внятнее, раздельнее, вразумительнее, те обыкновенно ссылаются на привычку, на то, что у них, по их выражению, «язык перебит»» [16, С. 148], – сообщал священник 4-го Моршанского округа Иоанн Кошеляевский в отчете епископу Тамбовскому и Шацкому. Разрушалась связь верующих с их приходом, которая становилась «весьма слабой, почти незаметной». И именно это обстоятельство, что сельский священник «отошел подальше от мужика» и вело к появлению недоверия в умах крестьян касательно приходского духовенства. Великорусскому крестьянину было чуждо, что представители самого близкого к нему

сословия перестают трудиться на земле и, отдаляясь от землепашцев, стараются стать «сельскими дворянами». Исчезала общность интересов, которая «делала батюшку близким крестьянину человеком, побуждала его не за страх, а за совесть обходиться с мужиком просто и по-дружески» [там же].

Возмущала крестьян и существовавшая в великорусской деревне плата священнику за требы. Понимая тяжелое материальное положение своего сельского пастыря, крестьянам не нравилось то, что зачастую священники самовольно увеличивали цены за совершение таинств. «Брак стоит от 8 до 25 р.; пособоровать – 3 р., похоронить – за младенца надо платить 50 к., а за взрослого – 1 р.» [10, стлб. 2259], – приводил данные крестьянин Рожков. Из вышеупомянутого можно заключить, что разрушалась связь прихожан с приходом. «Прихожане посещают храм лишь по привычке, обращаются к пастырю по необходимости» [17, С. 114], – отмечалось одним из представителей духовенства. Упомянем также, что, по мнению рязанских крестьян, «священники – *хамское отродье!* Только про себя и думают! Как бы себе карман набить. И от попов наших нам хорошим заняться нельзя. Все их отродье такое» [18, Л. 26]. Отметим, что высказывалось практически всеми крестьянами, когда они соприкасались в сельском быту с этим явлением: «Духовенство должно содержаться на средства всего государства, но не вымогательстве из бедных, голодных, забитых прихожан, так как чрез это самое духовенство в глазах народа утратило свое значение, и ослабла религия» [19, С. 341].

Укажем также, что причиной усугубления отношений выступал нетрезвый образ жизни сельских священников, который ранее не вызвал отторжения у крестьян. Отметим, что землепашцы с. Новой Тотьмы Спасского уезда Тамбовской губернии жаловались на своего священника, который, находясь в нетрезвом виде «ни утрени, ни обедни не совершал», а вместо этого «приносит в церковь водку, пьет ее в алтаре» и «угощает крестьян водкой» [20 лл. 4–5, 8].

Однако процессы, происходившие в приходской жизни начала XX века были намного сложнее и запутаннее. У землепашцев был собственный взгляд эти события. Разделяя религию и ее носителей (священников), крестьяне, тем не менее, выдвинули собственные требования к сельскому пастырю. По их мнению, «нужно, чтобы священник приходской был высоко образованный человек в серьезном смысле слова, нужно, чтобы толковостью, бескорыстием, умелостью служения интересам народа он заслужил бы доверие его, а для этого надо поднять уровень образовательных программ в соответствующих учебных заведениях, ввести в курс политическую экономию, прикладную химию, агрономию, помологию; нужно значительно увеличить оклады сельским священникам и сделать их в материальной (ныне нищенской) жизни вполне обеспеченными...» [21, С. 98–99]

Конечно, из среды сельских священников были порядочные и высокообразованные люди, которых крестьяне ценили и уважали (например, священник Тихвинский, выступавший в думе).

Следует заметить и то, что ситуация в Русской Православной Церкви была крайне напряженной. В ее недрах существовало давнее соперничество белого и черного духовенства, в результате которого «положение священника, особенно сельского, являлось крайне униженным». «Русские епископы в большинстве случаев представляются духовенству и народу чем-то в роли духовных губернаторов. Всем известно, какие чувства, особенно теперь (во время революции – *И.С.*) вызывает представление о губернаторах и к чему может вести взгляд на чиновников, как на епископов, да еще на губернаторов. Едва ли не на первом месте должны быть поставлены духовные нужды народа, этого самого тела церкви, для которого и существует духовенство» [22, С. 17–18], – предупреждал С.Д. Кузнецов. Однако наряду с этим фактом, еще во время революционных событий, «в недрах православной церкви рядом с черными клобуками и финифтяными панаягиями, возникало новое течение, народолюбивое, демократическое. Оно рождалось в селах и оттуда

забрасывалось в города и достигало столиц» [23, С. 76]. Таких священников крестьяне любили, выполняя их наставления. «Батюшка не велел, потому что все газеты врут. Батюшка распорядился, а батюшка лучше знает» [24, С. 17], – рассуждали землепашцы. Благодаря таким священникам религиозность великорусских крестьян продолжала оставаться на высоком уровне, несмотря ни на какие внутреннеполитические события. Так, в 1905 году влияние священника Богоявленского на крестьян своего села, находящемся в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, было настолько велико, что во время волнений 1905 года в его приходе не было никаких выступлений, и даже приводящих в село агитаторов прихожане выдворяли вон [25].

Кроме того, священники жаловались в начале XX века на пороки прихожан, среди которых, по субъективному мнению духовенства, основное место занимали пьянство (грех винопития) и грех сквернословия [25, Л. 75об.–76]. К богослужениям и Таинствам православные притекали вообще с долгими усердиями; долг Исповеди и Св. Причастия исполнялись все за немногими исключениями; возрастание или уменьшение этого усердия против прежнего вообще нет» [25, Л. 76].

Отметим и численность исповедовавшихся и причастившихся за 1906 год Златоустовской церкви с. Златоустово Козловского уезда:

Всего крестьян	Исповедовались и причастились		Не исповедовались и не причастились		Не были на исповеди	%
65	492 м.п.		–		163	2
5 м.п.		5,2%			м.п.	4,8%
71	548 ж.п.		–		165	2
3 ж.п.		6,8%			ж.п.	3,1%

Источник: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2492. Л. 7. Подсчеты в процентах наши.

и той же церкви, но за 1909 год:

Всего крестьян	Исповедовались и причастились	%	Не исповедовались и не причастились		Не были на исповеди	%
794	641 м.п.		–		153	1
м.п.		0,7%			м.п.	9,3%
761	645 ж.п.		–		116	1
ж.п.		4,6%			ж.п.	5,3%

. Источник: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2563. Л. 3. Подсчеты в процентах наши.

Так, исповедовавшихся и причастившихся за три года увеличилось на 5,5% (149 д.м.п.) и на 7,8% (97 д.ж.п.), а не бывших у исповеди уменьшилось на 5,5% (10 д.м.п.) и на 7,8% (49 д.ж.п.).

Отметим здесь, что «наше крестьянство смотрит на духовенство отрицательно, как на каких-то дармоедов, имеет против нас нескрываемую злобу. Мы, русские пастыри, потерявшие всякое расположение паствы, не должны взывать о помощи к правительству. Нет, оно не выведет нас из затруднительного положения. Народ смотрит на духовенство с презрением, он плюет на него. Мы должны вернуться к народу» [26, С. 42].

Так и, по мнению общественного и земского деятеля К.К. Арсеньева, «велика до сих пор – хотя и меньше, чем прежде, – власть церкви над народной массой, но не растет ее на влияние на интеллигенцию и не может расти уже потому, что в среде самой церкви побеждает косность, тщательно подавляется всякий порыв к свободе и свету» [27, С. 223].

Нараставший церковно-приходский кризис могла решить реформа сельского прихода. «Восстановление прихода нужно не только в экономическом и хозяйственном интересах, но оно необходимо и в интересах укрепления православия. Прихожане будут участвовать в избрании своих священно- и церковнослужителей, они на этих последних перестанут

смотреть как на начальство, как на ставленников консистории, а в таком случае прекратится рознь, которая замечается теперь перед пастырями и пасомыми» [13, стлб. 2178–2179]. С такой же инициативой выступил и депутат от Тобольской губернии. «Если вы хотите, чтобы православие процветало, если вам не жалко, что оно падает, то вы реформируйте церковь. Дайте прихожанам полную инициативу. <...> Я повторяю, что крестьяне сами не способны бороться с вероучениями. Мы должны дать полные права приходу, мы должны стараться ставить священников, которые будут беречь православие как свое детище, как свою мать, которая не жалеет своего тела для кормления ребенка, и когда этот ребенок падает с кручи, то и она падает, не боясь, что разобьется о камень» [12, стлб. 1075, 1078], – прозвучало в его речи. О падении религиозности сообщил и депутат Капустин от Казанской губернии: «Если мы обратимся к народной жизни, к жизни сельского населения, то сейчас же видим печальное явление, – колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения. Если это поколеблется, чем заменить понятие греха, указание совести?» [13, стлб. 2187]

Так по сообщению другого современника, выступающего в Думе причинами падения, «разложение религиозно-нравственной жизни создало не духовенство; создали это печальное явление гг. освободители, которые и печатно, и устно разлагают народ, разлагают его религиозные верования и внушают ему прямо противоположные стремления» [7, стлб. 2199].

Приведем мнение и от. Никоновича от Витебской губернии, поддержавшего идею о реформе сельского прихода: «Духовенство, свободное в материальном отношении, с тем большим рвением отнесется к своим прямым обязанностям, будет высоко держать знамя своего звания» [13, стлб. 2252].

В подтверждение приведем и суждение депутата Соколова 2-го от Костромской губернии: «Мы полагаем, что нельзя основывать права и преимущества нашей Церкви на том, что она в состоянии держаться властью урядников, станowych, всех полицейских властей. Ведь эта опора немислима, недопустима; то, что можно было исповедовать назад тому 10 лет, то в XX веке является недопустимым, и, во всяком случае, в руках именно должен быть меч духовный, а не материальный» [28, стлб. 1058].

Отметим, что реформа так и не была проведена. О том же перед самым крахом Российской империи в 1916 году писал тверской архиепископ Серафим: «Влияние на народ зависит от того, будет ли духовенство учить только словом, или также делом. Мы должны проститься с нашей ленью и равнодушием, апатией, начать интересоваться назревшими вопросами времени» [29, С. 7]. Здесь можно согласиться с мнением современного исследователя: «Определяли отношение крестьянства к приходскому священству два начала – личное, связанное с типом материальных взаимоотношений крестьян и причта и мировоззренческое. Решающее значение имело второе начало – мировоззренческое, представление о том, насколько политика власти и ее проповедь в храме отвечали мироощущению крестьянского населения, его представлениям о справедливости» [30, С. 79].

Накануне мировой войны, крестьянин, корреспондент столичного журнала, заметил: «... духовенство в погоне за разными благами: славой, властью, наживой после 1905 г. окончательно утратило свой прежний учительский авторитет перед народными массами» [31, С. 111]. Чуть ниже: «Хулиганство в деревне – невелика беда, а вот вместо хлеба подносить голодным камень, вместо христианского жизнепонимания с основной братской любовью друг к другу, с основным понятием Бога любви, действующего через нашу совесть и сердце, поддерживать веру в посты и обряды, в старую сказку “геены огненной” и *заменять* этим христианство – это уже другое дело. В этой-то *замене* и есть хулиганство русской жизни и оно-то и питает и поддерживает другие роды хулиганства, делая жизнь низов грубой и бедной, а богатых – развратной и праздною» [31, с. 112].

Война мало повлияла на численность крестьян, исполнивших долг исповеди и причастия. Приведем здесь сведения о количестве исповедовавшихся и причастившихся за 1915 год в с. Раевка Шацкого уезда Тамбовской губернии.

Всего крестьян	Исповедовались и причастились		Не исповедовались и не причащались		Не были на исповеди	%
51 9 м.п.	331 м.п.	3,7%	–		188 м.п.	3 6,3%
56 6 ж.п.	447 ж.п.	9%	–		199 ж.п.	2 1%

Источник: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2710. Л. 22. Подсчеты в процентах наши.

Кроме того, 68 человек было на войне.

Таким образом, в начале XX века, в том числе благодаря влиянию первой российской революции, наступил серьезнейший церковно-приходский кризис. Спасительным актом для сохранения прежних взаимоотношений между сельскими пастырями и их прихожанами могла быть реформа сельского прихода, которая не была проведена вплоть до момента падения монархии.

Библиографический список

1. **Панарин А.С.** Правда железного занавеса. М., 2006.
2. **Булгаков С.Н.** Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М., 1991
3. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля) // ПСЗ-3. СПб., 1905. Ч. I.
4. Приложения к Стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг. Т. II (№№ 220–469). СПб., 1909.
5. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1907. Т. 3. Кн. 6.
6. **Голубов Н.** Характеристика избиения сектантов Новоизральской общины, в с. Бутурлиново Воронежской губернии в 1903 году в 1-й день Пасхи // Новый Израиль. С пред. и примечаниями Влад. Бонч-Бруевича. Со многими иллюстрациями. СПб., 1914.
7. Стенографические отчеты Государственной думы III созыва. Сессия II, заседание 108. 5.V.1909 г.
8. Голос архипастырей церкви о свободе вероисповеданий // «За первый год вероисповедной свободы в России» («Бесплатное приложение к журналу «Миссионерское обозрение» за 1906 г.). СПб., 1907.
9. Из речи П.А. Столыпина 22 мая 1909 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия вторая. 1909 г. Стенографические отчеты. СПб., 1909. Ч. IV.
10. Стенографические отчеты Государственной думы III созыва. Сессия II. Заседание 26. 5.II.1908 г.
11. **Мельгунов С.П.** Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. I.
12. Стенографические отчеты Государственной думы III созыва. Сессия II Заседание 108. 5.V.1909 г.
13. Стенографические отчеты Государственной думы III созыва. Сессия II. Заседание 111. 12.V.1909 г.
14. **Матюшевский А.** Что пробудилось? // Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе. Сост. Преображенский. СПб., 1905.
15. **Глебский Б.** Два поколения // Там же.

16. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 404.
17. **Иванов П.А.**, свящ. Реформа прихода. Томск, 1914. г.
18. Дневник Павла Михайловича Семенова-Тян-Шанского // Семейный архив Семеновых-Тян-Шанских. г. Санкт-Петербург.
19. 1907 г. марта 13 – Приговор крестьян Плещеевской волости Калязинского уезда Тверской губернии во II Государственную думу // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. Сб. документов. Сост.: Л.Т. Сенчакова. М., 2000.
20. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2453.
21. **Глинка К.Ф.** Записки хуторянина. Ч 2. Думы и думки хуторян. Что нам нужно, чтобы не развалиться, а окрепнуть экономически и политически и где, в чем и в ком искать на все нужные средства. СПб., 1908.
22. **Кузнецов Н.Д.** Участие духовенства и народа в церковном управлении // По вопросам церковных преобразований. Доклады, особые мнения и речи в особом присутствии, учрежденном при св. Синоде. М., 1907.
23. Тан. Депутаты второй Думы. Очерки и наброски // Русское богатство. 1907.
24. Тан. Новое крестьянство. СПб., 1906. Изд. 2-е.
25. См. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2550.
26. **Петрищев А.** Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1908. № 3.
27. **Арсеньев К.К.** Пути и приемы покаяния // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. М., 1991.
28. Стенографические отчеты Государственной думы. Третий созыв. Сессия II, заседание 95. 16.IV.1909 г.
29. Серафим, арх. Тверской. О возрождении приходской жизни. Пг., 1916.
30. **Земцов Л.И.** Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости БелГУ. № 1. 2008. Вып. 5.
31. **Кр. Мих. Новиков.** Хулиганство в деревне // Ежемесячный журнал. 1914. № 4.

УДК 433.94(47)

*Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Т.В. Ченская
Россия, г. Орел, тел. (4862) 76-07-68;
e-mail: tanechka-che@yandex.ru*

*Orlovsky State University
named after I.S. Turgenev
PhD in History,
Associate Professor of Russian History Chair
T. V. Chenskaya
Russia, Orel, tel. (4862) 76-07-68;
e-mail: tanechka-che@yandex.ru.*

Т.В. Ченская

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 20-Х – НАЧ.30-Х ГГ. XX В.

В статье рассматриваются последствия революционных событий 1917 г. для российского крестьянства. Государственные преобразования, ставшие следствием революционного переворота, привели к кризису крестьянской идентичности в 20-х – нач. 30-х годов XX в., базировавшейся на традиционной православной культуре, на ее этических, нравственных ценностях

Ключевые слова: революция 1917 г., РПЦ, крестьянство, идентичность, антирелигиозная пропаганда, советская деревня, НЭП.

T. V. Chenskaya

RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND THE CRISIS OF THE PEASANT IDENTITY OF THE 20TH - EARLY 30TH. YEARS

The article examines the consequences of the revolutionary events of 1917 for the Russian peasantry. The state transformations that resulted from the revolutionary upheaval led to a crisis of peasant identity in the 1920s and early 1930s, based on traditional Orthodox culture, on its ethical and moral values.

Key words: Revolution of 1917, ROC, peasantry, identity, anti-religious propaganda, Soviet village, NEP.

Революция 1917 г. стала величайшим переворотом в жизни российского народа, потрясшим основы существовавшего общества. Традиционно, считается, что революционные события, последовавшая за ними гражданская война имели трагические последствия для таких социальных слоев как дворянство, духовенство, интеллигенция, служащие, однако, и для крестьянства эти бурные годы имели необратимые последствия. Здесь речь идет не только о количестве людских жизней, потерянных в ходе бурных событий начала века и изменении социального положение деревенских жителей, но и о ломке традиционного уклада жизни российского крестьянства и как следствие – радикальное изменение внутреннего мира сельских жителей, настолько радикальное, что с полной уверенностью можно говорить о кризисе крестьянской идентичности. В качестве важного участника этого процесса выступало государство. Агрессивная пропаганда, транслирующая новые модели поведения интегрировало крестьянство в новую реальность.

В 20-е – 30-е гг. происходит трансформация традиционной крестьянской идентичности, базирующейся на православной культуре, на ее этических, нравственных ценностях и замена ее так называемой «советской» идентичностью.

Цель этой трансформации состояла в том, чтобы создать у деревенских жителей радикально новый набор убеждений о том, что такое хорошо и плохо, правильно и неправильно, о необходимости принадлежать советскому обществу, делить с ним свою жизнь, имущество, ставить во главу угла общественное в ущерб личному.

Внедрить новые убеждения невозможно, не сломав идентичность человека. В этой ситуации оказалась наиболее уязвимой частью сельского социума деревенская молодёжь – люди с подвижной, пластичной идентичностью, способные легко «потерять себя», они легче поглощали ту пропаганду, которая обрушивалась на советскую деревню. Те же, кто менее гибок и более привязан к своей идентичности, более устойчивы и постоянны, это как правило крестьяне более старших возрастов, полностью сформировавшиеся личности, оказались менее восприимчивы к идеологическим штампам.

Неотъемлемой частью государственной политики исследуемого периода являлось становление, динамика антирелигиозного сознания сельского населения. Идея бога занимала заметное место в крестьянской жизни. Поэтому для того чтобы расшатать базовые ценности традиционной крестьянской идентичности, нужно было посеять сомнения в религиозной картине мира. К этой цели государство шло несколькими путями: массовая атеистическая работа, закрытие церквей, замена традиционной церковной обрядности советскими аналогами, воспитание подрастающего поколения. Остановимся подробнее на этих процессах.

Координирующим и направляющим центром всей атеистической работы стал, созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников (СВБ). Структурно эта организация выглядела следующим образом:

- Центральный союз СВБ. Он проводил всю работу через соответствующие партийные, советские, профессиональные, кооперативные и другие общественные организации. С этой целью центральный союз СВБ находился в самой тесной связи с ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, Наркомпросом, Главполитпросветом, ВЦСПС. При нем существовал специальный отдел по работе среди национальностей, а при этом отделе имелись секции: татаро-башкирская, чувашская, мордовская, марийская и т.д. – всего 13. Татарская секция «Деглиряр» издавала даже специальный антирелигиозный ежемесячный журнал на татарском языке «Фен-Эм-Дин».
- Губсоветы СВБ осуществляли руководство в пределах своей губернии работой по антирелигиозной пропаганде. Организовывали при совете секции, особенно секций молодежи, женщин, нацменьшинств. Антирелигиозная пропаганда велась такими советами показательно и наглядно, для чего с одной стороны имелись музей или выставка-кабинет, с другой стороны «живая газета» как форма художественной агитации и пропаганды, уделялось внимание и воспитанию, а также подготовке нового «безбожного» актива. Здесь основную роль играли курсы кружководов и семинары в уездах и районах, кружки.
- Ячейки (низовая организация). Они организовывали лекции, кружки, уголки безбожника, стенгазеты, читки газет, экскурсии, распространение литературы и практические мероприятия, например, такие как антирелигиозные вечера. Безбожники стремились познакомить верующих с последними достижениями науки, организовывали показательные научные опыты и экскурсии в музеи, наблюдения над явлениями природы, посещали обсерваторию [1, С. 9-12].

На 1 января 1926 г. по всем организациям СВБ было 112 тыс. членов. К 1 января 1927г. число членов возросло до 200 тыс. чел. То же самое наблюдалось в отношении ячеек СВБ. Если к 1926 г. ячеек было 2421, то к 1927 г. их стало уже 4500. Из 200 тыс. членов СВБ 70 тыс. приходилось на деревню, 130 – на город [1. С. 6]. Только по одному городу Орлу и округу насчитывалось 127 ячеек СВБ с количеством членов 12763 [2, С. 4]. Массовыми тиражами начала издаваться антирелигиозная литература (в том числе и для детей), такая

как: газета и журнал «Безбожник», журналы «Антирелигиозник», «Атеист», «Безбожник у станка». Для расширения сферы деятельности и совершенствования антирелигиозной пропаганды в стране началась масштабная подготовка квалифицированных антирелигиозников-пропагандистов, во многих городах открывались антирелигиозные курсы и университеты. В 1928 г. в Москве были организованы курсы пропагандистов-антирелигиозников. В декабре 1928 г. открылся первый в СССР антирелигиозный университет, а уже в декабре 1929 г. аналогичный университет был открыт в Орле, где обучалось свыше 100 антирелигиозников. В 1930 г. был создан всесоюзный антирелигиозный университет, а в 1932 г. - преобразован в Центральный. Кроме широкой сети специальных курсов, школ, университетов, по подготовке пропагандистов и агитаторов-атеистов было принято решение об открытии антирелигиозных отделений при вузах, комвузах и техникумах, а при биологических, агрономических и медицинских факультетах специальных курсов и семинаров. В 1932 г. был открыт музей истории и атеизма.

Антирелигиозной пропагандой в деревне занимались, в основном, клубы, избы-читальни, красные уголки, где обязательно были и расширялись «уголки безбожника», устраивались атеистические выставки.

Деятельность безбожников среди крестьян особенно активизировалась во время крупных религиозных праздников: рождества, крещения, пасхи и др. СВБ рассылал на места лекторов, которые разъясняли происхождение религиозных праздников, на конкретных примерах и фактах показывали их вред для народа, в эти дни боролись с прогулами на работе.

По данным об антипасхальных кампаниях в деревнях Орловской губернии, по 32 избам-читальням было проведено: 130 бесед, 87 лекций, 154 громких чтот, 17 вечеров вопросов и ответов, 53 художественные постановки, организовано 24 ячейки СВБ и охвачено 16627 человек крестьянского населения Орловской области [3, Л. 25].

Пример Орловской области был не единственным, аналогичную картину можно было наблюдать и в соседних областях: с октября 1929 по апрель 1930 г. в Нижнее-Волжском крае было проведено 1608 на научно-атеистические темы и 5 выставок, которые посетило 9378 человек. В крае работали три антирелигиозных музея. В декабре 1931 г. Центральный совет СВБ послал 55 пропагандистов-антирелигиозников и 12 художественных бригад в колхозы Ленинградской области; Московский СВБ организовал антирелигиозные выставки, материалы которых располагались по темам: классовая сущность религии, контрреволюция под флагом религии, религия и война, безбожники на стройке социализма. Выставки были направлены в подмосковный угольный бассейн, на Бобриковское строительство, в совхозы и колхозы Московской области. Выставки сопровождал лектор-антирелигиозник. В 1932 г. во время рождества Центральный совет СВБ выпустил семь серий киноплёночных антирелигиозных диапозитивов, которыми иллюстрировались лекции и доклады на научно-атеистические темы [4, С. 7].

Система образования также была активным пропагандистом атеистических идей. Школы, как правило работали в двух направлениях: с подрастающим поколением и с родительской массой. При школах существовали даже кружки «Юных безбожников», которые выпускали специальные номера стенгазет и листовки, устраивали с помощью учителя лекции и диспуты на естественнонаучные темы. В работе антирелигиозных кружков участвовали ребята 14 – 15 лет и старше. Для них существовала специальная программа, составленная советом СВБ и одобренная Главсоцвосом. Работа среди родителей велась в другой форме: постановка антирелигиозных докладов на родительских собраниях, беседы, вечера вопросов и ответов, участие с детьми в антирелигиозных постановках. Нередко антирелигиозные постановки, сделанные школами и их родителями, проходили на открытом воздухе, привлекая тем самым большое количество зрителей. Но еще большее эмоциональное воздействие на сельских жителей оказывали профессиональные постановки,

представленные театрами. Например, московский театр «Водевиль» организовал специальную летнюю поездку по Московско-Казанской железной дороге с пьесой «Праздник святого Йоргена» для крестьянских масс [4, С. 7].

Государство не ограничивалось одной лишь антирелигиозной пропагандой, переломный момент перехода от НЭПа к политике коллективизации ознаменовался радикальными мерами в деревне – закрытием церквей.

Так, например, в Орловском округе в 1930 г на заседании окрисполкома было санкционировано закрытие 12 церквей. В деревнях Верховского района, по предложению культурмейцев, также было принято решение закрыть три церкви, по их же инициативе закрылась церковь и в Клейменовском сельском совете. Более того, культурмейцы все того же Клейменовского сельского совета собрали по хатам крестьян 400 икон и в ночь под Рождество 6 января при громадном стечении народа сожгли изображения святых на костре. Такое же сожжение было произведено и в деревне Скородное (Верховский район) [5, С. 3]. В Малоархангельском районе в рождественскую кампанию было закрыто 3 церкви [6, Л. 3].

И как следствие – рост массовых выступлений на религиозной почве, как по Орловской губернии (особенно во Мценском уезде [7, Л. 102]), так и по всей стране. Агрессивные меры со стороны государства вступали в конфликт с традиционными крестьянскими ценностями, вызывая активное сопротивление. Если в 1926 – 1927 гг. случаи выступлений на религиозной почве единичны, то в 1928 г. по Союзу зарегистрировано на этой почве до 44 выступлений, из которых 29 имели место за период июль – декабрь. По числу выступлений особенно выделялся центр, где отмечено свыше 30% всех выступлений за 1928 г. По районам массовые выступления на религиозной почве распределялись следующим образом: Центр — 15, СВО — 5, ЦЧО — 2 [8, С. 819]. В среднем на каждое выступление приходилось примерно до 275 чел. Следует отметить, что основной контингент участников выступлений формировался преимущественно из женщин. Мужчины в числе участников составляли лишь незначительный процент [8, С. 819]. Это побудило государство особое внимание уделить антирелигиозной работе среди женщин. Осенью 1930 г. по постановлению Центрального совета союза воинствующих безбожников во Владимире были созданы специальные курсы для активисток-безбожниц. В среднем по всему союзу в организациях СВБ насчитывалось около 20% женщин. Были организации, как, например, Красноярская, где женщин 50%, но были и такие губернии, как, например, Псковская, где женщин только 9% [1, С. 7]. В поступавших с мест материалах антирелигиозной пропаганды среди женщин встречались такие факты: в Новосильском уезде антирелигиозная пропаганда велась через красные уголки, избы-читальни, делегатские собрания, которые охватывали 2843 женщины, после чего в деревне появились случаи гражданских браков, крестьянки стали посещать кружки безбожников, меньше соблюдались посты и крещения детей. При обсуждении вопроса о закрытии церкви делегатки голосовали за ее закрытие и передачу под избу-читальню. В Малоархангельском уезде крестьянки, прошедшие делегатские собрания, становились менее религиозными и суеверными, реже обращались к знахаркам, были случаи отказов принять попа, проводились октябрины, называли детей революционными именами. В Дмитровском уезде антирелигиозная пропаганда среди женской части сельского социума проводилась путем бесед в специальные «дни крестьянки» при избах-читальнях и читки журнала «Безбожник» [9, Л. 18]. Проводилась работа по вербовке крестьянок в ячейки безбожников. Как правило, в организациях СВБ на 4 мужчины приходилась 1 женщина [1, С. 7].

В результате активной деятельности государства стали появляться деревни и села полностью «безбожные», как, например, село Верхнее-Туличеево в Воронежской губернии. Там все население – атеисты, а в бывшей церкви устроили клуб безбожников имени Ленина. В этом селе собирались конференции безбожников, село пыталось оказывать влияние и на соседние деревни [10, С. 11]. Съезды безбожников были популярной в то время формой

работы с населением, в 1927 г. в Болхове проходил такой съезд, где обсуждались вопросы сектантского движения и методы борьбы с ним, отчет уездного совета безбожников, выборы уездных советов безбожников [11, С. 2].

Религиозные обряды заменялись новыми – «красными» обрядами. Наиболее ярким и характерным примером для первых лет советской власти были октябрины (советский аналог крестин), так и не прижившиеся впоследствии. М. Данилевский приводит сценарий октябрин, подготовленный на курсах по переподготовке руководителей драмкружков в 1924/25 учебном году: (Ребенку только что дали имя). На сцену выходит пионер, приближается к матери, у которой находится на руках ребенок, прикалывает к одеялу алый бант и приветствует новорожденного. Пионеры хором исполняют боевую песню. Пионер передает затем ребенка комсомольцу. Представитель комсомольской ячейки приветствует родителей... Оркестр играет комсомольский гимн [12, С. 8]. Важно отметить, что приведенный сценарий активно внедрялся в практику проведения новых советских крестин.

Специальные издания обличали суть и процедуру «старой свадьбы», отмечая, что «участвуя в обычной свадьбе, нужно постепенно вводить в нее новые песни, новые свадебные игры, новые обряды» [13, С. 5]. Таким образом, вместо прежней свадьбы – комсомольская свадьба.

Комсомольская свадьба исключала церковный обряд венчания и заменяла его гражданским с регистрацией в ЗАГСе, так как церковный обряд, с точки зрения новой власти «помимо своей суеверной основы и по содержанию не соответствует новым равноправным семейным отношениям» [13, С. 31], а запись в ЗАГСе «есть торжественное принятие крестьянским обществом в свою среду новой хозяйственной единицы, как члена создающего союза трудящихся» [13, С. 33]. Как правило, такое торжество заканчивалось исходя из важной «хозяйственно-политической» сущности комсомольской свадьбы пением интернационала – гимна трудящихся. Внутреннее содержание старой свадьбы также приводилось в соответствие с новыми реалиями: делалась перелицовка старых известных песен на новый лад, наполняя их новым содержанием, и частушек:

Не грози отец рукою,
Я не испужалася
Полюбился мне селькор,
Без венца венчались [13, С. 46].

Конечно, в большей степени в поле деятельности советского государства втягивалась деревенская молодёжь, которая активно воспринимала все новое, хотя немного оглядываясь назад, которая с большой радостью встречала представителей города, которая хотела воспринять новую культуру. Советская деревня 20-х годов по своему возрастному составу была молодой: в 1926 г. более 50% крестьянского населения страны составляли люди в возрасте до 25 лет. И от того, что будет заложено в сознании подрастающего поколения, во многом зависело будущее не только советской деревни, но и всей страны. Крестьянская молодежь 20-х годов росла и воспитывалась в иных социальных условиях, чем ее родители. Существенно менялся ее досуг (государство и эту сферу взяло по свой контроль): устраивались красные вечера, красные улицы, где пели революционные песни, играли в новые игры («индейский танец», «третий лишний», «телефон»).

В Орловском уезде, например, волкомы в летний период занимались организацией ядер досуга, улиц при избах читальнях и красных уголках. В некоторых волорганизациях проводились конкурсы плясунов, декламаторов, запевал (Станоская, Ленинская, Кудиновская волости). Особенно популярны были конкурсы гармонистов, они дважды (в апреле и мае) проводились в 6 волорганизациях, в которых участвовало 40 гармонистов. Кроме волостных был проведен уездный конкурс гармонистов, где приняли участие 15 человек из 6 волостей. По уезду действовало 9 ядер по организации досуга молодежи в пяти волостях (Гатищенская, Кудиновская, Медвеженская, Ольшанская, Ленинская). Эти ядра

привлекли 92 активиста, из которых 6 гармонистов, 9 запевал, 3 балалаечника, 21 плясун и масовиков (организаторов) – 53 человека. Причем, девушек – 7 человек, а юношей – 85 [14, ЛЛ. 65, 66.].

Примером организации красной улицы, может служить Медвеженский волком, где ядро досуга заранее запланировало и провело такую улица. Оно задействовало 6 плясунов, привлекло гармониста, провело с ними несколько репетиций, за неделю до улицы, подобрало несколько песен, частушек из песенника и Правды молодежи, разучили их с деревенской молодёжью и на улице организованно их исполнили. Красная улица прошла оживленно, весело, все остались довольны. Кроме того, ядро готовило вечера самодеятельности в нардоме и избе-читальне. К этим вечерам разучивала песни, частушки, игры, выделяла декламаторов [14, ЛЛ. 65, 66.].

Работа с деревенской молодёжью была направлена не только на создание управляемого досуга, но и была тесно связана с проводимыми в стране агиткампаниями, с международными событиями, тем самым подспудно влияя на формирование внешнеполитических стереотипов в крестьянской среде. Показательными в этом плане были две инсценировки, подготовленные уже упоминавшимся нами ядром досуга, в них были отражены агиткампания по сельскохозяйственному налогу на 1927 – 1928 г. и разрыв дипломатических отношений Англии с СССР. В первой был изображен крестьянин и сельскохозяйственный налог, во второй – крестьянин, разговаривающий с Чемберленом (последний угрожал порвать дипломатические и экономические отношения, а крестьянин заявлял: нас, мол, не запугаешь, говорит ему о союзе города с деревней). Даже взрослые крестьяне принимали участие в инсценировке. Эти вечера привлекали с каждым разом все большее внимание молодежи. Примерная посещаемость такого вечера от 100 до 200 с лишним человек [14, ЛЛ. 65, 66.].

Все это было эмоционально заразительным, давало возможность проявить себя и потому легко усваивалось молодёжью как альтернатива традиционной крестьянской идентичности, что не могло не сказаться на ее жизненной позиции. Молодежь более решительно отказывалась от религиозных взглядов и во многом ориентировалась на иные жизненные идеалы и ценности, чем старшее поколение.

Таким образом, революция 1917 г и последующая за ней трансформация сельского социума при активном вмешательстве государства в традиционный социально-бытовой уклад жизни российской деревни интегрировали крестьянство в новую реальность, менялся внутренний мир целого поколения деревенских жителей. Столкновение различных представлений о социальной действительности и своего места в ней рождало конфликт ценностей в сознании крестьян, что привело к кризису крестьянской идентичности 20-х – 30-х гг.

Библиографический список

1. Безбожник. 1926. № 23-24.
2. Орловская правда 1931. 23 июля.
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО) Ф. П-48. Оп. 1. Д. 139. Л. 25.
4. Безбожник. 1926. № 5.
5. Орловская правда. 1930. 16 января.
6. ГАОО Ф. П-48. Оп. 1. Д. 418. Л. 3.
7. ГАОО Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 583. Л. 102
8. Советская деревня глазами ОГПУ. Т.2 1923 – 1929. М. РОССПЭН 2000
9. ГАОО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1890. Л. 18.
10. Антирелигиозник. 1926. № 4.
11. Орловская правда. 1927. 28 декабря.

12. **Данилевский М.** Праздники общественного быта. Торжественные заседания, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика. М., Л. 1927.
13. **Марков В. Д.** Красная свадьба в деревне. М., 1927.
14. ГАОО Ф. П-1281. Оп. 1. Д. 79.

УДК 930.2+328+329

*«Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина»
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и археологии
Д.В. Щукин
Россия, г. Елец, тел. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru*

*«Yelets State University
named after I.A. Bunin»
PhD in History, Associate Professor of the chair of
history and archaeology
D.V. Shchukin
Russia, Yelets, tel. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru*

Д.В. Щукин

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ПРОСТРАНСТВЕ МОДЫ И КУХНИ

В статье рассматриваются особенности пространства повседневности России периода революционных потрясений 1917 года через моду и кухню. Отмечается, что исторические процессы развития как мировой, так и российской государственности всегда сопровождались «историческими переменами» в моде и кухне (кулинарных и пищевых предпочтениях). Причина – исторические перемены в жизни самого общества, изменение внешнего облика людей конкретной «эпохи», духовно-нравственных и морально-ценностных установок.

Ключевые слова: революция 1917 года, Российская империя, политические партии, большевизм, повседневность, мода, кухня.

D.V. Shchukin

DAILY REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN THE SPACE OF FASHION AND FOOD

The article discusses the features of the space of everyday life of Russia during the revolutionary upheavals of 1917 through fashion and cuisine. It is noted that the historical processes of development of both global and the Russian state was always accompanied by a "historic change" in fashion and cuisine (cooking and food preferences). The reason is historical changes in the life of the society, to change the appearance of the specific "era", the spiritual and moral values.

Key words: revolution of 1917, the Russian Empire, political party, Bolshevism, everyday life, fashion, cuisine.

В преддверии столетия революционных потрясений 1917 года в России ученые, публицисты, профессиональные историки обращаются к событиям вековой давности. Интерес современности к событиям революции 1917 года продиктован не только потребностью выработки некоего «согласия» в оценках данного исторического явления современным российским обществом, но и активизацией за последнее время изучения пространства повседневности России начала XX века и его представления широким массам. При этом образ России во время революционного перелома начала XX века через практику повседневности любопытен не только обывателю, но крайне привлекателен и для современного поколения исследователей отечественной истории.

Особый интерес в изучении повседневной истории российского общества «эпохи революционных перемен» начала XX века представляет мода и кухня.

© Щукин Д.В., 2017

Здесь стоит отметить, что в системе и практике исторического исследования время как константа всегда имеет свою «ценность», «специфику», «приметы» и «наследие». При этом время – это ещё и «отражение» истории развития, как самого института государственности, так и социально-общественного, духовного и культурного развития общества. Одним из ярких элементов этого «отражения» является пространство моды. мода во все времена выступала неотъемлемой частью исторического процесса развития человечества, становясь при этом специфическим «символом» той или иной эпохи и характеризуя «свое время». При этом мода – это всегда некая «форма», а форма в свою очередь определяет «тон» моды.

При этом очевидным выступает тот факт, что исторические процессы развития как мировой, так и российской государственности всегда сопровождались «историческими переменами» моды. Смена эпох и властителей, режимов и устоев, периоды острых социальных потрясений и революций всегда сопровождались изменениями в моде. Причина – исторические перемены в жизни самого общества, изменение внешнего облика людей конкретной «эпохи», духовно-нравственных и морально-ценностных установок. Особое влияние на моду всегда оказывали также политические процессы и господствующая идеология. Революционные события в России начала XX века не исключение.

В контексте данного отметим, что «феномен» моды времени революционных событий 1917 г. можно проследить по одежде представителей политических партии России начала XX века (особенно большевиков) и одежде пролетариата.

Особое символическое значение в цветовом решении верхней одежды - костюма «эпохи 1917» приобрел несомненно цвет знамени революции - красный. Мужчины носили солдатские гимнастерки с широкими кожаными ремнями (при наличии), френчи, сатиновые темные косоворотки с городскими пиджаками [1]. Женщины носили платья из солдатского сукна или холста, прямые юбки, ситцевые блузки и куртки, красные платки и косынки, повязанные на лоб, с узлом на затылке. Знаковыми элементами образа женщины эпохи революции были короткие стрижки, красные платки или заломленные кепки, блузки или гимнастерки, также они носили прямую юбку чуть ниже колена или галифе [2, С. 208].

Отличительными элементами одежды революционных лет стали кожаная куртка, «буденовка», ленинская кепка, красные женские косынки и т. д. Знаменитые кожанки красных комиссаров стали символом новой власти и демонстрировали привилегированное положение своего хозяина. Так, в романе Островского «Как закалялась сталь» главному герою удается попасть в поезд, лишь переодевшись в кожанку и угрожая оружием, то есть, указывая своим видом на принадлежность к органам власти [4]. Пик популярности кожанки приходится на 1917 – первую половину 1920-ых годов.

Кожаное обмундирование появляется в России в начале XX века, в основе кроя лежала французская двубортная куртка. В императорской России такую форму в основном имели шоферы и летчики. Историки придерживаются мнения, что кожаные куртки, выданные чекистам в качестве униформы, были пошиты во время Первой мировой и случайно обнаружены на царских складах после революции. Позднее такие куртки старались заполучить советские служащие и комсомольские активисты, чтобы внешне обозначить свою причастность к новой власти [5].

Кожанка стала символом власти и негибкой воли вождей революции, чекистов и партийцев. Костюм дополняли брюки-галифе, высокие сапоги, ремень и фуражка, кепка, либо «буденовка». Буденовка была утверждена либо в 1918 году на основании конкурса, либо появилась еще в царской России. В постановлении Реввоенсовета дается описание нового головного убора:

«Головной убор состоит из колпака по форме головы, суживающегося кверху и имеющего вид шлема, и отгибающихся на затыльнике и козырька. Колпак состоит из шести одинакового размера кусков мундирного сукна защитного цвета формы равнобедренного

сферического треугольника, сшиваемых один с другим по боковым сторонам так, что вершины треугольника сходятся наверху в центре колпака, причем вершина колпака делается притупленной. В вершину колпака вовнутрь вшивается круглая пластинка, обтянутая сукном, диаметром около 2 сантиметров. Спереди к колпаку головного убора, симметрично по отношению к козырьку, пришивается пятиконечная звезда из цветного сукна, обращенная острым концом вверх. В центре звезды укрепляется значок-кокарда установленного образца с эмалью вишневого цвета» [6].

Первыми «богатырку» надели красноармейцы, поступившие в отряд М. В. Фрунзе, поэтому ее называют также «фрунзевкой». Чуть позже появился и зимний вариант «богатырки», который и получил прозвище «буденовки» - по дивизии С. М. Буденного, в которой он впервые появился.

Так, руководитель Октябрьской революции В. И. Ленин, несмотря на дворянское происхождение, одевался по-пролетарски. Обыкновенный пиджачный костюм-тройка, галстук, двубортное пальто, кепка с козырьком французского образца, которая, несомненно, стала одним из символов революции. Ленинская кепка была чрезвычайно популярна в партийных кругах и постепенно вышла из моды лишь после смерти вождя. Также в Горках Ленин носил френч или простую косоворотку. Ленин был прост и непритязателен в быту и одежде, за его стилем скорее всего следила сестра Мария. К. Цеткин пишет: «...[в 1920 г.] Ленин показался мне не изменившимся, почти не постаревшим, я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 г.». [7]

Таким образом, новые тенденции моды, конечно, воплощались в форме одежды представителей «новой власти» пришедшей на смену монархическому строю в России в результате революционных событий 1917 года. При этом создавая «неповторимый шарм» новой «красной политической силы», выделяя её из общей массы, мода периода 1917 года, таким образом, выполняла своеобразную роль «визитной карточки», которая давала четкое представление представителем «старого режима» и врагам революции о том «какой человек» стоит перед вами и чье наступило время.

В свете заявленной темы обратим внимание и на пространство кухни периода «революционных потрясений» в России начала XX века.

На фоне революционных изломов 1917 года и Первой мировой войны в России сокращалось количество населения, занятого в производстве, продовольственные запасы страны истощались. В своей работе В. Похлѣбкин пишет: «Пищевое сырье рассматривается в эти исторические периоды исключительно как средство выживания человека, и о свойствах пищевых продуктов иного плана в такие годы вообще речи не ведется». [8]

Такие продукты как мед, чай, дикие полезные травы, лук, чеснок являются наиболее важными в вопросе преодоления голода, насыщения организма питательными веществами, помогают организму в чрезвычайной обстановке. В голодное время было важно не только наличие продуктов питания, «пищевого сырья», но и умение приготовить из него непосредственно «еду».

Ухудшение продовольственного положения чувствовалось уже в феврале 1917, причем не только в странах-участницах войны, но и в странах, сохраняющих нейтралитет. Конкретно в России продуктов питания не хватало из-за нужд войны, так как миллионы людей уходили с полей и заводов в армию, что вызывало сокращение производительности хозяйства. Катастрофически росли цены, это, в первую очередь, отразилось на высших слоях рабочих, которые теперь не могли себе позволить покупать прежний объем продуктов. «Всюду в муке ощущается страшная нужда, и отсутствие ее - при отсутствии в продаже мяса и молочных продуктов, при безумной дороговизне рыбы и грибов - является наиболее тяжким лишением в последнее время», - отмечает начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев [9]. Так, на февраль 1917 г. молоко достигло в своей цене 40

копеек (не стерилизованное), мясо 80-85 копеек, грибы 6-7 и 8 рублей за фунт, леденцы 2 рубля (вместо 25 к. в 1914 г.). Уже в марте 1917 года, ввиду дефицита, Временное правительство решило ввести монополию на хлеб и хлебные карточки.

В результате проведенного комиссией Г. В. Плеханова исследования был определен прожиточный минимум железнодорожных рабочих на весну-лето 1917 г. и так называемые «кулинарные стандарты» того времени. Так, до начала дефицита, хлеба потребляли около 820 г на человека в день, то есть 1 фунт белого хлеба и 1 фунт черного, ржаного. Завтрак состоял из чая с молоком или просто молока, а также хлеба, смазанного сливочным маслом. Таким же был и ужин. Масло в среднем 30 г в день на человека, молоко – около 0,4 л. Пример обеда: мясной суп (рецепты у каждой хозяйки, естественно, были различны), с мясом около 210 г на человека, жареная рыба (на 270 г) с картошкой (около 300 г). Также на жарение расходовалось около 200 г топленого масла. Сахар потреблялся приблизительно по 40 г в день. Все это считалось нормальным или в некоторых случаях желаемым в среде рабочих высокой квалификации.

В контексте данного отметим, что с началом Гражданской войны 1918 – 1922 гг. такой «стандарт» питания был значительно сокращен. С 1918 года заметно меняются привычки питания – вместо первого, второго и третьего в России стали часто кушать всухомятку, а также только одно блюдо в обед. В мае 1918 Лев Дейч отмечает в дневнике: «С сегодняшнего дня выдача по восьмушке хлеба!» (1/8 фунта = 50 г) [8].

Повышение цен отразилось особенно на буржуазии и интеллигенции, вынужденных покупать продукты. Для рабочих же существовала система распределения продуктов питания на предприятиях, а также столовые и буфеты с невысокими государственными ценами. Возле магазинов вырастали очереди-хвосты.

27 июля 1918 г. Наркомпрод принял специальное постановление о введении повсеместного классового продовольственного пайка с разделением на четыре категории, предусмотрев меры по учету запасов и распределению продовольствия. Товарно-денежные отношения различными декретами постепенно ликвидировались.

К.И. Чуковский писал о себе тогда следующее: «Бегаю по комиссарам и ловлю паек. Иногда мне из милости подарят селедку, коробку спичек, фунт хлеба — я не ощущаю никакого унижения и всегда с радостью, как самец в гнездо, бегу к птенцам, неся на плече добычу» [8].

«Система пайков стала настоящим символом рассматриваемой эпохи и мерилom социального статуса человека в 1918 - 1920 гг., - указывает В. Похлебкин, - что сам Чуковский так характеризует семью своего знакомого: «Рождество (Новый год с 1919 на 1920 г.) провел у Даниила Гессена. У него прелестные миндалевидные глаза, очень молодая жена и балтфлотский паек». [8]. Неким пищевым символом революционных лет стали семена подсолнечника, употребление которых ранее было чертой маргинальных масс. «Улицы загажены бумагой, грязью, экскрементами и шелухой семечек подсолнечника, русским эквивалентом скорлупы арахиса, выполняющего ту же роль в Америке», - вспоминает П. Сорокин. На неопределенную ситуацию в столице указывает и Н. Окунев, отмечает, что по тротуарам ходить стало мягко: лоскуты бумаг, папиросные коробки, объедки, подсолнечная шелуха, а дворники сидят себе на тумбах, погрызывают семечки да поигрывают на гармошках [10].

В интересах затронутой темы обратим внимание и на рацион и предпочитаемых продуктах питания лидеров партии большевиков. В.И. Ленин был неразборчив в еде, кулинарные предпочтения сформировались у него в детстве в результате слияния традиций русской и немецкой кухни: супы молочные, растительные, крупяные; хлеб черный в будни к обеду, к чаю или ужину – белый; отсутствовало сладкое – табу матери Ленина.

Жена В.И. Ленина, Н. К. Крупская, хотя готовить практически не умела и не любила, пыталась наладить «домашнее питание» для мужа, страдающего расстройствами желудка.

Ели чаще всего раз в день, в полдень (старались употреблять горячее), вечером – чай. Часто в рационе присутствовало молоко и яйца, что, по мнению некоторых исследователей, и способствовало быстрому износу организма (яйца вызывают склеротические изменения мозга, молоку взрослым людям лучше предпочитать кисломолочные продукты). В 1917 г. У Ленина возникает «кулинарное» увлечение – чай, часто очень крепкий. Поэтому-то одним из первых декретов Советской власти был декрет о чае и создание Центрочая.

К. Цеткин вспоминает ужин в семье Ленина: «Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, чёрного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем» [11].

То же встречаем у Десницкого: «[Ленин] Настойчиво угощал нас: - Ешьте, сыр, хлеб свежий, мягкий. Вишни ешьте, только что куплены, вымыты...» [12, С. 102]

В период Гражданской войны питание Владимира Ленина стало еще более скудным, в тяжелое для народа время он старался не выделяться изысками своего меню, питался всухомятку, редкими стали привычные молоко и яйца. Примечательно, что рацион Ленина был более полноценным и разнообразным при нахождении в ссылках и тюрьмах, нежели при жизни на свободе. Так, будучи в Красноярске его меню составляют телятина, щи с грибами, вареная рыба, пельмени, шанежки, баранина с кашей и др. В Мюнхене же на свободе, снимая квартиру у немки, питался ее вермишелью, макаронами и клецками. Л.Г. Дейч вспоминал, что сославшиеся на каторгу в царской России получали в день 2 с половиной фунта хлеба (1 кг) и 136 г мяса (больше, чем отпускалось рабочим и солдатам в 1930 г. по карточкам). Крупа, овощи, сало, зелень выдавались фактически без ограничений [13].

Нельзя сказать, что другие большевики питались как-то иначе. Кухня Кремля не отличалась продуманностью и изысканностью, сохранились воспоминания современников о том, что она являлась одним из худших общепитов России. В 1919 г. там могли подавать «суп из воды, заболтанной ржавыми отрубями с запахом селедки, на второе селедку с гарниром из пшенной каши, жидкий чай с одним куском сахара и черный хлеб – наполовину с мякиной». Периодически там обедал и В.И. Ленин [14].

В 1917 г. вышел сборник рецептов «самых простых, скорых и дешевых блюд». Среди них вариант приготовления супа: грибной бульон, натертый черствый хлеб, обжаренная луковица, сметанная заправка. Также другой рецепт: обжарить с маслом измельченную морковь, репу, корень петрушки, залить горячей водой, добавить нарезанные грибы и прокипятить. Добавить макароны и заправить поджаренным луком и мукой. Если средства крайне ограничены, то можно сварить этот суп без овощей и грибов, только с поджаренным луком.

С черствым хлебом также предлагалось приготовить яичницу: обжарить кусочки хлеба, размешать 1 яйцо с парой ложек молока, соединить с сухарями и довести до готовности. Другой вариант второго блюда – «кушанье из баранков» - размоченные кипятком баранки, обжаренные в масле с луком, маковым молоком или клюквенным киселем. На десерт - быстрый кисель: залить горячей водой монпансье или карамель, добавить лимон или яблоко, прокипятить, вынуть лимон, заправить картофельной мукой. [14]

Таким образом, пищевые предпочтения в эпоху российской революции 1917 года были довольно скромны не только среди простого люда, но и в высших кругах общества. Характерной чертой времени стали очереди в магазинах, нехватка продуктов, спекуляция. Масштабы нехватки иллюстрирует тот факт, что по карточкам при советской власти рабочим доставалось хлеба меньше, чем заключенным при царском режиме. В условиях дефицита продовольственных товаров рецептура привычных блюд претерпевала изменения. Важным стало не только наличие продуктов питания, но и умение приготовить еду из их ограниченного запаса, умение создать что-то вкусное «из того, что было».

В конечном итоге, нет сомнений, что в объеме одной научной статьи сложно отразить изменившееся в свете революционных событий 1917 г. пространство повседневности России. Вместе с тем, затронутые в рамках данной работы аспекты создают на наш взгляд жгучее любопытство и острое желание взглянуть на политическую составляющую российского обывателя «эпохи революционных потрясений» начала XX века. А попытка найти ответы и раскрыть образы «революционной политической силы 1917 г.» через пространство моды и кухни формирует своё идентичное полотно исторических событий этого уникального и неповторимого в отечественной истории времени.

Библиографический список

1. Костюм советского периода (1917-1980 гг.) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://afield.org.ua/mod3/mod83_1.html (дата обращения: 8.10.2017)
2. **Захаржевская Р.В.** История костюма: От античности до современности / Р.В. Захаржевская - М., 2005. - 288 с.
3. **Островский Н.А.** Как закалялась сталь [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://lib.ru/> (дата обращения: 5. 10. 2017)
4. Кожанка красных комиссаров [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mylitta.ru/270-leather-jacket.html> (дата обращения: 4. 10. 2017)
5. «Богатырка», «фрунзевка», «буденовка» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/artifacts/12930/>. (дата обращения: 4. 10. 2017)
6. **Цеткин К.** Воспоминания о Ленине [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/247749-vospominaniya-o-lenine.html> (дата обращения: 8. 10. 2017)
7. **Похлебкин В.В.** Кухня века [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/35857> (дата обращения: 13. 07. 2017).
8. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева директору Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 23-32 об.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://istmat.info/node/22116> (дата обращения: 9. 10. 2017).
9. Свободная история. 1917 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://project1917.ru/> (дата обращения: 13. 07. 2017).
10. **Цеткин К.** Воспоминания о Ленине [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/247749-vospominaniya-o-lenine.html> (дата обращения: 28. 09. 2017).
11. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. Сост. и вступ. ст. И. С. Израильской. - М.: Правда, 1990. - 592 с.
12. **Похлебкин В. В.** Что ел Ленин [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/chto-el-lenin-read-75368-1.html> (дата обращения: 5. 10. 2017).
13. Кухня и революция: рецепты 1917 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vakin.livejournal.com/1566381.html> (дата обращения: 8. 10. 2017).
14. **Савицкая М.А.** Кулинарный сборник самых простых, скорых и дешевых блюд / М.А. Савицкая – М., 1917. – 56 с.

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 94(420)01+235.3

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
Болдырева И.И.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 252-47-38;
e-mail: boldyrevairi@mail.ru

Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
Phd in History, Associate Professor of
philosophy and Humanity Sciences Department
Boldyрева I.I.
Russia, Voronezh, tel. (473) 252-47-38;
e-mail: boldyrevairi@mail.ru

И.И. Болдырева

ПОЧИТАНИЕ СВЯТОЙ ЭТЕЛЬТРИТЫ ИЛИЙСКОЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье изучаются особенности почитания преподобной Этельтриты Илийской в раннесредневековой Англии. На материале нарративных источников автор показывает, что в исторической памяти VIII – X веков аббатиса Этельтриты осталась не как достойная монастырская начальница, но, прежде всего, как монахиня-дева, снискавшая известность выдающейся телесной чистотой, смирением и индивидуальными аскетическими подвигами.

Ключевые слова: англосаксы, женское монашество, Этельтриты Илийская, средневековая агиография, Беда Почтенный.

I.I. Boldyreva

THE VENERATION OF SAINT AETHELTHRYTH OF ELY IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND

The paper focuses on specific features of St. Aethelthryth's of Ely veneration in the early medieval England. Based on the evidence of narrative sources, the author shows that in the historical memory of the VIII – Xth centuries abbess Aethelthryth remained as a virgin nun, famous for her distinguished chastity, humility and austere life, rather than a dignified mother superior.

Key words: the Anglo-Saxons, female monasticism, Aethelthryth of Ely, medieval hagiography, Bede the Venerable.

Письменные источники, повествующие о событиях и людях англосаксонской Англии, сохранили имена многих политических и церковных деятелей той эпохи. В сознании средневековых историков, хронистов и агиографов наиболее значительными фигурами их времени были представители высшей знати, епископы, короли, святые. Начало христианизации англосаксонских варварских королевств приходится на понтификат Григория Великого (590 – 604), и уже в VII веке распространяется почитание первых национальных святых, отдельную категорию которых составляли преподобные жены.

© Болдырева И.И., 2017

В настоящей статье речь пойдет о преподобной Этельтрите Илийской (ок. 630 – 679) – королеве Нортумбрии, первой игуменье Илийского монастыря и одной из наиболее почитаемых англосаксонских подвижниц.

Основные сведения о жизни святой Этельтрыты мы находим у ученого монаха Беда Почтенного (ум. 735), который был ее младшим современником и первым биографом. Он посвящает Этельтрите 19 и 20 главы четвертой книги своего знаменитого сочинения «Церковная истории народа англов» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*). В изложении Беда духовная биография Этельтрыты сохранила отдельные черты житийного жанра, но вместе с тем предоставляет важную информацию об исторической личности аббатисы и истоках ее культа.

Беда сообщает, что Этельтрыта родилась в благочестивой христианской семье короля восточных англов Анны. В ранней юности ее выдали замуж за правителя Южного Гирве, который умер вскоре после свадьбы. Со своим вторым супругом королем Нортумбрии Экгфридом Этельтрыта жила в полном воздержании. Лишь спустя 12 лет супружества Этельтрите удалось убедить мужа разрешить ей посвятить себя служению Богу. Приняв постриг от святителя Уилфреда Йоркского, она удалилась в Колдингемпский монастырь, настоятельницей которого была Эбба, тетка короля Экгфрида. Спустя год Этельтрыта возвратилась к себе на родину, где ее назначили игуменьею двойного монастыря в местечке Или (*Elge*). Проведя здесь семь лет в монашеских подвигах, святая умерла от бубонной чумы [6, Р. 390–392].

О жизни илийской общины в период настоятельства Этельтрыты, Беда ничего не пишет и, напротив, уделяет повышенное внимание ее индивидуальным аскетическим подвигам. По его словам, Этельтрыта отличалась смирением, носила власяницу, была очень воздержна в пище, стяжала дар прозорливости и предсказала собственную кончину. При перезахоронении ее останков спустя 16 лет после смерти было обнаружено нетленное тело и погребальные пелены. Именно с этим событием связаны упоминания о первых чудотворениях Этельтрыты. «Случалось, – пишет Беда, – что прикосновением этих льняных тканей изгонялись демоны из тел одержимых ими, а иногда исцелялись и другие болезни. Говорят, что гроб, в котором она была похоронена прежде, исцеляет от глазных болезней; те, кто помолятся, положив голову на гроб, быстро получают избавление от боли и тусклости в глазах» [1, С. 138].

Феномен нетления тела первой илийской настоятельницы Беда объяснял ее непорочностью после многих лет супружества, которая, по его мнению, составляла главную добродетель этой святой. Этельтрыта была старшей современницей агиографа, что в немалой степени способствовало достоверности его информации. Свое повествование Беда основывает на воспоминаниях людей, лично знавших святую. Среди них – монастырский лекарь Кинетрид, оперировавший Этельтрыту во время ее болезни и присутствовавший при открытии мощей. Кинетрид был одним из первых, увидевших нетленные останки и смог убедиться, что рана от его скальпеля затянулась, оставив едва заметный шрам [6, Р. 394]. Другой свидетель, на чьи слова ссылается Беда – его друг и духовник св. Этельтрыты епископ Уилфред Йоркский. Именно он поведал Бедо о разногласиях королевы с ее вторым мужем, не желавшим отпускать жену в монастырь. По признанию Уилфреда, король Экгфрид неоднократно обращался к нему с просьбой отвлечь супругу от мыслей о монашестве и убедить ее довести их брак до конца. Правитель обещал епископу имения и деньги [6, Р. 390–392]. Беда не сообщает, пытался ли святитель Уилфред помочь королю. Тем не менее, после ухода королевы в монастырь отношения Экгфрида с епископом резко ухудшились, и епископ Уилфред подвергся продолжительным гонениям со стороны короля и его родни [12].

Когда Этельтрыта была причислена к лику святых, достоверно не известно. Это могло произойти вскоре после записи первых чудотворений в период настоятельства ее сестры

вдовствующей королевы Сеаксбурги, по чьей инициативе и была вскрыта гробница [6, Р. 392]. Этельтрита Илийская – одна из четырех англосаксонских подвижников, о нетлении мощей которых сообщает Беда. Факт наличия нетленных мощей способствовал укреплению культа св. Этельтриты в последующие столетия. Свидетельства ее почитания сохранили многочисленные календари, а также «Древнеанглийский мартиролог», составленный в конце VIII – начале IX вв. [10, Р. 102–103]. Этот памятник содержит краткое изложение житий более 200 ранних христианских святых. Статьи приурочены к дням поминовения и расположены в порядке годового круга церковных богослужений. Из них лишь четыре посвящены англосаксонским женам, хотя из календарей известно, что почитаемые англосаксонские подвижницы были более многочисленны. Как правило, они принадлежали к кинувийному монашеству и были начальницами двойных монастырей, на территории которых, разделенной на две части, в разных корпусах проживали монахи и монахини. Особенностью англосаксонских двойных монастырей было то, что во главе их стояли игуменьи, состоявшие в родстве с королевскими домами. На рубеже VII – VIII веков англосаксонские двойные монастыри переживали свой расцвет [2; 3].

Илийская обитель сохраняла статус двойного монастыря вплоть до IX в., когда подверглась разорению датскими викингами. Однако и после разгрома здесь осталась небольшая община клириков, а почитание св. Этельтриты не прекращалось. В составе «Илийской книги» (*Liber Eliensis*) сохранилась *Liber miraculorum beate uirginis* (970-е гг.), в которой говорится о чудотворениях, происходивших у мощей преподобной в тот период. В частности, упоминаются исцеления от паралича, немоты, слепоты, наказание иноверцев и нерадивых священников за попытки осквернения святыни [8, Р. 53–61].

С началом бенедиктинской реформы в 60-е гг. X в. усилиями епископа Винчестерского Этельвольда происходит возрождение Илийской обители. Или восстанавливается как мужской монастырь. Об особом покровительстве поздней англосаксонской церкви культу св. Этельтриты свидетельствует целый ряд исторических фактов, в том числе и то, что ее монастырь был восстановлен и реформирован одним из первых. В конце X – XI вв. у монастыря было много светских благотворителей, в числе которых представители высшей знати [8].

Свидетельства почитания преподобной Этельтриты Илийской, относящиеся к позднему англосаксонскому периоду, сохранились в богослужебных книгах и церковных календарях. Дни ее поминовения приходились на 23 июня (преставление) и 17 октября (обретение мощей) [7, Р. 163–167]. В сборнике благословений епископа Этельвольда Винчестерского (ок. 973 г.) представлены две миниатюры, изображающие св. Этельтриту. На одной из них она держит книгу и цветы. На другой изображена поющей в хоре святых дев [11]. По всей видимости, в основе этих миниатюр – гимн, сочиненный Бедой в честь преподобной Этельтриты. Беда помещает его в 20 главу четвертой книги своей «Церковной истории». Здесь он сравнивает подвиг Этельтриты с подвигом раннехристианских дев-мучениц Агафьи, Евлалии, Феклы, Евфимии, Агнессы и Сесилии, которых называет девственными цветами. По мнению Беды, основоположником подвига дев-мучениц является сама Богородица, прославляемая девичьим хором [6, Р. 396–401].

В конце X в. создается отдельное житие святой Этельтриты [9]. Автор этого жития – аббат Элфрик Эншемский – известный английский проповедник и агиограф. Как и подавляющее большинство агиографических сочинений Элфрика, житие св. Этельтриты написано на национальном англосаксонском языке и отличается доступным стилем, приспособленным к нуждам не искушенного в книжной премудрости читателя. При написании этого жития Элфрик использовал «Церковную историю» Беды. Опуская ряд несущественных деталей, он очень подробно передает текст первоисточника. Однако в финале агиограф неожиданно развивает тему целомудренного брака, видимо, стремясь адаптировать моральный урок сочинения к духовным потребностям мирян, которые

выступали адресатами жития. Герои его рассказа – благочестивая супружеская пара, воспитавшая троих сыновей, – живут «в чистоте» (*on clænnyse*) на протяжении тридцати лет, а муж в итоге принимает монашеский постриг, избрав наиболее достойный жизненный путь с точки зрения проповедника. С большой долей вероятности этот рассказ был заимствован Элфриком из шестнадцатой главы «Жизни пустынных отцов» Руфина Аквилейского [5, С. 80–82].

Этот назидательный отрывок, отразивший один из важнейших аспектов жития, стал предметом пристального внимания в новейших исследованиях. В частности, Е. В. Денисова в своей полемике с британским историком П. Джексоном подчеркивает, что здесь Элфрик «не умалял высокий идеал монашеского служения». По ее мнению, на примере почитания св. Этельтриты ярко выражена идея религиозного лидерства высшей аристократии и правящей фамилии, на протяжении столетий остававшаяся неизменной [4, С. 157–158]. Такой вывод, как представляется нам, не лишен оснований, тем более что король Эдгар (959 – 975), современник реформаторов, оказывал монастырям всяческую поддержку. С другой стороны, для Элфрика высокое происхождение св. Этельтриты вряд ли было ключевым фактором в осмыслении ее духовной биографии и христианского идеала целомудрия. В отличие от Беда и анонимного составителя «Древнеанглийского мартиролага» Элфрик не стремится акцентировать высокий социальный статус святой и никогда не называет ее королевой. Гораздо большее значение, на наш взгляд, имела совокупность добродетелей, определявших сущность ее подвига, и его соответствие приоритетам Монашеского Возрождения. Возжелав «все земное оставить... Христу послужить в монашеской жизни» [9, Р. 437], св. Этельтрита была идеальным последователем киновийного уклада и образцом монашеского благочестия, которое стремились возродить реформаторы, выступавшие сторонниками строгой аскезы, целибата клира и общности монашеского имущества.

Таким образом, почитание святой Этельтриты Илийской в раннесредневековой Англии иллюстрируют нарративный и изобразительный материал. На протяжении раннего Средневековья осмысление духовной биографии первой илийской настоятельницы не претерпело каких-либо существенных изменений. В исторической памяти церковных писателей VIII – X вв. она осталась не как достойная монастырская начальница, но как монахиня-дева, угодившая Богу своим смирением, аскетическими подвигами и выдающейся телесной чистотой.

Библиографический список

1. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Беда Достопочтенный; пер. с лат. и комм. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. – 361 с.
2. Болдырева И.И. Двойные монастыри в Англии в эпоху Беда Почтенного // Клио. – 2014. №2(86). С. 40 – 43.
3. Болдырева И.И. Образы англосаксонских аббатис VII века в «Церковной истории народа англов» Беда Почтенного // Клио. – 2015. №10(106). – С. 56 – 59.
4. Денисова Е.В. Святая Этельтрита, англосаксонская королева и аббатиса: почитание святой и его осмысление раннесредневековыми церковными авторами // Средние века. М.: Наука, 2008. – Вып. 69. – С. 143 – 158.
5. Жизнь пустынных отцевъ. Творение пресвитера Руфина / Пресвитер Руфин; перевод с латинского свящ. М. И. Хитрова. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1898 (переизд.: Загорск, 1991). – 118 с.
6. Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. & trans. B. Colgrave, R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969. – 618 p.
7. Gretsch M. Aelfric and the Cult of Saints in Late Anglo-Saxon England. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 163 – 167.

8. *Liber Eliensis* / ed. E.O. Blake. L.: Royal Historical Society, 1962. – 463 p.
9. *Natale sancte Æðeldryðe virginis* // *Ælfric's Lives of Saints* / ed. W.W. Skeat. L.: Boydell & Brewer, 2003. Vol. 1. – P. 432 – 441.
10. *Old English Martyrology* / ed. G. L. Herzfeld. L: Trübner & Co., 1900. – 243 p.
11. *The Benedictional of St Æthelwold*, written by the scribe Godeman for St Æthelwold, Bishop of Winchester from 963-984. http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_49598_fs001r
12. *The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus* / ed. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1927. – 192 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 343. 7

*Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и
мировой политики
Е.В. Бадалова
Россия, г. Воронеж, тел. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru
Магистрант факультета
международных отношений
К.А. Высокосова
тел.: 9518711026
e-mail: vysokos_kristy@outlook.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and
World Policy Chair
E.W.Badalova
Russia, Voronezh, tel. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru
master student
Faculty of International Relations
K.A.Vysokosova
Tel.: 9518711026
e-mail: vysokos_kristy@outlook.com*

Е.В. Бадалова, К.А. Высокосова

КИБЕРТЕРРОРИЗМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Кибертерроризм представляет собой угрозу для любой другой технологически развитой страны. С избытком технологий, увеличивающимся огромными темпами, угроза кибертерроризма только возрастает.

В статье рассматривается история появления кибертерроризма, анализ определения, методы, а также актуальные вопросы обеспечения кибербезопасности и проблемы противодействия кибертерроризму. Приведен перечень нормативно-правовых документов, регулирующих порядок противодействия кибертерроризму в международно-правовом аспекте, а также в Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, киберпреступления, сеть Интернет, кибератака.

E.V. Badalova, K.A. Vysokosova

CYBER TERRORISM: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

Cyberterrorism is a threat to any other technologically advanced country. With an excess of technology increasing at a tremendous pace, the threat of cyberterrorism will only increase.

The article discusses the history of the emergence of cyber-terrorism, analysis definitions, methods, and current issues of cybersecurity and the problems of countering cybercrime. The list of normative-legal documents regulating the procedure for countering cybercrime in the international legal aspect, and in the Russian Federation.

Key words: terrorism, cyberterrorism, cybercrime, Internet, cyber attack.

До недавнего времени с понятием «терроризм» были связаны исключительно физические акты насилия и преступления, например убийства, взрывы, похищения, уничтожение имущества.

Каждый день в новостях мы слышим такие понятия, как террористы, терроризм, террористическая деятельность, что негативно отражается на состоянии населения.

© Бадалова Е.В., Высокосова К.А. 2017

Хотя большинство людей могут сказать, что является терроризмом, когда они видят его, эксперты испытывали трудности при формировании определения. Ученые предлагают более ста различных определений. Исследовав содержание термина терроризм, мы можем сделать вывод о том, что большая часть деятелей науки определяют это явление, как выражение недовольства существующим социально-политическим положением, нарушающее правовые основы жизнедеятельности и связанное с идеологическим и психологическим самовыражением. В то же время, каждый, кто изучает данный феномен, исходит из своей научной деятельностью [17].

Определяющим моментом сущности и движущей силы терроризма есть то, что акт терроризма выражается не только в физическом акте насилия, но и рассчитывает на психологическое воздействие, например, породить панику в обществе, что в дальнейшем, приведет к недовольству политикой проводимой государством, что в итоге может вызвать политическую нестабильность. Страх является ключевым элементом терроризма, и это страх, вызванный отдельными лицами или небольшими группами лиц, чья способность сдерживать поведение других не находится в разумных пределах, в численном преобладании, или в законном осуществлении власти, они готовы применить насилие, если их требования не будут удовлетворены. Тем не менее, не каждая террористическая атака должна рассматриваться как политическая.

Терроризм постоянно трансформируется, то есть это адаптивная угроза, в связи с которой он постоянно ищет наиболее уязвимые места в государстве, или организации, которую выбрал для себя следующей целью.

Начиная с XX века, все больше используются технологии и, в частности, системы, которые контролируются компьютерами, что привело к появлению новой формы преступной деятельности, о которой следует беспокоиться правоохранительным органам.

С созданием глобальной сети появился новый вид терроризма – кибертерроризм, который, в сравнении с обычным терроризмом, при совершении преступлений использует последние открытия в сфере науки и техники. В 1980 году, старший научный сотрудник Калифорнийского института безопасности и разведки, Барри Коллин впервые использовал такое понятие, как «кибертерроризм», тогда компьютерная сеть ARPANET, Управления перспективных разработок Минобороны США, смогла объединить около десятков компьютеров на территории одного государства [20]. Однако ученый был убежден, что впоследствии ресурсы киберсетей, могут быть применены террористами своих целях, хотя и полагал, что это случится не раньше XXI века.

В 1990 году Национальная академия наук начала доклад по компьютерной безопасности со словами: «Мы подвергаемся риску. Америка все больше зависит от компьютеров. Завтрашний террорист может нанести больше урона клавиатурой, чем бомбой». Однако ввиду быстрого развития компьютерных технологий в 1990-е годы правоохранительными органами были установлены первые кибератаки.

Киберпространство и Интернет предоставляют собой формирующееся поле боя, которое многие террористические организации пытаются использовать в качестве пропаганды их идей или фактического нападения с использованием электронных средств массовой информации. По мере того, как развитое общество становятся все более зависимыми от электронных коммуникаций, систем управления и коммерции, террористам становится все проще найти и уничтожить поставленную цель. Интернет оказался прекрасным местом для террористических групп, чтобы распространять свою пропаганду: легкий доступ в сеть, практически полное отсутствие цензуры, большой масштаб аудитории, анонимность позволили создавать сайты, восхваляющие террористические взгляды, почти сразу, как только Интернет начал свое восхождение как революционный инструмент коммуникации.

Таким образом, если террорист, использующий в своих целях обычное оружие, опасен для десятков или сотен людей, то кибертеррорист может представлять опасность для значительно большего числа людей, непосредственно не участвуя в террористическом акте, а находясь в безопасном месте. Кибертерроризм – привлекательный вариант для современных террористов, которые ценят свою анонимность, свою потенциал для нанесения огромного ущерба, его психологического воздействия и средства массовой информации. Но есть только одна проблема: нет точного определения такого понятия, как кибертерроризм и ни один человек, за все время существования информационных технологий и киберсети, еще не был убит террористом (или кем-либо еще) с помощью компьютера. Не существует убедительных доказательств, что «Аль-Каида», «Исламское государство» или любая другая террористическая организация применяет такие методы для совершения серьезной деструктивной деятельности. Кибератаки запускаются хакерами чаще с политическими целями, у них нет желания причинять вред, устраивать беспредел и бойню, о которой террористы мечтают. Средства массовой информации часто не проводят различия между взломом и кибертерроризмом [20].

В Окинавской хартии глобального информационного общества говорилось, что «..информационно-коммуникационные технологии быстро становятся важным стимулом развития мирового сообщества» [11]. Наряду с этим, очень часто научный прогресс сопровождается увеличением отрицательных явлений в обществе, например, таких как преступность.

Определение кибертерроризм в российской юридической литературе изучается недостаточно. Под термином «кибертерроризм» понимается преднамеренная атака на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или сеть, что создает опасность для жизни и здоровья людей, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военного конфликта [19]. Кроме того, чтобы квалифицироваться как кибертерроризм, нападение должно привести к насилию в отношении лиц или имущества или, по крайней мере, причинить достаточно вреда, чтобы вызвать страх, например, нападения, приводящие к гибели или телесным повреждениям, взрывам или серьезным экономическим потерям. Серьезные атаки на критические инфраструктуры могут стать актами кибертерроризма, в зависимости от их воздействия.

Кибертерроризм соединяет в себе две составляющие: терроризм и технологии, что многие люди, в том числе большинство законодателей и должностных лиц, не до конца понимают. Более того, некоторые группы стремятся использовать это невежество, многочисленные технологические компании, которые имеют решающее значение для национальной безопасности, пытаются привлечь федеральное финансирование. Кроме того, существует различие между использованием информационных технологий в террористических целях и использованием компьютерных технологий в качестве оружия, либо мишени, вот только последнее может быть определено как кибертерроризм. Террористическое использование компьютеров в качестве посредника в их деятельности, будь то для пропаганды, вербовки, передачи данных, связи или в других целях, не является кибертерроризмом. Да, террористы все чаще используют сеть для размещения сообщений, запуска психологических кампаний, ознакомления с потенциальными целями, координации их действий, сбора средств и даже проведения виртуальных тренингов, но все эти мероприятия относятся к обычной, инструментальной категории, а не к кибератакам, направленным на компьютерные сети или сам Интернет.

Впрочем, в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации нет определения понятию кибертерроризм, а также не установлен порядок его совершения. Данная ситуация является одной из главных проблем в процессе выявления и противодействия названному виду терроризма.

Для того чтобы совершить террористический акт в киберпространстве могут быть осуществлены такие действия, как:

- повреждение отдельных элементов киберпространства, разрушение сетей электроснабжения, а также вмешательство в их работу, использование специальных программ, стимулирующих разрушение оборудования;
- кража или уничтожение информации, программного обеспечения и технических ресурсов киберпространства, которые имеют стратегическое значение, путем преодоления систем безопасности, путем ввода вирусов и других вредоносных программ;
- раскрытие и угроза публикации секретной информации для обеспечения информационной безопасности государственных, социально значимых и военных информационных систем;
- уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, искусственная перегрузка узлов связи, влияние на операторов, разработчиков информационно-телекоммуникационных систем с целью совершения действий, которые были перечислены выше [3].

Кибернетическая война и информационная война используют информационные технологии как инструмент войны для нападения на критические компьютерные системы противника.

Под термином «кибертерракт» понимаются, как правило, действия по дезорганизации информационных систем, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [2].

На сегодняшнее время кибертерракт является серьезной угрозой для человечества, ее можно сравнить с ядерным, биологическим или химическим оружием. При этом степень данной угрозы ввиду своей уникальности не достаточно осознана и изучена. Обнаружить и обезвредить данный вид террористов, фактически весьма проблематично из-за очень небольшого количества следов, оставленных ими, а также их виртуальной специфики [5].

Среда, в которой осуществляется кибертерракт – киберпространство, выделяется из общего вида терроризма, в связи с этим проблемы нахождения и противодействия данному виду преступления, взаимосвязаны:

1. Отсутствие нормативно-правовых актов, которые бы соответствовали, адекватной текущей ситуации в области защиты информации и регулирования отношений в сети Интернет.
2. Отсутствие технических средств, необходимых следственным и оперативным органам не способствует своевременному нахождению и раскрытию актов кибертерроризма.
3. Недостаточное количество специализированного персонала, который был бы в состоянии обнаружить и раскрыть компьютерные преступления, а также подразделений специализированного программного обеспечения.
4. Система защиты Интернет-серверов и информационно-телекоммуникационных систем и связи не имеет достаточно времени, чтобы совершенствоваться вслед за методами и способами совершения актов кибертерроризм, так как они становятся все более изощренными.
5. В случае осуществления акта кибертерроризма, трудно установить место его совершения и это является одной из отличительных черт данного вида, то есть преступления имеют трансграничный характер. Положение компьютера, с которого совершается преступление редко совпадает с локализацией объекта, поселения и последствия деяния. Кроме того, проблемой также является сохранение следов совершения данного вида

преступлений, а также процесс поиска кибертеррористов, что значительно снижает возможность привлечения преступника к уголовной ответственности [4].

Для успешного противодействия кибертерроризму необходимо применять ряд определенных мер:

1) создание законодательной базы в РФ, в которой был бы закреплён термин кибертерроризм в уголовно-правовом смысле, а также методы для его обнаружения;

2) разработать и принять международные документы универсального характера, которые определяют термин кибертерроризм, благодаря которым государства смогли бы отразить данный вид в их уголовном законе, с учётом специфики национального законодательства;

3) необходимо также создать международные документы, которые бы устанавливали обязанность государств в обеспечении правовой помощи, в ускоренном порядке, в расследовании этого преступления по просьбе другого государства на основе взаимодействия;

4) ввести уголовную ответственность за кибертерроризм, как особо тяжкое преступление в национальном законодательстве Российской Федерации и в международных документах;

5) определить государственную структуру, которая будет осуществлять распределение ресурсов, материалов, техники и личных, чтобы противостоять кибертерроризму;

6) определить структуру, которая будет участвовать в разработке технических средств для противодействия кибертерроризму;

7) распределить ресурсы и материалы для освещения в СМИ кибертерроризм как явление социально опасно и развития негативных настроений в отношении как общества в целом, как профессиональное сообщество людей, связанных с компьютерными технологиями;

8) вести учёт лиц, обладающих знаниями, умениями, навыками, необходимыми для осуществления кибертерроризма и которые уже были замечены в совершении преступлений в сфере компьютерной информации.

Киберпреступность и кибертерроризм часто пересекаются, например, для финансирования (либо в его виртуальной, либо в физической форме). Организованная преступность вовлечена в сложную деятельность киберпреступлений, что выражается в спаме, кражи личных данных, банковском мошенничестве, в продаже наркотиков, торговли людьми, виртуальные кражами - в том числе кражи Bitcoin, мошенничестве с кредитными картами, отмывании денег, торговле фальшивыми или украденными товарами, мошенничестве с использованием телефона, вредоносном ПО, шпионском ПО, и т.д. Средства и опыт, которые они получают от своих киберпреступников, позволяют им расширять свои виртуальные операции, часто делая их кибернаёмниками доступными для разных участников - будь то террористические группы или мелкие преступники.

Многие государства предлагают свои контрмеры для предотвращения распространения информации радикального и экстремистского содержания с сети Интернет [8]. Однако проблема по-прежнему остается серьезной.

Кибертерроризм является привлекательным вариантом для современных террористов по нескольким причинам:

Во-первых, это дешевле, чем традиционные террористические методы. Все, что нужно террористу - это персональный компьютер и подключение к Интернету. Террористам больше не нужно покупать оружие, такие как пистолеты и взрывчатые вещества; они могут создавать и реализовывать компьютерные вирусы через телефонную линию, кабельное или беспроводное соединение.

Во-вторых, как уже говорилось, кибертерроризм является более анонимным, чем традиционные методы терроризма. Как и многие интернет пользователи, террористы используют онлайн прозвища или войти на веб-сайт в качестве неизвестного «гостя», что делает его недоступным для органов безопасности и полиции, чтобы отслеживать подлинную личность террористов. В киберпространстве нет физических барьеров, таких как контрольно-пропускные пункты для навигации, нет границ для пересечения, нет таможенных агентов для перехвата.

В-третьих, разнообразие и количество целей огромны. Кибертеррорист может ориентироваться на компьютеры и компьютерные сети правительств, частных лиц, коммунальных предприятий, частных авиакомпаний и так далее. Само количество и сложность потенциальных целей гарантируют, что террористы смогут найти слабые и уязвимые места для эксплуатации.

В-четвертых, кибертерроризм может быть проведен удаленно, особенность, которая особенно нравится террористам. Кибертерроризм требует меньше физической подготовки, психологических вложений, риска смертности и поездок, чем обычные формы терроризма, что облегчает вербовку и удержание последователей террористическими организациями.

В-пятых, как показал вирус под названием «Я люблю тебя», кибертерроризм может повлиять непосредственно на большее число людей, чем традиционные террористические методы, тем самым обеспечивая более широкое освещение в средствах массовой информации, что в конечном счете является желанием террористов.

На сегодняшний день, среди основных направлений формирования киберпреступности можно определить: быстрое увеличение числа кибератак, многие из которых приводят к большим потерям; увеличение сложности атак, которые не только могут включать в себя различные этапы, но и специальные методы защиты от их нейтрализации; влияние на почти все электронные устройства (цифровые), в частности, мобильные устройства более чувствительные к несанкционированному доступу; быстрый рост атак на информационную инфраструктуру крупных компаний, крупных промышленных структур, государственных органов; использование развитыми странами в сфере компьютерных технологий, средств и методов информационной атаки на другие государства [1].

Все названные угрозы, поджидают нас в киберпространстве, о чем свидетельствуют новости, в которых часто сообщается о новых случаях совершения киберпреступлений.

Государства объединяют усилия перед угрозой кибертерроризма, это выражается в сотрудничестве международных органов и организаций, таких как ООН, Совет Европы, Международная организация экспертов, Интерпол.

В 1998 году в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 от 04.12.1998 были закреплены базовые принципы международного права в борьбе с терроризмом:

– всеобщее осуждение и признание противоправности терроризма во всех его проявлениях;

– неукоснительное соблюдение норм международного права;

– международное сотрудничество и обмен информацией между государствами;

– неотвратимость ответственности террористов, совершивших преступление;

– действенность антитеррористических мер [12].

В 1999 году Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1269 (1999) от 19 октября 1999 года [13], в которой призывает все государства в полном объеме выполнять международные антитеррористические конвенции и присоединиться к тем из них, участниками которых они не являются.

В 2001 году Совет Европы принял Конвенцию «О преступлениях в сфере компьютерной информации» [6], которая охарактеризовывает преступления информационной сфере, против информационных ресурсов или с помощью информационных средств, и признает их киберпреступлениями. Россия отказалась

подписывать данный документ, так как согласно пункту «б» ст. 32, предусматривается санкционированный доступ одного государства-участника к компьютерным данным, хранящимся на территории другого государства, без предварительного получения согласия последнего, что может нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников.

Так же, в 2001 году в Минске было подписано Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в области компьютерной информации [16]. Стороны оговорили понятия «преступления в сфере компьютерной информации», «вредоносные программы» и «неправомерный доступ», определили перечень уголовно наказуемых деяний и формы сотрудничества в области их предупреждения и пресечения.

Данное Соглашение, заложило основу для стратегии и тактики правоохранительных органов в странах СНГ. Это соглашение также создало механизм сотрудничества по борьбе с высокотехнологичными преступлениями. Однако эти страны не выполнили свои обязательства, связанные с совместными мерами розыска и создания специальных информационных систем по сотрудничеству в области подготовки квалифицированных полицейских.

В 2005 году Советом Европы была принята Конвенция «О предупреждении терроризма» [7], в которой акцентируется внимание на том, что для усиления мер борьбы с терроризмом нужно гармонизировать национальные законы, улучшить возможности расследования и поддержки международного сотрудничества.

Использование ИКТ в террористических целях запрещено Резолюцией Генеральной Ассамблеи Интерпола от 22 сентября 2005 года № 10 [14].

16 июня 2009 года было подписано Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [15], в которой информационный терроризм рассматривается в качестве угрозы информационной безопасности.

Следует отметить, что единственным международным договором, регионального характера, которые частично рассматриваются вопросы борьбы с террористическими преступлениями, которые были совершены с использованием информационных технологий, является Арабская конвенция по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 21 декабря 2010 г. (далее – АКИТ).

Так, статья 15 АКИТ к преступлениям, относящимся к терроризму, совершенным при помощи информационных технологий, относит: 1) распространение и пропаганду идей и принципов террористических групп; 2) финансирование и обучение для террористических операций и обеспечения связи между террористическими организациями; 3) распространение методов изготовления взрывчатых веществ, особенно для использования в террористических операциях; 4) распространение религиозного фанатизма и розни и нарушение свободы вероисповедания. Вместе с тем, следует с сожалением отметить, что в АКИТ не содержится положений, направленных на гармонизацию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за противоправные действия, совершаемые в террористических целях против информационно-телекоммуникационных или компьютерных сетей или систем, которые повлекли серьезные последствия (имущественный ущерб, причинение вреда жизни и здоровью людей, раскрытие государственных секретов и т. д.) [18].

18.01.2013 в Гааге был официально открыт Европейский Центр по борьбе с киберпреступностью. Он собирает и обрабатывает данные о компьютерных преступлениях, обеспечивает экспертную оценку угроз в Интернете, разрабатывает и реализует передовые методы для предотвращения, а также расследования киберпреступлений.

Таким образом, все имеющиеся проблемы в сфере безопасности в киберпространстве в ходе международно-правового сотрудничества на данный момент не урегулированы на универсальном уровне.

Что касается Российской Федерации, на данный момент действует Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10]. Он устанавливает принципы правового регулирования отношений в названной сфере, одним из которых является «обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации».

Меры, также направлены для защиты информации, предусмотрены рядом нормативно-правовых актов, которые включают в себя, в дополнение к упомянутому закону, а также указами Президента Российской Федерации, постановлениям Правительства Российской Федерации, различных государственных стандартов, организации и административных документы ФСБ России (по вопросам, связанным с защитой сведений, которые составляют государственную тайну) и Федеральной службы по техническому и экспортному контролю.

Так, согласно Указу Президента РФ от 15.01.2013 № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» [9] на ФСБ России возлагаются полномочия по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационные ресурсы РФ, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети, находящиеся на территории РФ и в дипломатических представительствах и консульских учреждениях РФ за рубежом.

В структуре органов министерства внутренних дел действует Управление «К» БСТМ МВД России, в обязанности которого входит противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации.

В Уголовном кодексе закреплены такие статьи, как статья 205 «Террористический акт», статья 205.1 «Содействие террористической деятельности», статья 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», статья 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», статья 205.4. «Организация террористического сообщества и участие в нем», статья 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, статья 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Таким образом, в Российской Федерации системного противодействия кибертерроризму не ведется. Существуют разрозненные попытки осуществлять борьбу с данным видом проявлением терроризма. Отсутствует необходимая нормативно-правовая база. При этом, как было сказано выше, для эффективного противодействия кибертерроризму необходимы совместные усилия всех членов мирового сообщества.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что лицо современного терроризма постоянно меняется, и он ищет новые методы проведения атак, вербовки и пропагандистских кампаний. Киберпространство, безусловно, новая область битвы, которую террористические организации стремятся использовать. К этой угрозе не следует относиться не серьезно, так как все больше областей жизни человека попадает под контроль компьютера, в связи, с чем зависимость общества от информационных технологий постепенно возрастает. К сожалению, данная зависимость становится легкой мишенью для террористов. Террористу больше не нужно физически находиться в одной стране, не говоря уже о месте нападения, если оно проводится через киберпространство, при этом террорист может остаться совершенно анонимным и необнаруженным. Кибертерроризм, общественном сознании, теперь стоит одном ряду с другим оружием массового уничтожения.

Кибертерроризм становится более привлекательным по мере того, как реальные и виртуальные миры становятся более тесно связаны друг с другом. Например, террористическая группа может одновременно взорвать бомбу на вокзале и запустить кибератаку на инфраструктуру связи, увеличив тем самым воздействие этого события. Если эти системы тщательно не защищены, проведение онлайн-операции, которая физически вредит кому-то, может быть так же легко завтра, как проникновение на веб-сайт сегодня. Парадоксально, но успех в «войне с террором», скорее всего, заставит террористов все чаще обращаться к нетрадиционным видам оружия, таким как кибертерроризм. Задача состоит в том, чтобы оценить, что необходимо сделать для устранения этой неоднозначной, но потенциальной угрозы кибертерроризма, но сделать это, не раздувая его реальное значение и не манипулируя страхом, который он внушает. Ни одна страна не может активно противостоять терроризму в одиночку. Поэтому, усиление международного сотрудничества становится крайне необходимым.

Кроме негативных моментов, безусловно, есть и положительные. Используя электронные средства, террористы могут оставлять электронный след, и в последствии контролироваться, возможно и быть арестованным на основании электронных доказательств. Также информационные технологии используются в качестве мониторинга за деятельностью подозреваемых, а также в качестве инструмента сбора разведывательных данных. Как и любая форма атаки, кибератака может оставить какую-то форму цифрового следа или доказательства, то есть если надлежащим образом контролировать и собирать данные, то их можно использовать в качестве средства борьбы с терроризмом.

В заключение следует отметить, что большая часть имеющихся на сегодняшний день данных свидетельствует о том, что террористические группы широко используют Интернет, однако пока они не прибегают к кибертерроризму. Угроза кибертерроризма может быть преувеличена, но ее нельзя ни отрицать, ни игнорировать.

Библиографический список

1. **Безкорвайный М.М.** Кибербезопасность подходы к определению понятия / М.М.Безкорвайный // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1 (2). – С. 22–27.
2. **Васенин В.А.** Информационная безопасность и компьютерный терроризм / В.А. Васенин // Научные и методологические проблемы информационной безопасности (сборник статей). Под ред. В. П. Шерстюка. – М., 2004. – 208 с.
3. **Вехов В.Б.** Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования. / В.Б. Вехов. – М., 1998. – С. 29–37.
4. **Данильченко Э. Д.** Правовая основа противодействия правоохранительных органов кибертерроризму / Э.Д.Данильченко // Транспортное право. – 2015. – № 4. – С. 27-32.
5. **Ибрагимов В.** Кибертерроризм в Интернете до и после 11 сентября 2001: угрозы и нейтрализация / В.Ибрагимов. – URL: <http://www.crime-research.ru/articles/Vagif> (дата обращения: 01.11.2017).
6. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185). Заключена в г. Будапеште 23. 11. 2001. – URL: <https://edoc.coe.int/en/> (дата обращения: 02.11.2017).
7. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS N 196. Заключена в г. Варшаве 16.05.2005 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 18 мая. – № 20. – Ст. 2393.
8. **Морозова В.Н.** Праворадикальные Интернет-страницы и германский опыт контринициатив / В.Н. Морозова // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. – Воронеж: типография факультета международных отношений ВГУ, 2010. - С. 77.
9. О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации: Указ

- Президента РФ от 15.01.2013 № 31с // Собрание законодательства РФ. – 2013. – 21 января. – № 3. – Ст. 178.
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 29 июля. – № 165.
 11. Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята на о. Окинава 22.07.2000 // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51-56.
 12. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 от 04.12.1998. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/> (дата обращения: 30.10.2017).
 13. Резолюция 1269 (1999). Принятая Советом Безопасности на его 4053-м заседании, 19 октября 1999 года. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902113827> (дата обращения: 20.10.2017).
 14. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола № AG-2005-RES-10 «К вопросу о деятельности, ведущейся в Интернете, по поощрению терроризма» от 22 сентября 2005 г. – URL: [https://www.interpol.int/Crime-areas/Terrorism/Resolutions\](https://www.interpol.int/Crime-areas/Terrorism/Resolutions/) (дата обращения: 10.10.2017).
 15. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков»). Заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009. // Бюллетень международных договоров. - 2012. – № 1. – С. 13 - 21.
 16. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Заключено в г. Минске 01.06.2001 Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – №1(37). – С. 138 - 145.
 17. **Старостина, Е. В.** Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. Вопросы и ответы / Е. В. Старостина, Д. Б. Фролов. – М., 2005. – 192 с.
 18. **Тропина Т. Л.** Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. / Л.Т. Тропина Владивосток, 2009. – 237 с.
 19. **Федоров А.В.** Супертерроризм, новый вызов нового века. / Под общей редакцией А.В. Федорова. – М., 2002. – 392 с.
 20. **Krasavin S.** What is Cyber-terrorism? / S. Krasavin // Computer Crime Research Center (CCRC). – URL: <http://www.crime-research.org/library/Cyber-terrorism.htm> (дата обращения: 05.10.2017).

УДК 327

*Воронежский государственный
технический университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PHD in History,
Associate Professor of
Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А.В. Погорельский

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается становление и реализация политики «Восточного партнерства» Европейского союза. На сегодняшний день трудно дать однозначную оценку успешности реализации этой программы. Несомненно, что с помощью программы «Восточного партнерства» ЕС удалось значительно расширить свое экономическое и политическое влияние на соседние страны. Однако нежелание Европейского союза согласовывать свои действия с сильными региональными игроками, такими как Россия, привело к резкому ухудшению отношений между ЕС и РФ и стало одной из причин начавшегося Украинского кризиса.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение ЕС, интеграция, сотрудничество, экономическое и политическое влияние.

A.V. Pogorelsky

EASTERN DIRECTION OF THE FOREIGN POLICY OF THE EUROPEAN UNION AT THE PRESENT STAGE

The article is devoted to the formation and implementation of the policy of "Eastern Partnership" of the European Union. Now, it is difficult to give an unambiguous assessment of the success of this policy. There is no doubt that with the help of «Eastern Partnership" program EU could greatly expand its economic and political influence on neighboring countries. However, the reluctance of the European Union to coordinate their actions with strong regional players, such as Russia, led to a sharp deterioration in relations between the EU and Russia and was one of the causes of the Ukrainian crisis.

Key words: European Union, enlargement, integration, cooperation, economic and political influence.

В настоящее время политические процессы на европейском континенте проходят новый важный этап своего развития. Они характеризуются усилением роли Европейского Союза за пределами его внешних границ, что достигается за счет появления и развития новых приоритетных направлений внешней политики, например, «политики соседства».

В силу своих сильных культурных, исторических и экономических связей страны-участницы Европейского союза заинтересованы в укреплении отношений со своими ближайшими соседями. Актуальными для Европейского Союза становятся проблемы, связанные с развитием и модернизацией государств Восточной Европы и влиянием, оказываемым ЕС на данные процессы.

С целью снижения негативных последствий неравномерности развития европейских стран и для обеспечения безопасности европейского континента, Евросоюзом была разработана целенаправленная политика в отношении соседних государств, охватывающая различные политические и социально-экономические аспекты. С 1995 г. в рамках «Евро-Средиземноморского партнерства», ЕС развивает сотрудничество со странами Средиземноморского бассейна. Начиная с 2003 г., другие страны-соседи ЕС также были включены в Европейскую политику соседства - первую программу ЕС, направленную на поддержку экономической модернизации и политических реформ в этих странах и созданную в соответствии с основными стратегическими задачами, определенными в Европейской стратегии безопасности.

Одной из программ, являющихся частью общеевропейской политики соседства, является региональная программа ЕС «Восточное партнерство». Необходимость реализации этой программы обусловлена самым большим расширением Европейского Союза в 2004 г., после которого присутствие восточноевропейских стран в ЕС резко увеличилось. Странами-участницами программы «Восточного партнерства» являются: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина. Изучение политики «Восточного партнерства» ЕС в настоящее время становится все более актуальным, так как она реализуется на пространстве общих российско-европейских интересов.

Инициатором выработки особого «восточного» направления внешней политики ЕС стала Польша. Ее представители активно критиковали политику соседства ЕС за то, что она фактически ставила знак равенства между бывшими советскими республиками в Восточной Европе и странами Южного Средиземноморья, отличными от Евросоюза как географически, так и по своей идентичности[1, С.15-23]. В 2003 г., когда было официально объявлено, что к политике соседства будут подключены средиземноморские страны, Польша предприняла новую попытку акцентировать внимание Брюсселя на восточных соседях ЕС и выступила с инициативой создания «Восточного измерения», подразумевавшим формирование внутри ЕПС особого проекта, объединяющего Россию, Украину, Белоруссию и Молдавию. Попытка оказалась безуспешной, хотя Польшу поддерживали другие страны-кандидаты на вступление в ЕС, например, Чехия[2].

Важным шагом, позволяющим создать общую политику ЕС по этому региону, была инициатива Германии, которая во время своего председательства в ЕС в 2007 году предложила ввести «Европейскую политику соседства «Плюс», предусматривавшую укрепление политики в отношении «европейских соседей» ЕС – стран Восточной Европы и Закавказья. Данная политика, по мнению властей ФРГ, не должна была негативно сказываться на отношениях с Россией. В дополнение к стандартным целям ЕПС концепция предполагала:

- частичное перенесение на эти страны европейских правовых норм, что расширило бы правовое пространство ЕС;
- расширение институционального сотрудничества, предоставление этим странам статуса наблюдателей в некоторых областях политики ЕС;
- на смену двусторонним отношениям с восточными странами-соседями должен прийти региональный подход по образцу «Барселонского процесса».

В качестве основного инструмента реализации «восточной политики» предлагались двусторонние и региональные секторальные соглашения по образцу соглашений между ЕС и Швейцарией[3].

Вскоре Польша, при поддержке Швеции, начала работу над идеей сплоченной политической инициативы, ориентированной на Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию, Молдову и Украину.

При разработке своего проекта Польша и Швеция опирались на существующую Европейскую политику соседства, но с некоторыми изменениями. В рамках проекта предполагалось введение комплексной поддержки модернизации и реформ, что, по мнению Польши и Швеции, было невозможно без углубленной экономической и политической

интеграции стран-партнеров с Европейским союзом. В мае 2008 года проект, получивший название «Восточное партнёрство» был представлен на встрече глав дипломатических ведомств ЕС министрами иностранных дел Польши и Швеции. В июле 2008 г. инициатива была одобрена Европейским советом, а ускоренной реализации проекта способствовал конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г. В декабре 2008 года Европейская комиссия представила конкретные предложения относительно Восточного партнёрства. В сообщении Комиссия было указано, что «стабильность, более эффективное руководство и экономическое развитие на восточных границах Европейского союза совпадают с его собственными интересами» и что именно страны-члены, имеющие опыт трансформации, должны сыграть ключевую роль в проекте Восточного партнёрства[4].

7 мая 2009 г. в Праге состоялся первый саммит Восточного партнёрства, на котором была принята совместная декларация. Первые рабочие встречи состоялись через месяц после саммита, а уже в декабре 2009 года в Брюсселе прошла первая формальная встреча министров иностранных дел Восточного партнёрства. Началась практическая реализация этой политики.

В Пражской декларации указывается, что «главной целью Восточного партнёрства является создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами». Решить эту задачу планировалось путем содействия проведению политических и социально-экономических реформ в странах-участницах Восточного партнёрства. При этом сотрудничество было предложено развивать как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Двусторонний формат сотрудничества предполагал углубление двусторонних связей между Европейским союзом и каждым из восточных партнеров путем заключения двусторонних соглашений (соглашения об ассоциации, соглашения о зонах свободной торговли, двусторонний диалог по либерализации виз), а также путем более тесного двустороннего сотрудничества в ряде областей. В качестве основы многостороннего сотрудничества были названы 4 основные приоритета или тематические платформы:

- демократия, надлежащая система управления и стабильность (проведение административных реформ, антикоррупционные меры, развитие институтов гражданского общества, свободных СМИ и т.д.);
- экономическая интеграция и сближение с отраслевой экономической политикой Евросоюза, включая создание зон свободной торговли;
- энергетическая безопасность (надежное энергоснабжение как стран-партнеров, так и ЕС; развитие источников возобновляемой энергии);
- развитие контактов между гражданами (либерализация визового режима и одновременно усиление борьбы с незаконной миграцией).

В каждую платформу входят представители высокого уровня от центральных органов исполнительной власти, парламентов, гражданского общества, международных организаций (Совет Европы, ОБСЕ), международных финансовых учреждений, частного сектора и социальных партнеров.

Первые рабочие встречи членов Европейской комиссии и стран-членов ЕС, а также шести стран-партнеров состоялись через месяц после саммита в Праге, а в декабре 2009 года в Брюсселе прошла первая формальная встреча министров иностранных дел Восточного партнёрства. Глава МИД Польши Радослав Сикорски на совместной пресс-конференции со своим российским коллегой Сергеем Лавровым пригласил Россию (в частности – Калининградскую область) в некоторые программы «Восточного партнёрства». Однако Россия отказалась включить Калининград в сферу действия «Восточного партнёрства».

В 2011 г. для содействия сотрудничеству между Восточными партнерами и ЕС была создана Парламентская ассамблея «Евронест». В состав «Евронест» входят 60 членов Европарламента и по 10 парламентариев из каждой страны-участницы Восточного партнёрства.

В том же году состоялся второй саммит «Восточного партнерства» в Варшаве. «Восточные партнеры», представители ЕС, а также главы и представители стран-членов ЕС в ходе встреч обновили свои соглашения и цели. По итогам саммита участники приняли совместную декларацию, в которой выразили свое согласие на продолжение реализации программы, принятой на первом саммите[5].

В июле 2012 г. в Брюсселе завершился форум министров иностранных дел Евросоюза и стран-участниц Восточного Партнерства. На повестке дня было обсуждение промежуточных результатов работы Восточного Партнерства и перспектив его развития, однако главной темой дискуссии стало ухудшение ситуации с правами человека в Беларуси.

В 2013 г. в Вильнюсе состоялся третий саммит «Восточного партнерства». В ходе саммита Молдова и Грузия парафировали соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Здесь же предусматривалось подписать Соглашение об ассоциации и Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с Украиной, однако за несколько дней до саммита президент Украины В. Янукович приостановил процесс подготовки к подписанию, заявив, что соглашение об ассоциации несет в себе угрозу для украинской экономики. Азербайджан также отказался стать ассоциированным членом Евросоюза.

Отказ В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС привел к массовым протестам украинской оппозиции и государственному перевороту 21 февраля 2014 года, в результате которого В. Янукович был лишен власти. Власти Европейского Союза фактически поддержали государственный переворот и признали нового президента Украины П.Порошенко, избранного в мае 2014 г. В 2014 г. соглашения об ассоциации с Европейским союзом подписали Украина, Грузия и Молдова.

Четвёртый саммит участников «Восточного партнерства», прошёл в 2015 г. в Риге. По его итогам страны-участницы подписали декларацию, несмотря на несогласие Армении и Беларуси с формулировкой «аннексия Крыма», содержащейся в итоговом документе[6].

В 2015 г. ЕС объявил о необходимости пересмотра политики Восточного партнерства в связи с украинским кризисом[7]. Дальнейшие перспективы проекта сейчас поставлены под вопрос. На фоне других растущих проблем в Евросоюзе: экономического и миграционного кризиса, террористической угрозы, роста националистических настроений, программа «Восточное Партнерство» не является первоочередной задачей в списке приоритетов Европейского Союза и сегодня практически не освещается европейскими СМИ.

По мнению многих экспертов, для Беларуси и Армении членство в Евразийском Экономическом Союзе является не менее, а в некоторых сферах – более выгодным, чем продолжение интеграции с ЕС в рамках «Восточного партнерства»[8]. Поэтому дальнейшая перспектива участия этих стран в программе «Восточное партнерство» остается неясной.

Российские эксперты совместно с политологами из Латвии, которая была страной-председателем Совета ЕС в первой половине 2015 г., представили две модели будущего программы «Восточное партнерство»[9].

1) Первая модель – модель Яниса Урбановича. В соответствии с данной моделью можно выделить несколько ключевых характеристик, которыми должна обладать реформированная программа «Восточное партнерство»:

- Евросоюз должен отказаться от категоричных требований к Восточным партнерам в отношении введения общерыночных стандартов, т.к. некоторые из них могут противоречить национальным интересам государства;

- участники программы должны отказаться от «антироссийской» риторики;

- усиления сотрудничества с Россией и вовлечение в партнерство Москвы;

- предоставление странам «Восточного партнерства» большей свободы действий и отказ от политики наставничества в отношениях с участниками;

По мнению Урбановича, после реформирования с учётом названных выше пунктов развитие программы «Восточное партнерство», позволит выйти за рамки региональной программы и перейти к созданию объединенного политического и экономического пространства, в котором будут участвовать ЕС, Восточные партнеры и Россия[9].

2) Вторую модель в 2014 г. представил министр иностранных дел Латвии Эдгар Ринкевич. На данный момент эта модель представляет наиболее радикальный вариант реформирования программы. Согласно Ринкевичу, «Восточное партнерство» должно обладать следующими характеристиками:

- максимальное вовлечение США в реализацию политики «Восточного партнерства» вплоть до дальнейшего переименования программы в «Евроатлантическое восточное партнерство»;

- повышение эффективности программы через усиление уже применяемого Евросоюзом принципа «больше за большее»;

- предоставления Восточным партнерам статуса полноправных членов Евросоюза;

- применение диверсифицированного подхода. К каждой стране-участнику Ринкевич предлагает разработать свою собственную программу евроинтеграции, в которой будут учтены особенности каждого отдельного региона;

- информационное противостояние РФ. По мнению Ринкевича, необходимо принять меры, ограничивающие российское информационное влияние на страны-участницы[9].

24 ноября 2017 г. в Брюсселе завершился пятый саммит «Восточного партнерства» с участием представителей ЕС и шести стран бывшего СССР. По его итогам стороны приняли декларацию, в которой признали европейские устремления партнеров союза и призвали мирно решать имеющиеся разногласия и конфликты.

По итогам саммита, Армения подписала соглашение о всестороннем сотрудничестве со странами Европейского союза. Новое соглашение Еревана и Брюсселя подразумевает широкое сотрудничество в различных сферах. Армения получит средства на развитие гражданского общества, борьбу с коррупцией, развитие альтернативных источников энергии. Документ предусматривает допуск на европейские рынки некоторых товаров из Армении. Соглашение также позволит армянскому государству развивать совместные с ЕС проекты в области образования, охраны окружающей среды и научно-технической сферы. В декларации по итогам саммита говорится, что страны ЕС «придерживаются строгого курса на начало диалога, направленного на либерализацию визового режима с Арменией»[10].

Текст итоговой декларации выглядит достаточно выверенным и носит компромиссный характер. «Участники саммита в очередной раз подчеркивают приверженность необходимости укрепления демократии, принципов верховенства закона, прав человека и основополагающих свобод, а также принципов и норм международного права, которые лежат в основе создания «Восточного партнерства»[10], - сказано в документе. Там также отмечается, что ЕС по-прежнему строго настаивает на необходимости поддержания территориальной целостности государств «Восточного партнерства», их суверенитета и независимости. «Участники саммита призывают снова предпринять усилия для мирного разрешения продолжающихся конфликтов в регионе на основе принципов и норм международного права»[10], - подчеркивается в итоговой декларации.

Глава МИД Латвии Эдгар Ринкевич прокомментировал итоги саммита следующим образом: «Я понимаю, что все журналисты из стран-участников «Восточного партнерства», которые не входят в Европейский союз, хотят услышать конкретные сроки или даты возможного принятия их в полноценные члены ЕС. Но, правда, сегодня в том, что никто из них пока не готов стать полноценным членом. Я должен подчеркнуть, что это партнерство направлено в том числе и на то, чтобы максимально приблизить ситуацию в законодательстве, экономике и иных сферах жизни в странах-партнерах к стандартам ЕС, и это важно, этим странам-партнерам нужно пользоваться. Те, кто ожидал появления по итогам саммита у тех или иных членов партнерства более серьезных европейских перспектив, возможно, были разочарованы. Но и те, кто ожидал, что страны-члены партнерства отойдут от того, о чем государств ЕС договорились с остальными участниками «Восточного партнерства» ранее, также оказались разочарованными»[10]. Глава МИД Латвии призвал государства, которые не входят в ЕС, но имеют намерение это сделать, предпринять ряд шагов в экономике, политике, борьбе с коррупцией и других сферах,

которые приблизят эти страны к европейским стандартам, тогда они смогут серьезно улучшить свои перспективы вхождения в Европейский союз.

На сегодняшний день трудно дать однозначную оценку успешности реализации политики «Восточного партнерства» Европейского Союза. Несомненно, что с помощью этой программы ЕС удалось значительно расширить свое экономическое и политическое влияние на страны постсоветского пространства. Однако нежелание Европейского союза согласовывать свои действия с сильными региональными игроками, такими как Россия, привело к резкому ухудшению отношений между ЕС и РФ и стало одной из причин начавшегося Украинского кризиса.

Библиографический список

1. **Чернова А.В.** «Восточная политика» Польши: от концепции УЛБ до «Восточного партнерства» / А.В. Чернова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6.
2. **Petr Kratochvíl, Elsa Tulmets.** Checking the Czech Role in the European Neighbourhood / Petr Kratochvíl, Elsa Tulmet //Friedrich Ebert Stiftung. – 2007/ - №2. - URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/06166.pdf>
3. Berlin entwickelt neue Nachbarschaftspolitik für die EU // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2006. - 3. Juli.// URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/europaeische-union-berlin-entwickelt-neue-nachbarschaftspolitik-fuerdie-eu-1354215.html>
4. Сообщение Европейской Комиссии для Европейского парламента и Европейского совета. Восточное партнёрство. - 2008 - 03.12// URL: http://www.eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf
5. На Варшавском саммите была принята Совместная Декларация "Восточного партнерства" // Regnum. – 2011. – 30. сент. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1451275.html>
6. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit - 2015. – 21-22.05// URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/riga-declaration-220515-final_en.pdf
7. ЕС пересмотрит отношения с соседями из-за Украины // BBC. – 2015. – URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150305_eu_review_neighbours_policy.shtml
8. Участие Армении в Таможенном союзе – выгодно и перспективно // Հյուսիսփայլ. – 2013. – URL: <https://husisapail.wordpress.com/2013/09/17/>
9. **Пономарева Е., Шишелина Л.** Председательство Латвии в ЕС- 2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией: аналитический доклад / под ред. О. Гаман-Голутвиной / Российская ассоциация политической науки. — М., 2014.
10. «Восточное партнерство»: союзники Москвы уходят на запад // Gazeta.ru . – 2017. – 24. ноября. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/11/24_a_11003330.shtml

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Выпуск 3 (13), 2017

Подписано в печать 06.12.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 14,2. Усл. - печ.л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № _____

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отдел оперативной полиграфии
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84